

СТАНИЦА

общеказачья газета - журнал

издаётся в России с января 1992 г.

№ 1 (52) февраль 2009 г.

Краснодар. 16 сентября 2008 г.
Перезахоронение Ф.А. Щербины

В номере:

- * **Быть - или казаться?..**
писатель А. Серба продолжает размышления
о судьбах российского казачества
- * **Самозванное "войско"**
как Пермь "казачьей столицей" стала
- * **"Матильда" при "атамане"**
пресс-секретарь реестрового атамана Дона
командовала "Красными бригадами"
- * **Узун-Агачское дело**
к столетию художника и писателя Николая Каразина
- * **Атаман Борис Анненков**
из жизни легендарного героя Гражданской войны
- * **Генерал из конвойцев**
как рядовой кубанский казак стал генералом
- * **Гибель Уральского Войска**
неизданные воспоминания полковника Т.И. Сладкова

О таком ли возвращении он мечтал?..

прах кубанского историка
Ф.А. Щербины был
торжественно перенесён...
в Краснодар

стр. 2 - 3

Казачи зарубезья

более 500 фотографий
в альбоме, посвящённом
казачьей эмиграции

стр. 48

"Казачья пирамида" во Франции.
Вверху - Л.В. Солодухина (Мищенко)

Возвращение на Родину

16 сентября во дворе Троицкого храма в Краснодаре был торжественно перезахоронен прах известного кубанского историка и общественного деятеля Фёдора Андреевича Щербины, доставленный на Родину из Праги. Историю с предстоящим перезахоронением в прошлом номере "Станицы" мы рассматривали, наряду с эпопеей возвращения из США Войсковых регалий, как очередной яркий пример полного нежелания (неумения?..) властей - и краевых, и казачьих - хотя бы элементарно считаться с мнением казаков и жителей Кубани. Такие уж у нас нынче "атаманы"...

Церемония перезахоронения началась в храме с зауспокойной литии, которую вместе отслужили митрополит Екатеринодарский и Кубанский Исидор и митрополит Чешский и Словацкий Христофор. На службе присутствовали представители властей и казачьих организаций края.

По окончании службы у открытой могилы Ф.А.Щербины выступили губернатор Краснодарского края А.Н. Ткачёв, представители законодательной власти, Русской Православной Церкви и Кубанского казачьего войска. Все выступавшие отметили заслуги Щербины перед Кубанским казачеством, его роль в становлении российской науки и гражданского общества, в сбережении культуры и традиций родного края.

Гроб с останками Фёдора Андреевича был опущен в кубанскую землю под звуки Кубанского гимна, затем мимо места захоронения торжественным маршем прошли казаки почётного караула.

Вот, вроде бы и всё - вся официальная, так сказать, часть. То, что мог видеть сторонний наблюдатель - и что было дозволено отразить на страницах местной прессы. При этом предысторию события последняя в большинстве своем старательно избегала.

Мало кто даже вскользь решился упомянуть, что сам Фёдор Андреевич хотел упокоиться вовсе не в Екатеринодаре (и уж, тем более - не в Краснодаре!), что изначально рассматривался совсем другой вариант перезахоронения - действительно на Родине, в родной станице, рядом с могилами его отца и матери. Что окончательное решение о перезахоронении было принято властями келейно, без общественного обсуждения и вопреки мнению станичников и родственников писателя, в крайне неудачном месте - не на кладбище, а под асфальтом, на заднем дворе одного из городских храмов, в полутора метрах от выходящих из земли ржавых коммуникаций! А чтобы избежать ненужных споров, родственники и вообще недовольных и сомневающихся просто не допустили к участию в подготовке мероприятия.

Именно что - мероприятия! Подготовленного неясно кем в лучших советских традициях. "Лучших" - в том плане, что всё было достаточно хорошо организовано, торжественно, но открыто официально, без души.

И не удивительно поэтому, что на самой церемонии, не обошлось без ляпов. Например, на табличке со сведениями о "Всекубанском диде", установленной поначалу у могилы, неверно указали дату его рождения. Кто-то, выступая у могилы, назвал одного из основателей школы русской статистики - "известным статистом", кто-то - "генералом и атаманом..."

От родной станицы Ф.А.Щербины - Новодеревянковской - был приглашен на перезахоронение один глава

станичной администрации. Но ни ему, ни другим землякам писателя, всё-таки приехавшим на церемонию, в том числе из Москвы, слова не дали. Только и оставалось им - возложить венки с грустной подписью: "Ф.А.Щербине от новодеревянковцев, не выполнивших обещание - похоронить на Родине".

Ещё за месяц до перезахоронения земляки и родственники учёного (в том числе глава станичной администрации, директора Дома культуры, школы, музея, крупнейшего хозяйства ЗАО "Дружба") обращались с открытым письмом к руководству края и Епархии - с просьбой перенести церемонию на Родину историка, либо временно отложить её. Любопытно, что все, с кем довелось поговорить на самой церемонии, поддержали эту позицию. Даже - в частной беседе - отставной глава ККВ В.П. Громов (не так давно старательно продвигавший именно "краснодарский" вариант перезахоронения) - жаль только, что большинство из них не решились сделать это раньше и открыто!

В письме, в частности, говорилось: "Когда в начале 2000-х годов заговорили о необходимости этого, обсуждались два возможных места окончательного упокоения Фёдора Андреевича - родная станица Новодеревянковская и его усадьба (дача) Джанхот, любимые им на Кубани места. Но для нас, новодеревянковцев, живущих сейчас в станице или волею судьбы оказавшихся за её пределами, сомнений никогда не было. Мы всегда знали, что наш "Кубанский дид" должен вернуться в "родную Деревянковку". Тем более, что наши прадеды - новодеревянковцы ещё в 1938 году в Праге поклялись, что перезахоронят Щербину именно дома!"

Исходя из этого, мы начали постепенное благоустройство места в станице, где жила семья историка

и стоял храм, в котором служил его отец. Здесь была построена часовня, начата установка красивой кованой ограды, установлена плита, на которой выбиты имена похороненных здесь членов родителей и брата Щербины. Расположенной рядом школе и проходящей мимо улице было присвоено имя Ф.А. Щербины. Было решено и создать его музей - в старом здании школы для иногородних, находящемся тут же. В прошлом году было начато и восстановление станичного Свято-Никольского храма..."

Скажете - поздно спохватились, за месяц-то? Однако и до этого не раз родственники Щербины, станичники и Краевой Фонд памяти Ф.А.Щербины обращались к властям с просьбами хотя бы элементарно выслушать их мнение, учесть пожелания и самого Фёдора Андреевича, и района. Однако все эти просьбы неизменно оставались без ответа. Как и то, повторюсь, что изначально именно родная станица как раз и представлялась местом последнего упокоения Щербины - об этом несколько лет назад писали и журналисты, и историки. Потому новодеревянковцы и надеялись до последнего на здравый смысл, на порядочность властей края и

"реестрового" Войска. Зря, выходит...

Хотя, может быть - не всё ещё потеряно? Откроется в станице музей Щербины (здание под него уже выделено, начинаются работы по ремонту), обустроится оконча-

Новодеревянковцы у могилы земляка

**ФЕДОР АНДРЕЕВИЧ
ЩЕРБИНА
1846-1936**
Выдающийся российский историк,
общественный и политический
деятель,
первый исследователь истории
Кубанского казачьего войска.
КАЗАК И ПАТРИОТ
Первоначальная табличка с
ошибкой в дате рождения

тельно территория вокруг часовни на месте, где служил его отец и похоронена его семья - и тогда придёт время вернуть прах Фёдора Андреевича **домой**.

Это действительно очень нужно - и не только как торжество некоей абстрактной справедливости, до которой краевым властям дела нет. Это нужно, как и сказано в письме - прежде всего нынешней станице и станичникам! В этом, если хотите - залог её будущего. Как пишут станичники - *"Мы уверены также, что, помимо обыкновенного восстановления справедливости, перезахоронение праха Ф.А.Щербина в родной станице позволит Новодеревяновской привлечь к себе внимание - властей и органов культуры, всех интересующихся историей Кубани, новых инвесторов и благотворителей. С ним мы связываем пробуждение станицы, шанс её возрождения и дальнейшего развития. Не сомневаемся, что сам Фёдор Андреевич был бы только за использование его имени ради будущего любимой Деревяновки!.."*

Поэтому мы и решили ещё раз привести здесь этот фрагмент обращения одностаничников Щербина. Может быть, в этот раз повезёт - и хотя бы господин атаман

На месте перезахоронения Ф.А. Щербина

Долуда снизойдёт до ответа?..

Что, сомнительно? Вот и мне тоже, по правде говоря...

* * *

..После окончания церемонии, когда её участники разошлись, рабочие закрыли могилу ещё одной бетонной плитой, слоём цемента и плитки - чтобы надёжнее. Попытка засыпать эти новые работы вызвала у надзиравшего за работой чиновника протест - мол, как бы эти новодеревянковцы коварные ещё чего не подумали!.. Будто земляки Щербина готовились похитить гроб с прахом...

Отдельно отметим, что выступивший на перезахоронении мэр Краснодара В.Евланов заявил, что городу, в котором похоронен Щербина, нужно вернуть историческое имя. Что ж - если это случится, значит, сослужит Щербина родной Кубани ещё одну важную службу.

Вечная Вам память, Фёдор Андреевич! И пусть земля Вам будет пухом - даже и под бетонными плитами...

Г. Кокунько

Завещание Щербина

Возвращаются в Россию исторические реликвии, архивы русской эмиграции. В 2007-08 гг. на Родину вернулась часть коллекции регалий Кубанского Войска, хранящихся в музее штата Нью-Джерси, США, среди них - жалованная грамота императрицы Екатерины II на кубанские земли. В сентябре 2008 года в Краснодаре состоялось перезахоронение доставленного из Праги праха выдающегося кубанского историка Ф.А. Щербина (1849-1936).

Теперь Фёдор Андреевич покоится на родине около Свято-Троицкого собора кубанской столицы. На перезахоронении официальными лицами много говорилось о значении Щербина для родного края, о том, что его самого и его труды следует помнить. Так, может быть, пришло время выполнить и **завещание учёного?**

Этот официальный документ был написан рукой самого Фёдора Андреевича 14 сентября 1935 года и заверен печатью нотариальной конторы Праги. В Россию он был привезён ещё в 1972 году, вместе с архивом Щербина.

Так о чём же болела его душа на склоне лет?

Завещал Фёдор Андреевич своё движимое и недвижимое имущество в имени Джанхот, расположенном на Черноморском побережье возле Геленджика. Он писал: *"...участки, каждый, как единое целое, т.е. без уменьшения их земельной площади, должны перейти во владение того государства, в котором они будут находиться, на строго определённые нижеизложенные цели..."*

Всего земельные участки Щербина составляют площадь 110 десятин. Здесь им был выстроен большой дом с мансардой и винным подвалом. Гордостью и достопримечательностью его имения стали виноградники, фруктовый и ботанический сад. Великолепное вино из имения Джанхот, изготовленное по собственному рецепту историка, получило большую известность в России и на Кавказе. Оно даже было награждено четырьмя золотыми и пятью серебряными медалями на российских выставках в начале XX века!

Соседом и соратником Щербина по хозяйственно-культурному освоению приморского местечка Джанхот стал известный российский писатель В.Г. Короленко, в чьём доме, расположенном неподалёку, сейчас находится его музей.

Дом Ф.А.Щербина в его усадьбе

Окончание завещания Ф.А. Щербина

В завещании на основе своего имения Ф.А.Щербина предлагал в будущем устроить питомник для редких растений, виноградники, сохраняя здесь представителей растительного и животного мира этого уголка Кубани. Здесь же он предлагал построить и метеорологическую станцию. На втором участке своего имения, прилегающем к береговой полосе Чёрного моря у самого устья реки Адербы, Щербина предложил открыть национальный парк - с фонтанами, художественными памятниками и башнями для обзора живописной местности.

Фёдор Андреевич завещал также никогда не использовать его земли для создания на них *"жилых, торговых, промышленных складочных и арендных помещений или для ресторанных целей"*. Завещание подписал и его сын Григорий (умерший в 1947 году).

К большому сожалению, дом и участки Ф.А. Щербина в Джанхоте сейчас приходят в полное запустение, на его земле какие-то отечественные горе- "предприниматели" вместо национального парка устраивают пищеблоки. Перезахоронить прах, оказывается, легче, чем выполнить волю человека, отказав при этом чьим-то коммерческим интересам...

Н. Корсакова, С. Илюхин

Быть - или казаться?..

(продолжение; начало в № 51)

“Чудеса” сегодняшних казачьих кругов присутствием православных батюшек не ограничиваются - в президиумах обычно сидят и представители т.н. “Советов стариков”, обладающих не меньшими полномочиями.

В старейших Запорожском и Донском войсках был такой институт власти. На Сечи “бабки”, “сивоусые диды” (старшие, опытные казаки, бывшие в молодости полковниками, сотниками) обладали непрерываемым авторитетом, как носители обычаев и традиций строго следили за соблюдением неписанных законов “славного низового товарищества”.

На радном майдане “диды” занимали места сразу после войсковой старшины. Во время походов они приставлялись к полковникам и сотникам “для совета и наглядю”. При отправке “листов” от имени Запорожского войска их подписи стояли после подписей Кошевого. Бывало, при погребении “дидов” на Сечи палили не только из “малого ружья”, но даже из пушек, чего не удаивались многие атаманы...

Чтобы понять причину такого влияния их на жизнь Запорожя, необходимо уяснить главнейшую роль, которую они выполняли. Нагляднейшим примером будет следующий. 11 марта 1771 г. из Петербурга на имя кошевого атамана Петра Калнышевского пришло следующее письмо генерал-прокурора князя А.А. Вяземского: “Не можно ли из Сечи Запорожской, мимо Очакова и Кинбурна, пройти лодками в Черное море и оттуда в Дунай или хотя бы до Аккермана. На каждой лодке иметь по писарю и записывать всё: ветры, сильны ли оные были или тихи? С которой стороны дули? Часто ли переменялись? В каком по видимому расстоянии между крепостей проходили? Какая тут глубина воды была? Проходя крепости, далеко ли от берега плыли и какую, ежели можно изведать, глубину? А если близко берегов сии лодки пойдут, то записывать же и берега, где оные круты, а потому близко ль оных стоят глуби, где отмели или косы и как далеки в море? Где есть глубокие заводи, где по берегам и какие селения, города и деревни? Где те лодки ночлег имели, с какою выгодою и с какою предосторожною, и не было ли на них какого покушения и чем оное отвращено?..”

Шла очередная турецкая война; Императрица Екатерина II думала об освобождении Балкан с последующим броском войск на Константинополь, при поддержке десанта с моря. Чтобы выполнить комплекс задач, поставленных перед запорожской экспедицией, в настоящее время потребовалась бы работа Генштаба с его высококлассными специалистами и сложнейшей техникой. “Сивоусые диды” - ветераны сухопутных походов и морских набегов до Трабзона и окрестностей Стамбула, знатоки морских побережий, господствующих там течений и ветров - были для Запорожя тем, что впоследствии получило название “мозг армии” и организационно было оформлено в штабных структурах.

Со временем, когда процесс “огосударствления” казачества принял необратимый характер, когда чиновничество казачьих офицеров начало производиться на общих принципах русской армии, появились у казаков свои штабы с военными топографами, геодезистами, офицерами разведки и т.д. - роль “сивоусых дидов” свелась к нулю. Но в гражданской жизни станиц и хуторов этот институт отчасти сохранился. Казачество ещё оставалось обособленным “служилым” сословием, чья внутренняя жизнь строилась не столько на общеимперском законодательстве, сколько на “обычном праве” - собственных вековых традициях. Старики обладали также богатейшим опытом ведения хозяйства в своих регионах, экономика же казачьих войск играла всё возрастающую роль.

Со временем реальное влияние на станичную жизнь “стариков” стало чисто номинальным. В жизни войск чисто “казачье” законодательство постепенно сузило роль прадедовских традиций до круга семьи и культурной жизни. После реформ 1861 года на высшем государственном уровне было решено повысить “гражданственность” казачества, для чего переработать прежние законы. В вой-

сках появились соответствующие комитеты по разработке проектов новых законов, а в Петербурге был создан Особый комитет по пересмотру “казачьих законоположений”, который предложения из войск даже не рассматривал.

В 1868 году был обнародован блок законов, разрешавший казакам “свободный выход из состояния” и предоставлявший право заниматься всеми видами промышленной деятельности и торговли. Иногородним разрешалось селиться на казачьих землях, приобретая любую собственность.

В 1869 году было принято “Положение о поземельном устройстве в Казачьих Войсках”, а годом позже - “Положение об общественном управлении в Казачьих Войсках”, размывавшие казачество как обособленную часть населения. Суть их состояла в том, что станичная община становилась “всесословной”, иногородним предоставлялось право голоса на станичных сходах. Хотя оговаривалось, что они могут решать лишь вопросы, имеющие отношение именно к ним - на деле они касались всех сторон станичной жизни, кроме военной. Если прежде казачьи офицеры и чиновники вместо должностных окладов и пенсий получали войсковые земельные наделы, теперь эти наделы становились их частной собственностью. На казачьи войска стали распространяться и общегражданские суды, на их территории учреждались земства с возложением на казаков целого ряда неведомых им доселе податей и повинностей.

Коренная ломка произошла и в управлении войск. Посты начальников областей и войсковых атаманов были совмещены, и гражданский чиновник, оставаясь на прежней должности, автоматически получал пост атамана. Вместе с этим, были урезаны территории казачьих войсковых земель - отныне ею стала лишь та, что была заселена непосредственно казаками, а не вся территория Казачьего Войска. Заселённые иногородними (крестьянами, рабочими угольных копий, нефтепромыслов и т.д.) и инородцами (горцами, кочевниками и т.д.) районы попадали в гражданское управление, возникала “чересполосица”, когда казачьи юрты перемежались с обычными общеимперскими волостями - в итоге стали нарастать конфликты казаков с иногородними и инородцами.

Ещё один удар по влиянию стариков нанесло появление многочисленной станичной интеллигенции - учителей, врачей, агрономов, чьи профессиональные знания оказались востребованней, нежели не отвечающие запросам современной жизни поучения.

В конечном счёте, институт стариков в общественной жизни стал выполнять функции в объёме бывших советских товарищеских судов при ЖЭКах. И нужно ли в наше время наделять их несвойственной им уже в позапрошлом веке властью?..

Теперь коснёмся проблемы создания казачества “из чего угодно” - тем паче, что и на сию тему есть богатый исторический опыт.

При подавлении восстания Булавина царские войска залили Дон кровью, а уцелевшие повстанцы во главе с Игнатом Некрасой ушли на Кубань. На Дону осталось всего около 6 тысяч “казачьих душ обоего полу”. Вскоре, ощутив острую потребность в казачьей коннице, Россия стала спешно исправлять ошибку, искусственно увеличивая численность “казачьего” населения. Верстались все желающие из бывших беглых, к казачьему сословию приписывали деревни государственных крестьян в верховьях Дона, десятки тысяч отслуживших свой срок солдат (в некоторые годы - до 75 тысяч!).

Число “казачьих” полков резко возросло, о боеспособности же приписных можно судить по письму Донского Войскового правительства князю Потемкину: “Хотя из них были и люди такие, кои давали надежду к службе, но все они, не имея к тому навыка от молодых лет и будучи на своих местах или земледельцы или люди в праздность погруженные, оказались бесполезными, тем еще более, что нередко происходят от них из полков побего и другие постыдные по службе упущения, касающиеся до нареkania Донских казаков, которые и рождением и воспитанием своим, получая свойственное

предков их состояние, имеют особливые способности и усердие к службе, чем Войско сие приобрело славу”.

Итогом искусственного увеличения численности донского казачества (с начала 18 века до начала 20-го - с 6 тысяч человек до полутора миллионов - в 250 раз!) стало “омужичивание”. В 1837 году Император Николай I по итогам смотра донским полкам под Новочеркасском заявил Войсковому атаману Власову: “Я ожидал увидеть двадцать два полка казаков, а вижу каких-то мужиков! Никто не имеет понятия о фронте. И лошади! Это не казачьи лошади, а мужичьи!”

После ликвидации в 1775 году Запорожского Войска князь Потёмкин принялся за создание новых войск не из “гулящего и беглого люда” и хлебопашцев, а из иноплеменников, чья воинственность должна была служить гарантией их пригодности к казачьей службе.

Когда в русско-турецкую войну 1768-1774 годов императорская эскадра действовала в Адриатическом и Эгейском морях, она была поддержана сражавшимися против порабощителей на суше греческими повстанцами. После войны, страшась преследований турецких властей, часть их эмигрировала в Россию. По той же причине в Причерноморье оказалось много албанцев. Из них князь и задумал сформировать новое казачье войско. А поскольку греки и албанцы являлись хорошими моряками, поручить им охрану морской границы и побережья.

Войску, насчитывающему 1263 человека, выделили территории у Таганрога, Керчи, Еникале, предоставили казачьи права, освободили от налогов, назначили жалование; казна выделила средства на постройку домов и обзаведение хозяйством, возведение казённых зданий и госпиталя. Когда же дело дошло до военных действий, наступило время удивления: в 1773 году из проверенных 1003 “казakov” в строю оказалось 500, остальные были невесты где, а когда генералу Борзову было приказано взять с собой 300 “греко-албанцев”, он с превеликим трудом смог наскрести две сотни. Новоиспечённые “казаки” частью разбегались по всему Крыму, преимущественно в Балаклаву и Алушту, а оставшиеся в “войске” занялись торговлей, благо были освобождены от пошлины. Проверка в 1785 году вообще обнаружила, что в “войске” полно не только украинцев, но и грузин, армян, татар, даже итальянцев, желавших пользоваться предоставленными льготами. Единственное, на что оказалось способно Греческо-Албанское войско, это несение караулов в Таганроге.

Неудачей завершилось и создание Крымско-татарского казачьего Войска (после присоединения Крыма к России). По Указу 1784 года для охраны Таврии и Крыма должны были быть сформированы из татар 5 конных дивизионов общей численностью 1035 человек. Создать удалось лишь три, но когда выяснилось, что эти “казаки”, в случае турецкого десанта на полуостров готовы поднять восстание, один дивизион был распушен, а два оставшихся включены командами в русские полки - для сопровождения почты, охраны соляных промыслов, борьбы с разбойниками, “войско” же было ликвидировано.

Такая же участь постигла и Ногайское казачье войско. Когда в 1783 году ногайцы подняли против России восстание, оставшийся верным мурза Баязет-бей получил земли в Таврии, на реке Молочной. Туда потянулись ногайцы из турецких владений, и Порты этому не препятствовала - настолько они были хлопотными подданными. В итоге на Молочной оказалось около 10 тысяч ногайцев, правительство предоставило им статус государственных поселенцев. Потеря власти над соплеменниками никак не устраивала Баязет-бея, и он предложил создать “казачье войско” под своим атаманством, которое вместо податей сформирует два конных казачьих полка по 500 человек. Ему удалось экипировать и вооружить лишь две сотни конников, ставших личной охраной бея, а с остальных соплеменников стали силой выколачивать деньги, будто бы для закупки лошадей и оружия. Ногайцы стали роптать. Проверка в отсутствие “атамана” установила, что “войска” как такового не существует - вместо “оказачивания” Баязет-бей занялся закрепощением ногайцев, дома устроил гарем из крепостных русских девушек и даже одной дворянки, заставив их принять ислам...

Итак, попытки создать казачество “из чего угодно” не

увенчались успехом - и с русскими приписными, и с инородцами. Русские крестьяне и гулящий люд, столкнувшись с реалиями службы, быстро вспоминали поговорку: “Слава - казачья, а жизнь - собачья”, нередко предпочитая вновь лить пот на пашне, а не кровь на поле боя, либо снова продолжать бродяжническую жизнь. Иностранцы не желали рисковать жизнью потому, что отважно сражаться за свою Родину и делать это за приютившую тебя чужую страну - разные вещи. Многие воинственные степные народы, привыкшие к внезапным набегам и отступлению в случае опасности, не были приучены к постоянной напряженной службе, не выдерживали физических и психологических нагрузок многочасового боя, уступая по этим показателям регулярной кавалерии (тогда как казаки превосходили её).

Желающим “слепить” казачество “из чего угодно” следует помнить этот опыт - тем более, учитывая реалии сегодняшнего дня и качественную характеристику самого “возрождающегося” казачества.

Как известно, в нынешней России две организационные формы казачества - “реестровое” (занесённое в особый Госреестр), и “вольное” (организации вне реестра).

Вначале посмотрим на состояние дел реестровых “казачьих войск”, поскольку их структура чётко обозначена, должностные лица и служебные обязанности расписаны, участие в общественной жизни регламентировано законодательством, а “плоды” деятельности худо-бедно освещаются в СМИ.

Как не прискорбно, по правовому статусу эти “войска” являются “добровольным объединением граждан”, мало чем отличаясь от нигде не зарегистрированного, живущего без всякого устава “Евро-азиатского казачьего хутора имени товарищей Христофора Колумба и Патриса Лумумбы села Чудо-Юдова”. Не обладают реестровики и правами, которыми не были бы наделены остальные граждане России. В том же Законе “О государственной службе российского казачества” перечислены те сферы деятельности, которыми может заниматься каждый россиянин.

Вот что говорит атаман “реестрового” Кубанского Войска Н.А.Долуда: “Из казачества ушла интеллигенция - врачи, учителя, инженеры, потому что ничего, кроме болтовни, в обществах не было. Уровень образования - низкий. Казачество возродилось, но мы застряли в болоте, нет движения вперед...”

Вторит ему в статье газеты “Вести славян Юга России” И.Кочубей: “Раз казачества как бы и нет до сих пор (хотя оно как бы и “есть”), покинули его организации многие из самых боевых, грамотных, толковых потомков казаков, не сгинувших в мутных потоках перестройки интеллигентов, предпринимателей, деятелей культуры. Зато поспешили возглавить его сначала чиновники и деятели от КПРФ, а сейчас вообще непонятно кто”. Автор статьи считает, что “...ККВ и войском-то назвать можно с натяжкой”.

А откуда у руководства реестровиков возьмётся время и силы для создания дееспособного войскового организма, если они всецело заняты построением собственной иерархической лестницы, которой позавидовала бы любая бюрократическая система мира? Войсковой атаман ККВ, штаб Войска, правительство Войска, департамент по делам казачества в Администрации края, Совет атаманов Войска, Сбор казаков Войска, наконец, последнее нововведение - Общественный совет при атамане ККВ...

Не лучше дела и в других реестровых войсках. Нужно быть очень наивным человеком, думая, что “государственное” казачество может быть иным по определению. Государство практически всегда проводило политику ослабления казачества, размывания его исторически сложившихся организационных и военных структур, насильно “вписывая” его в “гражданское” общество - покуда власть “срачьих и собачьих депутатов” вообще не ликвидировала его как сословие.

Современная Россия вполне может обходиться без казачества, равно как другие страны не страдают от отсутствия организационно оформленного военизированного реликта - дворянства. И “возрождение” началось не потому, что посткоммунистическая Россия нуждалась в казачестве, а потому что при разгуле “демократии” вообще возникли самые фантастические общественные организации. К тому же в период схватки за власть между президентами РФ и СССР каждый искал любые могущие поддержать его си-

лы - одной из них и заявило себя многочисленное и моментально структурировавшееся казачество. И тут же возникли противоположные по взглядам общесоюзные объединения - "Союз казаков" и "Союза Казачьих Войск России".

СССР канул в Лету, период "двоевластия" закончился, однако казачество с его требованиями осталось, и с этим приходилось считаться. Запретить казачье движение было уже нельзя - значит, нужно было его "приручить". То есть действовать согласно поговорке: "Чтобы собака не лаяла - брось ей кусок хлеба, а чтобы она виляла хвостом - кость". Так власть и поступила - начала с "реабилитации" и ряда других, практически ничего не значивших законодательных актов, завершив сей процесс созданием "реестрового" казачества. В его лице власть близка к тому вождьделенному образу казачества, о котором мечтали и русские самодержцы, и польские короли - всецело послушное, во всех отношениях зависящее от власти "огосударствленное" казачество.

Твёрдо став на ноги и держа все рычаги управления страной в своих руках, власть уже не нуждалась в "заигрывании" с казачеством. Чтобы наконец-то покончить с набившей оскомину "казачьей проблемой", верхушке казачества был предъявлен ряд условий, после принятия которых она получала некий государственный статус - вернее, ряд льгот социального и экономического плана. По сравнению с тогдашним положением дел в казачестве, не имевшем единого центра, руководимого сотнями всевозможных "батек-атаманов", раздираемого изнутри политическими и личными склоками - это был всё-таки шаг вперёд.

Полагая, что официальное признание государством, присвоение казачьих чинов в установленном законом порядке отсечёт от "атаманства" всевозможных самозванных "генерал-адмиралов", что слова о поддержке дышавшей на ладан "казачьей экономики" лишь первый шаг на пути настоящего возрождения - часть атаманов приняла условия власти и принялась спешно создавать "реестровые" структуры. Действительно, на первых порах власть выполняла свои обязательства (реестровые войсковые атаманы получили официальные генеральские звания и посты вице-губернаторов, приобрели ряд дополнительных полномочий в качестве "хозяйствующих субъектов"), но дальше дело не пошло.

Слыша сегодня голоса, что казачество снова в "мёртвой точке" и даже деградирует, так и хочется спросить - а вы на что надеялись, пытаетесь играть с государством на равных? Что власть - будь она царской, коммунистической, "суверенно-демократической" - потерпит рядом с собой организационно оформленную, спаянную вековыми традициями и общими социально-идеологическими стремлениями полувоенноизбранную силу? Да ещё пожелает принять участие в её создании?

Наверное, и наверху есть люди, хоть немного знакомые с казачьей историей. Помнящие, например, как в августе 1917 года командование Кавказской казачьей дивизии обратилось к казачьим войскам с призывом остаться в стороне от проблем раздираемой смутами России и её разложившейся армии, создав собственную, казачью. Через неделю на призыв откликнулись свыше 100 тысяч казаков европейских фронтов, а затем десятки тысяч казаков турецкого фронта и Экспедиционного корпуса в Персии!

Или как в годы Гражданской войны Кубанское войсковое правительство дважды начинало переговоры с правительствами "гетманской" и "народной" Украины о возможности создания Федерации. Попытки эти потерпели неудачу не только из-за противодействия Деникина, но и позиции Украины - что несколько не умаляет факта, что казачество имело тогда смелость принятия самостоятельных важных решений.

Факты "казачьего своеволия" имели место и в последнее время - участие в Приднестровском, Абхазском, Югославском конфликтах, попытки создания "Уральского правительства в изгнании"... При неорганизованном, без единой идеологии казачестве всё перечисленное не приняло широкого размаха - но что могло произойти, будь казачество сплочённым и имей под собой материальную базу?..

По существу, сегодня реестровики служат фасадом всего казачества, выступая от его имени в органах власти и СМИ, демонстрируя заботу властей о его возрождении и свое единение с ней, восхваляя достижения казачества в культуре, образовании и экономике. Говоря образно, яв-

ляют собой известного мушкетёра из романа А. Дюма - на груди у которого всё блесстело, а зади под плащом были залатанные подштанники. За видимым внешним благополучием (регулирование статуса и поля деятельности реестровиков федеральным законодательством, получение высоких чинов и должностей, успехи в культуре и экономике, проведение парадов и участие в правоохранительной деятельности) скрывается небольшой "пустячок": в действительности, их роль в законодательных и исполнительных структурах даже собственных регионов ничтожна, вклад их "экономик" в экономический потенциал мест проживания минимален, влияние на общественно-социальную жизнь таких сложных в этническом отношении регионов как юг России, Оренбуржье, китайско-казахстанское пограничье, желает много большего.

Надежды казачества на то, что, обретя оно статус "государственного", власть станет оказывать помощь в указанных выше сферах жизни, не оправдались: власти нужно не сильное, социально и экономически активное казачество, а послушный "попутчик" у державного стремени. Беззубостью и покорностью заплатили реестровики за государственный статус, чины и должности своих атаманов.

Как говорится - "кто девушку ужинает, тот её и танцует": власть немного "поужинала" реестровиков, и теперь их вовсе "танцует". Сравнивая внешний антураж "реестрового" казачества с его реальным вкладом в дело возрождения, поневоле задумаешься - а не заменяет ли созданная вокруг него словесная шумиха практическую работу, не созданная ли СМИ виртуальность перед нами?

Отдавая должное определённым достижениям Реестра (хвала Господу и за малые утешения!), понимая, что это всё, что можно сделать сегодня - будем благодарны ему за главное. Широкой общественности, мало знакомой с истинным положением дел, существование "государственного" казачества не позволяют забыть о самом этом понятии и его возможной роли в возрождении Великой России.

Однако реестровики - это лишь часть казачества. Именуя себя "вольным казачеством" (термин времен Наливайко, Разина, Гонты, Пугачева, Зализняка) многочисленнее. Не управляемые из общего центра, поддерживающие между собой только горизонтальные связи, зачастую официально не зарегистрированные, они рассыпаны по всей России тысячами обществ, отделов, округов, станиц. Находясь в основном в городах, эти структуры создавались по двум принципам - политическому либо профессиональному. Исходя из первого, существуют казачьи общества "имени товарища Будённого" либо "генерала Шкуро" ("Героев-второконников" или "Казаков-первопоходников"), каждое из которых, помимо связей между себе подобными казаками, поддерживает контакты с общероссийскими организациями той же политической направленности. По второму - строятся общества "творческого" казачества (художники тянутся к художникам, писатели к писателям), естественно тяготеющие к общероссийским союзам коллег по ремеслу.

Эти казачьи "кружки по интересам" порой финансово самостоятельны, намного демократичнее реестровиков (где наличие чинов и погон предполагает определённую субординацию), но существуют как бы вне общего казачьего движения. Интеллектуальный потенциал их огромен, однако для казачьего возрождения, по большому счёту, пропалает втуне. Издание газет и книг - прекрасно, постройка "казачьей" лесопилки, кирпичного завода (чуть было не написал - "свечного!") - тоже. Но было бы лучше, если бы всё это сливалось в общий поток казачьей культуры и экономики, а не расплывалось по городам и весям.

Делая для казачьего возрождения в целом не меньше реестровиков, вольное казачество для СМИ (и, значит, для общества) остаётся в тени, будучи известным, в лучшем случае, по деятельности какого-нибудь отдельно взятого казака - издателя.

Чтобы понять, можно ли слить воедино усилия "реестрового" и "вольного" казачества, прежде всё-таки надо решить, нужно ли вообще казачество современной России? И если да - в каком качестве?..

Но это тема уже другого разговора.

А. Серб

(окончание статьи - в следующем номере)

Ещё раз о возрождении казачества

Сам я отношения к казачеству не имею, но внимательно слежу за попытками его возрождения. Профессионально работая в области территориального управления, пытаюсь определить, как можно и нужно преобразовывать Россию, в казачестве вижу одну из сил, способную стать ведущей в деле нравственного, а затем и социального возрождения общества. Такая уверенность проистекает от двух причин.

Во-первых, из жизненной практики, схожей с казачьей. Довелось даже быть своего рода "атаманом" - только фермерским (президентом Ассоциации фермерских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Мордовии). Фермерство и казачество близки друг другу - та же воляность духа (особенно на фоне заботы основной массы бывших колхозников) и труд на земле. Нет у фермеров лишь традиций воинской службы - хотя в лихие 1990-е годы была и у нас необходимость в самозащите.

Во-вторых - представление о жизни казачества, вытекающее из знания истории его становления и характера функционирования в период до разрушения.

* * *

Начинаясь хаотично в организационном плане и без признаков особой нравственности (исторические реалии!) - казачество постепенно превратилось в хорошо организованное и высоконравственное общество.

Превращение случилось в силу внешних обстоятельств его бытия: находясь на окраинах России, в постоянной опасности от агрессивных соседей, предки казаков просто вынуждены были хорошо организоваться, чтобы выжить. Обитатели пограничья нуждались в формировании особого состояния духа, сочетающего и воинственность, и особого рода жертвенность (знаменитое казацкое товарищество - братство в бою и жизни). Всё это, конечно, невозможно было без высокой нравственности и духовности.

Конечно, в силу бытовых обстоятельств случилось всякое - жизнь есть жизнь. Но в главном, принципиальном плане, в среде казачества господствовала оздоровляющая обстановка психология православной общности.

В Гражданскую войну, развязанную большевиками для подавления любой несогласной с ними силы, столкнулись противоположные в нравственном отношении силы: воинствующее безбожие (изначально делящее людей по классовым признакам на "своих" и "чужих") и наследующее дух вековых традиций русского народа (в том числе, немаловажно, традиций воинских) казачество. Вот почему с неистовством обрушились большевики на казачество - явление, абсолютно им чуждое. И не успокоились, пока не истребили едва не под корень. Большая часть казаков погибла, немалая часть выселена из родных мест по зонам ГУЛАГа, рассеяна по всей стране и даже миру - а оставшиеся в большинстве своем были расквачены в духовном плане.

Лишь в последние полтора десятилетия казаки получили некую надежду на возрождение. Не буду специально анализировать его попытки - прямо скажем, не слишком удачные. Такого рода анализ уже сделан, в том числе и в "Станице". Попробую дать своё видение возможного разрешения проблем.

Редакционная передовица "Казачество сегодня" в последнем номере журнала начинается печальной констатацией: "работа с казачьим движением давно и очевидно в тупике". С этим трудно не согласиться. В "утешение", разве что, замечу - у российских фермеров дела не лучше!

В обоих случаях всё, как у нас обычно: говорится одно, делается другое. Власти, уверяющие во всемерной поддержке инициатив снизу, на деле если не явно противодействуют становлению двух этих важных форм организации общества (как и в целом системы местного территориального общественного самоуправления), то, очевидно, не оказывают им действенную помощь.

Как и в фермерском движении, возрождение казачества начиналось некогда с помпой, а затем под разными предложениями официально-полуофициально было сведено на нет. Самое высокое начальство, может, и не против, чтобы эти силы развивались, да только руки до них как-то не доходят. А у насквозь коррумпированных чиновников (которые фактически ни за что не отвечают, ибо нет действенного механизма оценки эффективности их деятельности) эти институции, пугающие своей независимостью

от бюрократии, ничего, кроме раздражения, не вызывают. Какая уж тут эффективная административная помощь?!

Возрождение России через возрождение казачества (как и становление фермерства) есть рост **снизу**. Но оно обречено на провал без целенаправленной осмысленной поддержки **сверху**. Действие обеих этих сил - инициативы снизу и регулирования сверху - есть две неотделимые друг от друга и взаимодополняющие составные части любого управленческого явления. Инициатива снизу не развивается сама по себе, она может таким образом лишь зародиться. Без поддержки сверху, притом - в условиях российской действительности - с самого Верха (ведь речь о серьёзном, страновом уровне народном предложении!), любая инициатива снизу обречена на постепенное, а то и быстрое, умирание.

Как и наоборот: если распоряжение, исходящее сверху, не будет понято и принято народом, оно тоже обречено на угасание. Как угасли многие инициативы Петра I по преобразованию России из-за непонимания их важности даже ближайшими сподвижниками царя.

В той же статье упомянуты исключения в безрадостной в целом картине - чиновники отдела по работе с казачеством Министерства регионального развития РФ. Сами имеющие отношение к казачеству, а потому радеющие за возрождение. Но вот только с самого начала их инициативы (по части разработки и внесения в Правительство проектов нужных документов) были обречены. И не только потому, что документы не столь совершенны, как бы хотелось. Проблема, опять же, в отсутствии заказа с самого верха, в отсутствии ясной и общепризнанной концепции становления казачества - и, значит, в полной бессистемности работы.

Именно поэтому "принимаемые властями документы не только не вносили ясности в вопросы правового статуса казачества, перспектив воссоздания дееспособных казачьих общин, сохранения и развития казачьей культуры - наоборот, ещё больше их запутывали". Конечно, каждое ведомство, каждый важный бюрократ будут трактовать столь сложные вопросы исключительно, как им вздумается, хотя бы в силу личных взглядов и предпочтений. Так большинство подготовленных документов оказались мёртвоорождёнными, ибо их реализация фактически блокировалась другими чиновниками, равнодушными к судьбам казачества.

Чрезвычайно важна в этом плане деятельность Администрации Президента РФ. Но, как справедливо отмечено в "Станице", активность ее всё время снижалась. Официальные советники Президента, как правило, не понимали сущности и назначения казачества - и, как следствие, не только не способствовали его становлению, а наоборот, фактически тормозили его. Например, недавно трагически погибший генерал Г. Трошев видел в казачестве не самостоятельную общественную силу, способную сыграть важную роль на стратегически важных окраинах России, а некую вспомогательную структуру оборонного ведомства непонятного назначения.

Непонимание сути казачества военными вполне объяснимо. С позиций их опыта, для укрепления обороны страны и без казаков сил и родов войск хватает. И здесь они, вроде бы, правы. Но именно - **вроде бы!** Ведь их точка зрения основывается лишь на узкоспециальных знаниях, не выходя за стены военного министерства и штабов.

Главная особенность казачества - не просто возможная функция по защите границ (это, действительно, могут с успехом делать пограничники и спецвойска типа горных бригад), и даже не исполнение её на высочайшем качественном уровне (обеспечиваемом воспитываемыми с детства профессиональными навыками и воинским духом). Казачество - это такая часть российского общества, которую изначально не надо агитировать "за патриотизм", которая исторически живёт по принципу здорового коллективизма. Не мешай чиновники, она могла бы достаточно скоро явить стране образец столь искомого ею сейчас гражданского общества. И тут уровня понимания вопроса военными недостаточно - создание территориальных самоуправляемых общин, механизма их экономического поддержания, кредитования, системы льгот требуют серьёзной системной проработки и обоснования.

И ещё причина, во многом определяющая пассивное отношение Администрации Президента к возрождению казачества. Это боязнь (по принципу "не навреди") вызвать раздражение соседних народов в традиционных местах проживания казачества, прежде всего на Северном Кавказе.

Однако, представляется, такого рода опасения абсолютно беспочвенны. Они основаны на плохом знании истории заселения региона казаками и русскими вообще. Казачество может быть опасным и нежелательным лишь для агрессивных соседей. Своим существованием, как сила, проводящая на места государственную политику, оно всегда способствовало стабилизации обстановки, прекращению межнациональных конфликтов. Что, кстати, прекрасно понимает и большинство мирных жителей региона, которых нередко терроризируют собственные соседи-одноплеменики.

Ещё камень преткновения на пути становления казачества, замеченный "Станицей" - очевидно и вопиюще низкая компетентность казачьих руководителей. Это связано, полагаю, не просто с несовершенством механизма формирования атаманского корпуса - но с полным отсутствием оного! Зато хватает чрезмерного вмешательства чиновников, особенно регионального уровня, пытающихся сохранить под своим контролем всё и вся - в том числе сложные в управлении коллективы, кажущиеся им опасными.

Преодолеть административное давление могут лишь достаточно сплоченные коллективы и активность их рядовых членов, выдвигающих своих лидеров. Но в современном казачестве этого не происходит.

Системный сбой в процессе становления казачества вызывают бросающиеся в глаза недостатки его **самоорганизации**. Таковая затруднительна, если в ней не выступают в качестве локомотива уже выявившиеся руководители обществ, но многое зависит и от позиции рядовых их членов. Если рядовые казаки сплотятся для достижения определённой цели, то никакие препятствия, даже и саботаж со стороны родного начальства, не устоят от их давления. Особенно учитывая, что выбираемые атаманы, как правило, свои, выдвиженцы из казаков, и идти против общины им должно быть трудно.

Из практики руководства фермерской ассоциацией знаю - при активной позиции и настойчивости можно добиться выбора на общих собраниях нужных руководителей, даже противостоя мощному административному давлению.

Хотя в случае казачьего движения ситуация представляется куда сложнее. В отличие от фермеров, объединённых профессиональным интересом и схожим образом жизни, у нынешних казаков мало точек подобного соприкосновения - кроме общих исторических воспоминаний и сопереживаний. Отсутствуют сложившиеся коллективы, подлинные общины (в меньшей степени, конечно, это касается станиц в местах традиционного проживания казаков - но ведь и там они уже составляют обычно значительное меньшинство). Отчасти поэтому же "сбоит" и механизм выдвижения лидеров снизу.

"Станица" сетует, что нет у Минрегиоразвития (в составе которого находится небольшой по численности, но зато из потомков казаков отдел по работе с казачеством) "функций по выработке и правовому регулированию государственной политики в отношении казачества". Вот и атаманы войсковых обществ в письме ещё В.Путину поднимали вопрос о расширении этих полномочий...

Так что - ждать этих полномочий? Ситуация, меж тем, меняется в такую сторону, что не скоро мы дождёмся этого. Почему бы не разработать проекты нужных документов **самим** - тем, кто заинтересован в этом больше всех чиновников, вместе взятых? А потом через тот же отдел Минрегиона передать в Правительство. В условиях, когда всюду действуют не законы, а традиции и кулуарная сила с "кумовскими" возможностями, целесообразно идти напролом, проявляя инициативу.

И всё же главная загвоздка создания механизма самоорганизации казачества - в плохом видении основных направлений движения к цели: гарантированному становлению казачества как явления, в непонимании стратегических задач, которые необходимо решать в отдалённой и ближайшей перспективе, в неведении конкретных способов деятельности. И речь здесь не столько о восстановлении материально-нравственных устоев казачества. Важно ориентироваться на его становление с учётом современ-

ных условий общества и государства - ибо очевидно: не случись искусственного перерыва в развитии казачества, оно неизбежно вобрало бы все достижения человечества за этот период.

* * *

Современная концепция планирования перспектив становления казачества должна предусматривать равно повышенное внимание к регулируемому объекту, к совершенствуемому субъекту (системе управления) и к технологичности подготовки и принятия управленческих решений.

Оценим с этих позиций содержание уже рассмотренных редакционных материалов "Станицы". Основное внимание в анализе положения дел уделено состоянию дел в субъектной сфере - прежде всего, порядку управления казачеством на федеральном и региональном уровнях. Объектная же составляющая (реальный процесс, протекающий в казачьем коллективе в целом) представлена однобоко: внимание уделено только внешнепограничной деятельности - хотя и главной функции казачества, но далеко не единственной.

Нераскрытой осталась многоплановая сущность казачества. Осталась непонятной чиновникам (наличие казачьих корней само по себе не позволяет проникнуть в глубь реальных проблем казачества - и случает с Трошевым лишь подтверждение этого). Как следствие - российское общество в целом не видит практическую значимость возрождения казачества. Казаки - не знают толком, как к делу подступиться. Множество частных недостатков в управлении сложным социально-политическим явлением, вытекающих из однобокости понимания его проблем, делает сбой в процессе возрождения системными.

В объектной части рассматриваемой проблемы, в реалиях функционирования казачества особое значение имеет система подготовки кадров, понимаемая как всеобъемлющая система воспитания людей, их просвещения во всех областях человеческой деятельности и формирования высокого профессионализма на базе качественного образования и приоритета духовно-нравственного воспитания молодого поколения. Такой системы подготовки кадров в России пока нет. Создать её можно именно в казачьем обществе, стремящемся к самосовершенствованию (что не скажешь, увы, обо всём российском обществе: в массе своей оно стремится к материальному обогащению).

Как элемент повышения нравственности должна получить развитие эффективная система действенного социального обеспечения населения. Например, следует возродить некогда существовавший в русском казачестве (как и в России в целом) институт обществ взаимного кредита, одной из самых практически значимых форм которых является социальная ипотека - внебанковская система финансирования жилищного строительства.

В субъектной части проблемы определяющее значение имеет становление системы местного административного и территориального общественного самоуправления, формирование механизма самофинансирования казачьих обществ и финансовой базы устойчивого их развития. В этой связи нужно подготовить законопроект по экспериментальному налогообложению, с нормальными, действующими во многих странах нормативами отчислений в местные бюджеты с сумм собираемых на местах налогов.

В области технологии принятия управленческих решений необходима современная система автоматизированного управления казачеством в целом и отдельными казачьими обществами.

Обобщая всё сказанное, констатируем: казачество действительно стремится к возрождению основ своего бытия. Если руководство страны не осознает этого в полной мере и не поддержит самым активным образом, тем самым будет упущена возможность реально ускорить возрождение страны в целом.

Казакам же лучше помнить известное: спасение утопающих - дело рук самих утопающих! Если не подняться всем миром за своё будущее, никто *для* и *за* них это не сделает. Времени же на самом деле - всё меньше...

В. Нарезный

(профессор Мордовского Гос. университета)

полный вариант статьи см. на сайте НТС
(<http://nts-rs.narod.ru>), раздел "Казачество"

Самозванное "войско"

*Ни хитру, ни горазду, ни птицегоразду
Суда Божия не минути...*
(“Слово о полку Игореве”)

Справка: Яицкое казачье Войско - одно из четырёх старейших (“природных”) казачьих Войск. Располагалось в среднем и нижнем течении реки Яик (Урал). В 1774 году по указу Императрицы Екатерины II было переименовано в Уральское, в 1917 году решением Войскового Круга вновь стало Яицким. В 1920 году Войско уничтожено большевиками, территория включена в СССР. Большая часть его земель сегодня оказалась в составе государства Казахстан (Западно-Казахстанская область).

* * *

Современная казачья история знает много самозванных атаманов, “казачьих генералов” и проч., позорящих славу и своих, и чужих предков. Но самозванства в войсковом масштабе всё же редки, относясь в основном к периоду смутных 90-х годов. Тем не менее, оказалось, такое и сегодня возможно.

В конце 2006 года в Перми было зарегистрировано Межрегиональное общественное объединение “Уральское казачье войско” - “войско”-дубликат настоящего. Но дубликат лишь по названию, ибо в нём не состоят природные уральские казаки, а само новообразование располагается далеко к северу от приицких степей, где в старину начиналась земля Яицкого Войска.

В мае 2007 года на первом Большом круге МОО “Уральское казачье Войско” присутствовали представители организаций Челябинской, Курганской, Кировской и Свердловской областей, Башкортостана, Татарстана и Тольятти. Много говорилось о необходимости объединения всех казачьих округов Уральского региона (т.е. региона Уральского хребта) в отдельную самостоятельную структуру. Атаманом нового “Войска” был избран Виктор Анатольевич Нефедов, возглавлявший до того Пермскую региональную общественную организацию “Прикамский отдельный казачий округ”. Столицей нового “Войска” ещё на Совете атаманов перед майским кругом объявили Пермь.

С большим пафосом провозглашённое на круге возрождение Уральского войска, по мысли организаторов было “восстановлением исторической справедливости по отношению к Уральскому казачеству”. Пермь не иначе как считают, что созданное ими МОО “УКВ” является правопреемником исторического УКВ! В одном из интервью В.А. Нефедов так и сказал - история Уральского Войска закончилась в 1920 году, а мы её - продолжаем!

В настоящее время в МОО “УКВ” входит семь округов: Екатеринбургский, Челябинский, Кировский, Башкирский, Татарский, Удмуртский и Курганский. Как видно, значительная часть их расположена на бывшей территории Оренбургского казачьего Войска. Чем-то оренбуржцам не угодило их историческое ОКВ...

Отметим, что пермяками сразу же была учреждена медаль “За заслуги перед Уральским казачеством”, которой щедро одаривались участники и гости “Большого круга”, спустя всего восемь месяцев с момента учреждения самого пермского “УКВ”!

Если известие о создании в горах Урала организации с таким названием поначалу потомков настоящих “Горынычей” лишь удивило, то заявление её о правопреемстве с историческим Войском вызвало негодование.

Какое, с позволения сказать, “Уральское Войско” в Перми? Откуда оно там взялось? Подробностей атаман Нефедов не сообщает, ловко играя на неграмотности граждан в части казачьей истории. Налицо умышленная подмена понятий: смешиваются *уральцы* - жители Уральских гор и *уральцы* - казаки Уральского казачьего Войска, проживающие на совершенно разных территориях. И если наименование для вновь созданной пермяками организации как-то еще можно объяснить её нахождением в т.н. “уральском регионе”, то их заявление о правопреемстве с историческим Уральским Войском - просто кощунство!

Многие знают об упорной борьбе уральцев с советской властью, что большая их часть погибла в годы Гражданской войны. Но, видимо, не все знают, что до сих пор живы прямые потомки тех, кто пережил кровавые события, раз позволяют присваивать чужое имя. А ведь потомки эти начали

движение за возрождение Войска ещё в конце 80-х годов!..

Обратим внимание, что прежде ЯКВ было очень устойчивым образованием. Из документов, хранящихся в архивах, видно, что родовой состав его оставался практически неизменным - по крайней мере, с последней четверти XVII века (более ранние документы просто пока не обнаружены) и до 1920 года. Случаи приёма людей в Яицкое Войско с XVIII века были довольно редки и не носили массового характера. И потому кажется невозможным, чтобы кто-то ещё мог сам себя именовать яицкими казаками, пытаясь присвоить чужую историю.

Исторически центром Яицкого (Уральского) Войска был город Уральск, ныне находящийся на территории независимого Казахстана. Без сомнения, для всех потомков уральских казаков он остаётся столицей и доньей - по крайней мере, исторической и культурной. В городе есть казачий музей с обширной экспозицией, выходят две казачьи газеты, издаются исторические книги. Здесь же - основные организации уральских казаков. И никакая Пермь не может быть столицей Уральского казачьего Войска!

Какая же насущная необходимость была в объединении казачьих организаций уральского региона в самозванное “Войско”? По словам В. Нефедова, причиной его создания стало послание Президента Путина к Федеральному собранию: “Вся страна слышала призыв увеличить число неправительственных организаций и таким образом сплотить общество и сохранить самобытность народов России. Наше воссоединение - реальный вклад в выполнение президентского наказа”. То есть МОО “УКВ” создано - для галочки, как еще одна неправительственная организация в госреестре юридических лиц?!

Чем же собирается заниматься новое “Войско”? По словам того же Нефедова, основные его задачи - охрана общественного порядка совместно с органами МВД, борьба с терроризмом, ликвидация последствий стихийных бедствий, природоохранная, экологическая деятельность и патриотическое воспитание молодёжи, подготовка к службе в армии. Что угодно, только не отстаивание интересов уральских казаков! Еще бы, ведь таковых там нет...

Причём тут вообще Казачье Войско - административно-территориальная единица в Российской Империи, в древности - казачья республика? Никакая некоммерческая организация, в т.ч. общественное объединение, не может являться Войском.

Ещё в одном интервью Нефедов говорит о своих предках - донских казаках. Трудно сказать, какая нужда заставила донского казака, знающего свою родословную, сознательно идти на обман. Вряд ли декларируемый им альтруизм имеет место на самом деле. Думается, причины поступка куда банальнее - где-нибудь в экономической плоскости.

Упомянувшийся “Прикамский отдельный казачий округ” числился в государственном реестре казачьих войсковых обществ. Надо ли понимать, что и вновь созданное “Войско” скоро станет реестровым? А “реестровое войско” - это уже почти государственная структура, получающая определённые дотации.

Руководителей подобных структур ещё можно понять - они могут преследовать свои цели (чины, должности, зарплаты). Как понять людей, в них вступающих? Какие за все годы казачьего возрождения у них ещё могут оставаться иллюзии по части перспектив подобных организаций?

Размышляя над причинами нынешнего самозванства, обратим внимание ещё на одно обстоятельство, уже упомянутое нами. Многие члены организаций “уральского региона”, согласившиеся впрямь именовать уральскими казаками, по своему происхождению могут быть связаны с оренбургским казачеством. И, значит, причины самозванства могут быть гораздо глубже корысти атаманов!

Среди определённой части потомков оренбургских казаков давно встречается утверждение, что они-де и есть настоящие уральские казаки - раз живут в Уральских горах или в верхнем течении Урала. Вот яркий пример.

Уже давно существуют в Екатеринбурге два фольклорных коллектива - “Багренёв” (с 1975 года) и “Воля” (с 1987-го). В репертуаре их много песен уральских казаков, да и название первого из них прямо отсылает нас к истории Яицкого Войска. Вряд ли участники указанных кол-

лективов - природные яицкие казаки, да и фольклорный материал оренбургских казаков уж никак не меньше яицкого наследия. Так что и обращение фольклористов к материалу соседнего Войска - не просто дань уважения!

Почва для создания пермского "УКВ" с участием оренбургских казаков и других жителей Урала в культурном плане была готова давно. И создание его по своему закономерно - желания людей, наконец, нашли свой выход. Только желающим в него вступить следует помнить - кривой путь приводит к известному месту, ибо дьявол лжец и отец лжи, и в истине не стоит, ибо нет в нём истины!

Остаётся добавить, что для придания большей легитимности собранию в Перми туда был приглашён из Ураль-

ска руководитель одной из казачьих организаций, "Яицкой казачьей общины" - А. Авилов, выходец из иногородних Уральской области. Представили его как "войскового Атамана уральских казаков Казахстана" - хотя возглавляет он лишь одну из общественных организаций, помимо которой в Уральске (и на территории России) есть ещё несколько объединений яицких казаков. И не только никаких полномочий представлять их ни от кого он не получал, но даже не был уполномочен на это в своей организации!

Выходит, Нефедов ввёл участников Круга в заблуждение относительно полномочий Авилова. Впрочем, ничего удивительного - подобное тянется к подобному!..

Н. Гостев

“Казакобесие”, - или откуда и на что казаки “ведутся”

С недавних пор по рукам у казаков ходят две брошюры цветов донского триколора от Национального Совета казаков Ростовской области: “Казаки - геноцид казачьего народа” и Программа “Самосохранение и развитие казачьего народа”. Чтобы не утомлять читателя и обременять его мозги вздором, ограничусь краткой характеристикой этого удивительно убогого, но, тем не менее, учитываемая степень “повреждения умов в России”, достаточно опасного творения.

Дело в том, что там немало отдельных справедливых суждений и фактов (неряшливо подобранных и изложенных), но все они обесцениваются утверждениями о полной отличности казаков от русского народа. А цель авторов - добиться признания “казачьего народа всех Войск” национальным меньшинством, пострадавшим от российской власти и потому требующим всяческих компенсаций, а в дальнейшем - особой охраны со стороны государства.

Всё это сопровождается проклятиями не только большевиков, но и царской России, клятвами, что казаки “никогда более не будут пушечным мясом для удовлетворения имперских амбиций”. Оказывается, в глазах этого “Национального совета” наши предки, принёсшие России всемирную славу и сами вознесённые на её вершину - всего лишь “пушечное мясо”! А сами они, как видно, вырвав вождельные привилегии, начнут вполне обывательскую жизнь...

Конечно, это очень далеко от миропонимания, делавшего из наших предков героев. Откуда это взялось у выросших в атмосфере советского исторического и духовного вакуума, становится понятно при чтении раздела о взаимоотношениях казаков с Православной Церковью.

Найти столько ненависти к Церкви, полного непонимания сущности церковного служения и христианства вообще в “казачьих” брошюрах - удивительно! А мировоззренческие заблуждения, неизжитый большевизм и с юности впитанный материализм, помноженные на научную безграмотность, ведут к политической несостоятельности.

Много в брошюрах разного рода погрешностей, есть и просто безответственные поддразнения источников (например, приписывание лишних ноликов цифрам захваченных в плен казаков), но ответить авторам хочется по существу.

* * *

Недавно прочёл книгу воспоминаний И. Полякова (начальник штаба Донской армии при атамане П.Н. Краснове) “Донские казаки в борьбе с большевиками”. Много полезного для себя уточнил - и по части фактологии белой борьбы, и в области взаимоотношений её участников.

Ближайший помощник войскового атамана, конечно, находился под обаянием личности Петра Николаевича. Из недостатков его автор видит, разве что, излишнюю доверчивость в отношении будущего преемника А. Богаевского. Понятно, что всякое личное мнение субъективно, но, тем не менее, написано весьма убедительно. Полезная книга для понимания, в том числе, и менталитета казачества. Хочется процитировать здесь один из её фрагментов - очень важный для нас, увязших в споре “народ - не народ”. Отвечая обвинениям атамана в “самостийности” из деникинского окружения, Поляков пишет:

“С полным сознанием ответственности перед историей, я протестую и категорически утверждаю, что никогда Донской Атаман не имел таких намерений, какие ему приписывает ген. Алексеев. **И ген. Краснов, и Денисов, и я, и все наши ближайшие сотрудники прежде всего были**

русские, а затем уже казаки. Наши права на Россию, как русских, были совершенно одинаковы с любым русским гражданином”.

Вот и ответ - и “Национальному совету”, и “верховному” реестровому атаману, и некоторым другим реестровым и общественным деятелям - стремящимся явить себя “борцами за народную правду”. Тем, что буквально пытается толковать слова станичников о том, что “казаки от казаков ведутся”, превратив народную поговорку в броский политический лозунг. Атаманы-администраторы, понятное дело, эксплуатирует эту тему по вполне понятным мотивам. А вот бескорыстные усилия автономистов-общественников с трудом поддаются объяснению. Вот “ведутся”, и всё тут! А далеко ли ведутся-то?

Всё это утверждает тот, кто далее прадеда ничего о своей родне не знает. Да и то обычно - из “устных источников”.

Мне возражат, что Иван Поляков, как и сам Краснов, и командарм Денисов, и их “сотрудники” - всё офицеры, т.е. интеллигенты (тогда это были синонимы), оторвавшиеся от “народа” и усвоившие “книжные”, т.е. научные воззрения (априори ложные) на происхождение казачества, которые легко опровергаются мнением того же народа - тот, якобы, знает некую сермяжную правду о самом себе, да и вообще всегда прав “по определению”. Вот только народ ничего конкретного о себе далее трёх - четырёх поколений сказать не мог. Сохранённые им песни и предания не протирались во времени далее эпохи Ермака - Ивана Грозного. Далее - огромный разрыв и обрывки былин, скорее всего новгородского происхождения...

На самом деле вышепоименованные генералы происходили не просто “из донских дворян” (которые, зачастую, сами не знали своих корней глубже, чем с конца XVIII века - согласно дел о дворянстве основной массы донских офицерских родов). Все трое - выходцы из донской старшины, где каждый род имел предание о своём происхождении и знал конкретного родоначальника (как правило, выходца из России). Но и в этом случае, корни донской войсковой старшины не идут далее XVII века - ведь “зипунные рыцари” легендарного XVI столетия жён не имели, да и фамилий тоже. Фамилий, кстати, даже знатные казаки, как правило, не имели вплоть до первой трети XVIII века.

Откуда же тогда казаки “ведутся”, если даже их старшина (за исключением Миллеров) если не татарская (Иловайские и ряд других), то, естественно, почти вся русская? В том числе и Красновы, и Денисовы и Поляковы... Как ответ на риторический вопрос вспоминаются слова есаула и войскового писаря Фёдора Порошина, автора знаменитого “Азовского осадного сидения донских казаков”: “...отбегаем мы от бояр и дворян государевых, от работы тяжкая, от холопства вечнаго...” Только не надо сразу оскорбляться! Холопы ведь и боевые бывали - вроде Ивана Болотникова. Для них на Дон бежать было куда проще и естественнее, чем пахарям.

Более того - родоначальники большинства родовых донцов едва ли появились на Дону даже и в XVII столетии!

Дон был обезлюжен жестоким подавлением Булавинского восстания. В уцелевших станицах ниже Пятиизбянской оставалось несколько тысяч душ “мужеска пола”, в основном старики и дети. Ещё 3-4 тысячи - в царской армии. Выше по Дону и притокам простиралась выжженная пустыня, о чём хвастливо докладывал царю тайша Аюка. Палачи, выполняя “социальный заказ”, переусердст-

вовали - и в результате, чтобы казаки окончательно не перевелись, оставив армию без столь нужной легкой конницы, правительству пришлось не только закрыть глаза на то, что беглые продолжали бежать на Дон ещё несколько десятилетий, но даже отправлять туда осуждённых каторжников! Пока, незадолго до Семилетней войны, численность Войска Донского не превысила численность, зафиксированную Крестоприводной книгой 1718 года (менее 20 тыс. мужчин).

Вопрос, конечно, исследован мало. Вот бы досужим пенсионерам из НСК заняться сплошным прочтением источников начала XVIII века! Но это им, похоже, не интересно. И не хочется рушить свои сложившиеся представления о том, откуда казаки велись и ведутся.

Разговоры об особом казачьем народе, "ведущемся" с незапамятных времён, напоминают бытующую среди археологов байку - как подмосковные крестьяне по всей губернии уже в конце XIX века славянские курганы тысячелетней давности упорно именовали "французскими могилами", причём - единодушно. Вот так народ бывает "прав"!

Станичники с их поговоркой по-своему, конечно, тоже правы - но лишь в отношении отрезка времени, сохраняющегося в "обыденной" (не "эпической") памяти. Они были правнуками своих прадедов - тех, кто, придя в Дикое Поле, стал казаком. Но очень долго не отделял себя от прочего народа - до николаевской уже эпохи, когда стал проникаться духом сословной гордыни (и тем самым, заметим, стал безопасен для власти), восприняв тот "роковой менталитет" (выражение В.Г.Родионова), что явился одной из причин трагедии казачества в XX веке.

* * *

Минул XX век. Только трагедии России и казачества никак не дадут закончиться - хоть она и приобрела уже черты фарса ("ряженые"). Разве не трагично, когда потомки казаков (по выражению С.Маркедонова - "неоказаки"), вместо того, чтобы решать насущные задачи, всю энергию направляют на занятие бесполезное (во всяком случае, для казаков). "Родина" для них, видимо, уже не Россия - истинные казакщичи вполне довольствуются своей "малой родиной". Вполне в соответствии, надо сказать, с замыслами еще австро-венгерского генштаба и конгресса США с подотчётными последнему спецслужбам.

Замыслы эти на наших глазах осуществляют - и казакщичи на них действительно ведутся. Не так давно их успешно "развели" организаторы Всероссийской переписи населения, будто бы решавшие задачу, как ещё приуменьшить численность русского народа. Он, видите ли, слишком медленно сокращается, кое-кому невтерпёж. Отхватили не хило - сразу 140 тысяч потомков казаков согласились отказаться от русского имени! Не будь это провокацией в государственном масштабе, сам вопрос ставили бы в соответствии с мировой практикой, учитывающей суб-этнические реалии тестируемого этноса и позволяющей получить не только политический, но и научно значимый результат.

Вот тогда, смею заверить, не один миллион русских граждан России записали бы не просто "русский", а ещё и черз чётточку - "такой-то казак". Если бы перепись проводилась по-честному, а не по "социальному заказу" паиных и тишковых, можно было бы поставить вопросы в анкете: "Кем вы себя осознаёте в большей (меньшей) степени".

"Матильда" - секретарь "атамана"

Мы уже говорили о низком управленческом и интеллектуальном уровне нынешних атаманов, их неумении просчитывать, в погоне за пресловутым пиаром, свои действия хоть на пару шагов вперёд. История с Водолацким, своими необдуманными действиями перечеркнувшим все усилия по реабилитации П.Н.Краснова - лишь одно из проявлений этого самого неумения.

Впрочем, говорят также, что действия "бабки атамана" были очень даже обдуманными! Трудно подозревать в Викторе Петровиче столько коварства. Но и аргументы "подозревающих" не проигнорируешь - тем более, что они активно обсуждаются в Интернете.

Кроме общих рассуждений, отчего выбрал он неудачный момент для предложений о "реабилитации" и тут же согласился, что Краснов-таки "предатель" - на фото рядом один из самых ярких аргументов противников "вождя мирового казачества". Вот эта вот симпатичная девушка, быв-

Вспоминая собственные ощущения октября 2002 года, спрошу "истинных" или "особо смелых" (вообще-то это смахивает на зашоренную хохлацкую "свидомость"): а кошки на душе у вас в этот момент не скребли? Не ждалась ли она тоскливо, как от совершаемого предательства? А как же огненные гоголевские строки о русском казачестве? Или вы, произнося привычное - "Слава Богу, что мы казаки!" - ещё и, как кукиш в кармане, подразумевали: "...а не русские"?! Или, дожив до седин среди русского народа, вдруг прозрели, презрели его - и теперь норовите вырваться на поиски мифических благ, принимая ложно понятую сословную спесь за национальное чувство?..

Да, болезнью этой болели ещё наши предки, настоящие казаки. Вот полусторастолетней давности жалоба владыки Кавказского и Ставропольского Игнатия (ещё не канонизированного Брянчанинова). Признавая, что линейное казачество более прилежит к посещению храмов в силу своей дисциплинированности, нежели крестьяне, он находит его поголовно поражённым "невероятной гордостью", а среди казачьих офицеров не видит людей "с живым религиозным чувством". Вот она, причина будущего падения великой державы: общее оскудение веры; а у казаков, в придачу - ещё и горделивое самодовольство. Затем - скорая расплата: и крестьянам, и казакам (побольше - с тех, кому было более дано, соответственно, более и спросилось); а уж интеллигенция исчезла из страны почти без следа.

Поголовным погублением казачьей интеллигенции разве что и приходится объяснять нынешнее господство в умах псевдонаучной бредятины, почерпнутой из книжонок всяких гордеевых и савельевых, и происходящую от него неокзацкийскую ересь "казакобесия". Чтобы побороть её, для начала не с внешними противниками настоящий воин должен бороться - а, в первую очередь, с собственной гордыней (и невежеством, от неё же происходящим).

Общий вековой враг христианских монархий, продолжающий войну против русского народа, как последней угрозы своему господству, силён силой князя мира сего. Он использует против нас главный грех человечества, коим вы и уловлены. Прежде чем обличать братьев своих и дурить им головы, примиритесь сами с собой, разберитесь хотя бы со своей совестью (разобраться в своих воззрениях куда труднее, т.к. они не базируются на фундаментальных исторических знаниях).

В условиях, когда нет ни следа от прежнего уклада казачьей жизни, казаком (а не просто бойцом-одиночкой на идеологическом фронте) можно быть лишь при наличии общины с истинно братскими отношениями, готовой на самоотвержение, на решение высоких целей, которые ставит перед миром Церковь Христова.

Слава Богу, что мы... не казакщичи!

* * *

В качестве послесловия. Раньше казаки всё норовили что-либо подарить матушке-России (даже если явно не хотели - так уж у них всё время получалось): то Азов, то Сибирь, то волю всем дать (не вышло - так хоть княжну персидскую)!.. "Что имеем, то подарим, что осталось - то пропьём!" А правнуки их что-то всё норовят у неё, родимой, выпросить, оттяпать. Измельчали?..

Последний Антонов

шая одной из помощниц Водолацкого, самым этим фактом опровергла искренность его добрых слов о казнённых Сталиным атаманах.

Полное расследование удивительного эпизода связи Водолацкого с левыми экстремистами - со всеми необходимыми ссылками на материалы следствия и других СМИ - представил 16 июня 2008 года Интернет-ресурс "Правда-инфо" (www.pravda.info/kompromat/51487.html).

* * *

Статья "Единоросс-думак взял в пресс-секретари подругу стрелявшего в офис "ЕдРа" из обрезка националиста" - о том, как "Верховный атаман Союза казачьих

войск России и зарубежья», член Комитета Госдумы по безопасности В.П. Водолацкий взял в пресс-секретари начальника штаба экстремистской «Национал-Социалистической группы» «Красный Блицкриг» **Ольгу Касьяненко** - известную в Сети как «**Матильда-Дон**».

Автору статьи особо интересно, что озаглавленная «Матильда-Дон» давним сообщником имеет некоего Андрея Морозова (известен в Сети как «Бойцовый Кот Мурз»), стрелявшего в офис «Единой России» в Москве. Для нас - что, судя по всему, она же имела отношение к акту вандализма на кладбище храма Всех Святых на Соколе, где левая была разбита плита в память казачьих атаманов.

Опять же: автору статьи любопытна связь с экстремистами депутата фракции «Единой России», главы думского подкомитета по законодательству в сферах профилактики правонарушений, обеспечения участия общественных организаций в охране правопорядка (действительно, странное «обеспечение привлечения»!). Нам - что дружески обнимаемая Водолацким Матильда (снимок был взят из фотогалереи её личного интернет-дневника) не скрывает ненависти к последним настоящим казачьим атаманам!

Экстремистская группа под «красным» наименованием, относящая себя при этом к «штрассеровскому крылу» неонацизма, не просто существует на бумаге. Она занимается подрывной деятельностью, создав собственные «Эскадроны смерти», совершив ряд преступных актов, запугивая общественных и даже государственных деятелей.

Как считает автор статьи, с рук им всё это долгое время сходило благодаря связям с сотрудниками правоохранительных органов. Сама Матильда в интернет-дневнике без стеснения сообщала, что была «любвицей высокопоставленного мента» (пост «С кем спит Матильда», 11.11.07 г.). Следователи прокуратуры выяснили: это Александр Смирнов, офицер Пикалевского ОВД Ленинградской области, выступающий в Интернете под кличкой «EXSAGA» (против него уже возбуждены два уголовных дела за размещение экстремистских материалов).

Была Ольга-Матильда и близким другом небезызвестного лидера ДПНИ Александра Белова (Поткина), которого в патриотических кругах кое-кто считает провокатором. Используя его, Матильда вошла в доверие, а потом и подвела под скандал депутата Госдумы Николая Курьяновича, обвинив в сексуальных домогательствах.

Основатель «Красного Блицкрига» и «Эскадронов смерти» Морозов (который «Бойцовый Кот Мурз» в ночь на 18 марта 2007 года обстрелял из обрезка ружья здание на Кутузовском проспекте, где находятся офисы «Единой России» и отдела ФСБ Западного округа Москвы).

После ареста и осуждения Мурза его «боевая подруга» стала Председателем «Красного Блицкрига».

Органы МВД установили личность и арестовали Морозова-Мурза по фотографиям с обрезом, размещённым его сообщниками в Сети под названиями вроде «Кухня Красного Блицкрига» и «Это вы можете» - с комментариями, как этим оружием удобнее пользоваться. А сам Мурз в своём дневнике в октябре 2007 года угрожал убивать по одному милиционеру в день, если будет вновь арестован лидер ДПНИ Поткин.

Между тем в посте от 09.01.07 г. - под названием «Три вещи, которыми должна обладать настоящая женщина» (<http://matilda-don.livejournal.com/212539.html>) - помещены несколько фотографий Матильды с обрезом. По заключению экспертов МВД, это из него как раз «Мурз» стрелял в офис партии господина «атамана»! А в руки следствия этот обрез попал 8 мая 2007 года, когда боевики бежали от милиции после попытки погрома памятников на месте бывшего Братского кладбища на Соколе.

* * *

Подробности экстремистской акции, когда «неизвестные» перед Днём Победы разбили плиту с именами атаманов и генералов, воевавших против Советского Союза, сообщали столичные газеты. Например, интернет-

статья О.Фочкина «Кто разбил памятник на Соколе?» (сайт газеты «Московский комсомолец»):

«Милиция изъяла видеозапись, на которой видно, кто приходил на кладбище. Тем временем в Интернете идёт активное обсуждение, члены националистических организаций выдвигают обвинения и делают заявления. Корреспондент «МК» встретился с одним из лидеров националистов, который заявил, что ему всё точно известно.

По его словам, памятник разбили члены прикнужившей к ДПНИ леворадикальной организации, известные своими хулиганскими акциями.

Якобы одним из участников разгрома памятника была некая Матильда-Дон, которая открыто заявила об этом лидеру ДПНИ Белову-Поткину. За что он

тут же исключил её из организации...

Матильда первой выложила в Интернете фотографии разбитого памятника. Кроме того, её друзья до этого заявляли в Интернете, что памятник «может быть в ближайшее время разрушен...»

Накануне вылазки левяков помощник депутата Курьяновича известил через Интернет своих сторонников-националистов о готовящемся 9 мая возложении цветов к монументу «борцам с большевизмом». А всего через три часа Матильда, «гулявшая возле храма», выложила в Сети фото разбитого памятника.

Среди участников акции был назван, в том числе, и лидер «Красного Блицкрига» Морозов.

Консультантом Мурза и Матильды по планированию «акций устрашения» назывался бывший наёмник по кличке «Чёрный» - командир «Эскадронов смерти», ранее воевавший у Шамиля Басаева. В Сети можно было видеть и другое фото нашей «героини» - где её обнимает некий Дмитрий Караичев (кличка «cupol») с автоматом в руках. Следствие предполагает, что именно он обучал боевиков азам диверсионного дела.

Сама же Матильда в своём дневнике сообщала, что именно «Чёрный» и «Мурз» проводили в 2005-06 гг. акции устрашения лидеров оппозиционных движений. В сюжете с её участием по «Рен-ТВ» в сентябре 2007 года (передача «С.С.С.Р.») прозвучало, что организовывались они (в том числе и погром на Соколе) с целью дискредитации депутатов Госдумы Рогозина и Савельева и их партии «Великая Россия».

Весь прошлый год лидеры «Блицкрига» продолжали угрожать терактами в отместку за арест Мурза - в том числе и Матильда в интернет-дневнике.

* * *

На митинге экстремистов 19 апреля 2008 года на Триумфальной площади в Москве Касьяненко призвала к вооружению, штурму СИЗО и свержению власти, ставя в пример «чеченских боевиков». По адресу <http://soberminded.livejournal.com/294976.html> тогда же появилась видеозапись этого выступления будущего пресс-секретаря атамана Водолацкого.

Такая вот «симпатичная молодая девушка»!.. Говорят, что Виктор Петрович уже отказался от её услуг - только вот о чём он думал раньше? Поленится навести хотя бы самые простенькие справки - в том же Интернете, например? Сомневаюсь... Всё ж - таки - депутат Госдумы! По определению - должен *думать!*..

Ужель убеждения Матильды соответствуют взглядам «бабки атамана» - взглядам истинным, а не тем, что он высказывает на съездах своей партии? И тут уж пора задуматься потомкам донцов - тем, чьи деды и прадеды были соратниками атаманов Краснова, Каледина и Богаевского...

А уж надеяться на помощь нынешнего «Войска» в защите мемориала «Казачи в борьбе с большевизмом» в станице Еланской - и вовсе смешно...

Г. Самсонов

Кубанские Регалии из Мюнхена

В Краснодарском музее-заповеднике сегодня уже хранятся Кубанские казачьи регалии, частично возвращённые из Войскового музея в штате Нью-Джерси (США). Всего в Россию уже переданы 60 знамён, 14 булав и перначей, 37 грамот русских императоров, серебряное блюдо (дар императрицы Екатерины II), печать Черноморского казачьего войска, документы и фотографии по истории Регалий.

При изучении поступивших документов удалось сделать важное открытие, касающееся возможного места нахождения части Регалий, считавшейся до сих пор пропавшей. Оказывается, исчезнувшие во время немецкой бомбардировки Белграда литавры и Георгиевские трубы все эти годы находились... в Санкт-Петербурге!

Как известно, во время налёта на Белград 6 апреля 1941 г. две бомбы попали в помещение Военно-исторического музея, где экспонировались Регалии. В возникшем пожаре и неразберихе из витрин исчезли серебряные литавры, солонка и Георгиевские трубы. Сербское правительство выдало документ об их пропже (копия его поступила в музей в Краснодар вместе с Регалиями).

В 1946 году, когда группа кубанских казаков находилась в лагере Меммингем в Баварии, поступили сведения, что в историческом музее Мюнхена хранятся некоторые реликвии Кубанского Войска. Отправившийся в Мюнхен по поручению атамана В.Г.Науменко полковник М. Зарецкий посетил отдел искусств и памятников Городской управы.

Оказалось - действительно, на складе исторического музея

находились серебряные литавры и Георгиевские трубы, судя по имеющимся на них надписям, принадлежащие казакам. По представленным Зарецким фото директор музея подтвердил, что речь идёт именно о них. Но посмотреть их можно было лишь с разрешения Военного управления.

27 августа 1946 года такое разрешение было получено. Однако, когда 10 сентября атаман и полковник Зарецкий прибыли в музей, в приемной их предупредили, что приехал офицер НКВД, и лучше им уехать.

Как бы то ни было, генерал Науменко пишет в своём "Докладе о Кубанских войсковых регалиях" (находится в фондах Краснодарского музея - см. фото): "Нет никакого сомнения, что и литавры, и трубы, и другие ценности, похищенные из Белградского военного музея, находятся на складах музея" в Мюнхене, куда немцами "свезено много разных вещей, вывезенных из разных государств".

Два года шла переписка по поводу возвращения Регалий - пока в январе 1948 года не стало известно, что литавры и трубы вывезены в СССР.

Проведённое уже нами предварительное "расследование" показало, что, скорее всего, пропавшие Регалии всё время, с момента вывоза из Германии, находились в Артиллерийском музее Санкт-Петербурга.

Надеемся, что сегодня наши питерские коллеги-музейщики позволят обследовать находящиеся у них кубанские реликвии и внести их, в случае подтверждения высказанной версии, в каталог общей коллекции Регалий ККВ!

Н. Корсакова

Павловские знамёна Черноморцев

16 февраля 1801 года Император Павел I пожаловал Черноморскому казачьему войску 14 белых прапоров с розовым крестом в сиянии. В Высочайшей грамоте, полученной казаками вместе со знамёнами, отмечались верная служба, усердие и отличная храбрость, оказанные Войском в войне с Портою, а также подтвержались его права на вечное владение Таманью "во всех тех пределах, которые положены данною им в 1792 году Июня 30 дня грамотою".

К 1855 году из этих 14-ти знамён в полках Черноморского войска оставалось лишь одно - 2-го конного полка.

Известно, что старые знамёна, заменённые на новые, черноморцами в цейхгаузы не сдавались, а хранились в храмах или Войсковом правлении. Как напоминание о заслугах предков, их выносили на торжественных церемониях.

В 1920 году павловские знамёна в числе других Войсковых регалий были вывезены за границу. Сохранилась сделанная в 1930-х годах в Белграде фотография, на которой хорошо видны наверху несколько знамён с вензелями Павла I (фото 1).

Среди знамён, возвращённых в Россию в 2007 году из Кубанского войскового музея в штате Нью-Джерси, 13 экспонатов с уверенностью можно определить, как пожалованные в 1801 году (фото 2). Их белые шёлковые полотнища, обрамлённые серебряной бахромой, имеют в центре розовый крест в сиянии. Из-за сильных утрат размер полотнищ может быть определён весьма приблизительно как 50 на 250 см. У всех знамён сохранились только половины древков, 12 из которых имеют наверху с бронзовым вензелем Павла I (фото 3), а 10 - ещё и остатки кистевых шнуров.

Ответить на вопрос, какие события связаны с этой группой памятников, значит выявить их ценность как документальных свидетельств.

Известно, что все тяготы Отечественной войны с фран-

цузами и заграничной кампании 1813-14 гг. легли на два полка Черноморского войска - 9-й пеший и 1-й конный. В этот период полковыми знамёнами черноморцев были прапоры, жалованные Павлом I и Александром I. Шесть александровских знамён, выполненных по образцу прапоров 1801 года (только зелёного цвета), были пожалованы войску 31 мая 1803 г. для вновь образованных шести полков. Сведения о них есть в "Росписи знамён" 1855 года: все шесть малых знамен 1803 года находились в конных полках Черноморского войска: 3-м, 4-м, 7-м, 10-м, 11-м и 12-м. То есть у 1-го и 9-го полков их не было, и черноморские полки в кампанию 1812-14 гг. сражались под павловскими знамёнами.

9-й пеший полк Черноморского войска под командованием Павла Фёдоровича Бурсака, принимавший участие в русско-турецкой войне 1806-12 гг., был включён сразу после её окончания в состав корпуса генерал-лейтенанта П.К.Мусина-Пушкина Дунайской армии адмирала П.В.Чичагова. О делах полка в первый период Отечественной войны 1812 года сведений не сохранилось, однако, как пишет в изданной к 100-летию войны "Росписи русским полкам 1812 года" Г.С. Габаев, казачьи части "в начале войны составляли живую завесу общего фронта всех русских армий", непрестанно переливаясь "из района одной армии и даже одного летучего отряда в другой".

Зимой 1813 года 9-й пеший полк сражался при местечках Окопов, Дубенка, Ухань, Сливочов, Владиславич и Красностав, а затем был отправлен домой на отдых. На основании наградных листов, находящихся в Краснодарском архиве, О.В.Матвееву и Б.Е.Фролову удалось установить, что полк, вероятно, имел дело с польскими войсками. В 1814 году казакам полка было прислано 283 серебряные медали в память 1812 года.

1-й сборный конный полк Черноморского войска Данила Саввича Плохого был направлен в действующую армию после отсылки на Кубань 9-го пешего полка.

Полк принимал участие в боевых операциях авангарда летучего корпуса генерала М.И. Платова при Гохкирхине, Алуغبурге, Хемнице, Лейпциге, Вильнев-Леруа, Арсиюр-Об, Сезанне, Фер-Шампенуазе. На памятной доске

47 храма Христа Спасителя говорится об участии в партизанских действиях Черноморского казачьего полка при Веймаре, Эрфурте, Готе и Ганау со 2-го по 19-е октября 1813 г.

Черноморцы отлично проявили себя в партизанских делах - засадах, диверсиях, сборе информации, рейдах, выполнявшихся на флангах, в тылу и на коммуникациях противника. Замечательной особенностью организации конных казачьих полков было отсутствие у них колёсного обоза, заменённого вьючными лошадьми. Вещей в рейды с собой брали мало, вьючные лошади часто шли под седлом, и казачьи верховые лошади могли в пути отдыхать.

За отличие в партизанских делах были награждены многие черноморцы: есаулы А.Ф. Камяченко и Д.К. Щома-Калантаевский, хорунжие О.П. Подгорный и В.Н. Кривцов получили ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, хорунжий И.С. Фоменко - орден Св. Анны 3-го класса, а командир полка Д.С. Плохий, помимо ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом, получил прусский орден "За заслуги" и чин полковника. За отличия в сражениях на Рейне и в последний период войны Д.С. Плохий был награждён орденом Св. Анны 2-го класса. Ряду казаков были пожалованы офицерские чины. Восемь казаков полка были награждены знаками отличия военного ордена 4-й степени, а казаку В.Ф. Скаженнику принц Евгений Вюртембергский вручил золотую медаль "За заслуги".

1-й сборный конный полк Черноморского войска

закончил кампанию в Париже.

Помимо 9-го пешего и 1-го конного полков, в кампании 1812-14 гг. принимала участие также Черноморская гвардейская сотня. Однако собственного знамени у неё не было, и её боевой путь не имеет отношения к рассматриваемой теме. Но всё же стоит отметить, что в Кульмском сражении черноморцы-гвардейцы хорунжий Алексей Данилович Бескровный и зауряд-хорунжий Николай Степанович Заводовский с особого разрешения Императора были прикомандированы к Черноморскому конному казачьему полку.

Фамилия Н.С. Заводовского есть среди имён героев войны 1812 года на стене 17 храма Христа Спасителя - правда, в ином написании: "Л.-Гв. Черноморского казачьего эскадрона - зауряд-хорунжий Заводский". Объяснение этому удалось найти в архиве Раевских: "Николай Степанович Заводовский (род. 1783), сын овчара на войсковом овчарном заводе (откуда получил свою фамилию)". То есть в начале XIX века фамилия его ещё только формировалась и могла писаться по-разному. Дослужившись впоследствии до звания генерала от кавалерии, Н.С. Заводовский был Наказным атаманом Черноморского войска с 1830 по 1853 год. Его портрет (рис. 4) открывает целую серию подобных изображений наказных атаманов Черноморского, а позднее Кубанского войска, фланкированных знамёнами 1801 и 1803 годов.

К сожалению, в серии отсутствует портрет другого черноморца - героя Отечественной войны - бывшего Наказным атаманом Черноморского войска с 1827 по 1830 год генерал-майора Алексея Даниловича Бескровного.

Так как на реставрацию в Государственный НИИ реставрации поступили 13 из 14-ти знамён 1801 года, с уверенностью можно предположить, что хотя бы под одним из них сражались черноморцы в кампанию 1812-14 гг.

Н.С. Заводовский

Реконструкция регалий Черноморского войска

10 ноября 2008 года ГосНИИ реставрации передал Краснодарскому историко-археологическому музею-заповеднику имени Е.Д. Фелицына макеты-копии, выполненные сотрудниками института с грамоты Императора Александра I 1803 года и трёх куренных знамён XVIII века Черноморского войска.

Сначала была выполнена сложная кропотливая работа по копированию двух листов грамоты, а также изготовлению макета верхней папки из малинового бархата с золотым тиснением и переплёта из шёлка с серебряной нитью. Для копирования были подобраны близкие по фактуре и цвету материалы. Вместо пергамента грамоты использовалась плотная тонированная бумага, но внешне копия отличается от оригинала лишь отсутствием загрязнений и деформаций.

Трудоемкой была реконструкция первоначального вида древнего прапора с ликом Георгия Победоносца - подробное описание которого было дано в предыдущем номере "Станицы". Прапор, вероятно, принадлежавший ещё запорожским казакам, имеет на полотнище, кроме образа святого, изображения звёзд и креста. Он поступил в ГосНИИР в крайне разрушенном состоянии, но сохранившаяся тесьма, объединяющая руинированные фрагменты косиц прапора, позволила определить первоначальные размеры и выполнить реконструкцию экспоната. Для полотнища выбрали шёлковую ткань, которую окрасили в цвет ткани прапора. Долго обсуждался вопрос о выполнении живописных изображений. Затруднений в копировании звёзд и крестов не возникло - труднее было принять решение об изображе-

нии на новом полотнище образа святого Георгия, имевшего на подлиннике значительные утраты в красочном слое. В конце концов, утраченные фрагменты решили не дорисовывать, поскольку аналог обнаружить не удалось.

Аналогичная реконструкция шёлкового полотнища была выполнена и для куренного светло-зелёного прапора, в центре которого нашит крест (фото 2). Размеры этого памятника также определялись по сохранившейся тесьме.

Третий знаменный экспонат, с которого выполнялась копия - красное куренное знамя с двумя хвостами и нашитыми четырьмя звёздами, крестом и полумесяцем (на фото 3 - его оригинал и копия). Его форма и изображения характерны для запорожских знамён. Реконструкция была выполнена на хлопчатобумажной ткани.

Работы по реконструкции и копированию знаменных экспонатов выполнялись художником-реставратором С. Мартяновой, имеющей кубанские казачьи корни. Реставраторы по металлу изготовили древки с навершиями.

Выполненные нашими реставраторами копии экспонатов уже переданы в Америку, где займут своё место в витринах Кубанского войскового музея в Хоуэлле. Напомним, что это было одним из условий возвращения подлинников Войсковых регалий на Родину. Работа над остальными знамёнами продолжается. По её завершении все Регалии будут выставлены в Краснодаре - в специально отреставрированном зале исторического здания купцов Богарсуковых, по соседству с основной экспозицией

Кубанского краевого музея.

к.ист.н. Н.Ермакова

Кубанские пластуны Кавказской армии в русско-турецкой войне 1877-78 гг.

К началу войны 1877-78 гг. Россия развернула две армии: Дунайскую (185 тыс. чел., 810 оруд.) - под командованием Вел. Князя Николая Николаевича, и Кавказскую (75 тыс. чел., 276 оруд.) - Вел. Князя Михаила Николаевича. В составе обеих успешно действовали конные полки, батальоны и выделяемые из них диверсионно-разведывательные партии пластунов - кубанцев.

Мобилизации Кавказской армии происходила в период 11 ноября 1876 г. - 12 апреля 1877 г. Ей подлежали 10 конных полков 1-го льготного комплекта Кубанского Войска, эскадрон Собственного Е.И.В. Конной и 20 пластунских сотен обоих комплектов.

Уже в ноябре 1876 г. из пластунских сотен сформировали пять батальонов четырёхсотенного состава, полкам было дано наименование вторых. Формирование казачьих частей осложнялось недостатком огнестрельного оружия. На сентябрь 1876 года в ККВ имелось 6454 винтовки системы Бердана. В конце октября прибыл транспорт с 10387 винтовками, что позволило вооружить лишь полки первого комплекта, второй же комплект казаков прибыл на сборный пункт с собственными винтовками системы Таннера. Некоторые пластунские батальоны были вооружены ружьями системы Карлея, отпущенными Войску в 1872-74 гг. На последующих этапах мобилизации пластунские батальоны вооружались драгунскими ружьями системы Крынка.

Вооружение разных систем вело к сложностям в обеспечении боеприпасами, некоторые ружья не соответствовали требованиям современного боя. Весной 1877 года политическое обострение, военные приготовления турок и настроения горцев потребовали новой мобилизации, в том числе третьей очереди ККВ. Были сформированы ещё пять сборных конных казачьих полков и пять пеших батальонов.

Всего Кубанское Войско выставило 21600 казаков, участвовавших в обороне крепости Баззет, взятии Карса, Эрзерума, боях на Шипке и на Черноморском побережье Кавказа. На Кавказско-Малоазиатском театре после объявления войны 12 апреля 1877 г. войска Действующего Корпуса генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова углубились на территорию противника несколькими колоннами. Сохранились сведения об успешных действиях 2-го пешего Пластунского батальона и двух сотен Полтавского конного полка ККВ, снявших турецкие пограничные посты и обеспечивших прохождение основных сил отряда полковника Комарова в районе села Вале.

Пластуны и конные сотни активно действовали в составе летучих и рекогносцировочных отрядов для сбора данных об укреплениях противника, силе гарнизонов, характере местности, порчи телеграфных линий связи. Сведения собирались личным наблюдением, опросом местных жителей и путём захвата пленных.

Так, охотничьей команде в составе 11 пластунов и казаков Полтавского конного полка в мае 1877 года была поставлена задача провести разведку высот Геляверды (у Ардагана), определив пути подхода основных сил. Для отвлечения внимания турок одновременно осуществлялись отвлекающие действия других пластунских групп. Охотничья команда сотника Каменского миновала три неприятельские цепи, провела разведку укреплений и захватила часового, которого доставила в лагерь.

В июле при разведке турецких сил у Дагора отряд в сос-

Пластуны - участники Крымской войны

Великий Князь Михаил Николаевич

таве 20 пластунов и 20 чеченцев из Чеченского конно-иррегулярного полка под командованием Генерального штаба полковника Маламы переправился ночью через реку Арпачай и провёл успешную разведку местности.

Активно использовались пластуны на приморском направлении, где действия конных полков были заглушены горно-лесистой местностью. В сводке о военных действиях Сочинского отряда с 28 июля по

28 августа 1877 г. говорится об успешной разведывательной операции сотни хорунжего Никитина: "Партия пластунов в Сандриппе нашла неприятельские пикеты, а близ Гагр заметили движение значительной массы людей, причём проход охранялся двумя турецкими броненосцами. Командир отряда доложил, что неприятель принял все меры для воспрепятствования следования наших войск к Гагринскому укреплению. Пластунам было передано указание провести разведку обходных горных троп".

В дальнейшем пластунам была поставлена задача взять под контроль возможно больший район у Гагр, чтобы неприятель не успел занять труднодоступные подступы, которые пришлось бы потом брать с большими жертвами. Затем вместе со стрелками три сотни пластунов участвовали и в успешном штурме гагринского укрепления.

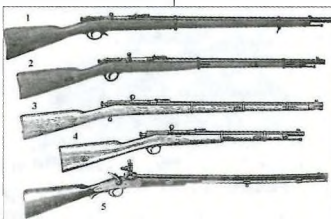
Разведчики-пластуны иногда добывали сведения, позволявшие выводить "на чистую воду" нерадивых офицеров. Например, генерал-лейтенант Гейман 31 мая 1877 г. доносил по команде о факте, опровергающем доклад о происшествии на казачьем пикете: "От лазутчиков получены сведения, что на наш пикет у Ардоста напало не 300 башибузуков, а всего 30-40 человек; на посту была полная оплошность: половина

казаков спали, а другие - ели кислое молоко, оттого и не успели собрать лошадей, которых неприятели забрали всех. Эти сведения дали лазутчики, и они совершенно составляют разницу с донесением офицера. Полагали бы произвести следствие и придать офицера суду, иначе, при беспечности наших казаков, подобные случаи могут повториться".

Командование использовало боевые качества пластунов и при преследовании отступающего противника. Манёврами наших сил отряды отступающих турецких войск выводились на находящихся в засаде пластунов, под меткий оружейный огонь. Результативные действия пластунов подсказали командованию русских войск идею формирования сборных батальонов охотников. В них, наряду с пластунами, составлявшими их основу, включались наиболее сообразительные и подготовленные физически добровольцы из пехотных полков.

Кубанские пластуны в составе 7-го пластунского батальона есаула А. Баштанника, героя обороны Севастополя, были задействованы в Дунайской армии. От прибрежных Систовских высот, которые батальон с необычайной отвагой захватил у врага, обеспечив переправу Русской армии через Дунай, под руководством генерала Гурко кубанцы начали путь к легендарной Шипке. За подвиги в Болгарии многие из них были награждены Георгиевскими крестами, многим нижним чином присвоены унтер-офицерские и офицерские звания.

Интересные воспоминания о действиях пластунов оставил известный писатель, потомок запорожцев Владимир Гиляровский. Уйдя добровольцем на войну, благодаря спокойному характеру он оказался среди кубанских охот-

Вооружение пластунов: винтовки пехотная, драгунская, казачья, Бердана и Крынка

Штурм Ардагана

ников на Черноморском побережье Кавказа:

“Впереди отряда бывали частые схватки охотников-пластунов. Гулял я по лагерю с юнкером Костей Поповым и старым своим другом подпоручиком Николиным, и они мне рассказывали о позиции:

- Вот это Хуцубани... Там турки пока сидят, господствующая высота, мы раз в июне её заняли, да нас оттуда опять выгнали. Рядом с ней, левее, лесная гора в виде сахарной головы, называется “Охотничий курган”, его нашли охотники-пластуны, человек двадцать ночью отбили у турок без выстрела, всех перерезали и заняли... Мы не успели послать им подкрепления, а через три дня пришли наши на смену, и там оказалось 18 трупов наших пластунов, над ними турки жестоко надругались. Турок мы опять выгнали, теперь там опять стоят наши охотники, и с той поры курган называется “Охотничьим”... Опасное место на отлёте от нас, к туркам очень близко... Да ничего, там такой народец подобрали, который ничего не боится.

Рассказал мне Николин, как в самом начале выбрали пластунов-охотников: выстроили весь отряд и вызвали желающих умирать, таких, кому жизнь не дорога, готовых идти на верную смерть, да еще предупредили, что ни один охотник-пластун родины своей не увидит. Много их перебили за войну, а всё-таки охотники находились. Зато житьё у них привольное, одеты кто в чем, ни перед каким начальством шапки зря не ломают и крестов им за отличие больше дают.

...Лешко подал на другой день рапорт командиру полка, и в тот же день я очутился на “Охотничьем кургане”.

В полку были винтовки старого образца, системы Карле, с бумажными патронами, которые при переправе через реку намокали и в ствол не лезли, а у нас лёгкие берданки с медными патронами, 18 штук которых я вставил в мою черкеску вместо серебряных газырей. Вместо сапог я обулся в поршни из буйволовой кожи, которые пришлось надевать мокрыми, чтобы по ноге сели, а на пояс повесил кошки - железные пластинки с острыми шипами и ремнями, которые прикручивались к ноге, к подошвам, шипами наружу. Поршни нам были необходимы, чтобы подкрадываться к туркам неслышно, а кошки - по горам лазить, чтобы нога не скользила, особенно в дождь.

Я сошёлся со всеми товарищами, для которых жизнь - копейка... Лучшей компании я для себя и подыскать бы не мог. Оборванцы и удалыцы, беззаветные, но не та подлая рвань, пьяная и предательская, что в воровских шайках, а действительно “удалыцы - добры молодцы”. Через неделю и я стал оборванцем, благодаря колючкам, этому отвратительному кустарнику с острыми шипами, которым все леса кругом переплетены: одно спасенье от него - кинжал. Захватит в одном месте за сукно - стоп. Повернулся в другую - третьим зацепило и ни шагу. Только кинжал и спасал, - секи ветки и иди смело. От колючки, от ночного лежания в секретах, от ползанья около неприятеля во всякую погоду моя новенькая черкеска стала рванью...

Весело жили. Каждую ночь в секретах да на разведках под самыми неприятельскими цепями, лежим по кустам да папоротникам, а то за цепь переберемся, часового особым приёмом бесшумно снимем и живенько в отряд доставим для допроса... Чтобы часовых брать, приходилось речку горную Кинтриши вброд по шею переходить, и обратно с пленным тем же путем пробираться уже втроём - за часовым всегда охотились вдвоём. Дрожит несчастный, а под кинжалом лезет в воду. На эти операции посылали охотников самых ловких, а главное, сильных, всегда вдвоём, иногда и по трою. Надо снять часового без шума. Веселое занятие - та же охота, только пожучче, вот в этом-то и удовольствие.

...Заклучили мир, войска уводили в глубь России, но только 3 сентября 1878 года я получил отставку, так как был в охотниках. Нас держали под ружьем, потому что башибузуки наводняли горы и приходилось воевать с ними в одиночку в горных лесных трупцах, ползая по скалам, висая над пропастями. Мне это занятие было интереснее, чем сама война. Охота за башибузуками была

увлекательна и напоминала рассказы Майн-Рида или Фенимора Купера. Вот это была война полная приключений, для нас более настоящая, чем минувшая. Ходили маленькими партиями по 5 человек, стычки были чуть не ежедневно”.

В. Гиляровский вспоминал и об участии в вылазке: “Всю последнюю турецкую войну я пробыл в партизанской команде, в Азии. Командовал нами старый есаул. всю жизнь он провёл на Кавказе в горных набегах, любимцем Бакланова был. Звали мы его все “дядя”. И не было ему другого подходящего названия. Рост - вершков двенадцать, сухой, жилистый, серебряный целковый в трубочку свёртывал...”

Как-то “дядя” пригласил Гиляровского принять участие в вылазке пластунов для разведки турецкой батареи. Пошли вдвоём: “Оружия, кроме кинжалов, у нас не было никакого. “Дядя” приказал только мне взять в карман два булжника, с кулак величиной, да инструмент, носящий весьма некрасивое название, состоящий из двух ремешков с дощечкой, обернутой сукном. То же самое было и у него...”

Мы были уже в пяти шагах от часового. Оказалось, что он не спал, а смотрел в противоположную от нас сторону, на море, и что-то мурлыкал.

“Дядя” поднял руку и бросил через голову часового камень. Тот вздрогнул и обернулся назад, где стукнул упавший камень. “Дядя” выпрямился и в один миг сидел на опрокинутом им часовом, старавшемся вырваться из железных объятий. Я подошел и сел на ноги часового, с помощью которых он старался перевернуться, между тем “дядя” своей громадной правой рукой зажал ему рот, а левой крепко прижимал к земле.

- Машинку ему надо, чтоб не заорал, ты держи его, а я сделаю, - тихо сказал он мне.

Мы перевернули часового навзничь. “Дядя” по-турецки сказал ему на ухо, чтоб тот молчал: “а то, мол, зарежу”. Пока я держал помертвевшего, с испугу, низама (часового), “дядя” встал ему в рот лопатку, обернутой сукном, и завязал на затылке крепко два ремешка. Затем часовой был связан тонким шпагатом по рукам и ногам; “дядя” снял с него феску, надел на себя и шепнул мне:

- Подожди, через полчаса буду... Если тревога или опасность, брось этого дурака и беги домой, обо мне не заботься, не ищи меня, я один приду...”

Смелая вылазка пластунов завершилась благополучно. Впоследствии “дядя” признался напарнику: “Дело прошлое, брат, а я ведь всё время, пока батарею осматривал, только и думал одно, что ты зарежешь пленного. Просто боялся за него. Ведь твоё положение было не из приятных: того и гляди, смена придёт, увидят, что часового нет, искать будут - всё дело пропало, и тебе конец. Боялся за тебя. Ведь целый час ждаты! Или его убить, или самому гибнуть”. Вспомнили затем, как привели пленного в лагерь, где было несколько пленных, как своему “крестнику” каждый день то табаку, то чаю и галет носили до тех пор, пока его не отправили в Россию...

Вот так - со знанием дела и уважительно - рассказывали о ратном труде русских воинов их современники.

А. Бартош

От редакции: В последние годы появилось немало публикаций о роли пластунов в Русской Императорской армии. Порой их пытаются представить “предтечей” советских диверсионно-разведывательных частей, ведя от них преемственность и нынешнего российского спецназа.

Но умения и навыки, что передавались черноморскими (лучшими из пластунов) казаками из поколения в поколение и применялись в боевой работе, никак не тождественны подготовке спецназа. Образ жизни казака - в естественных условиях, постоянном напряжении сил, обстановке постоянной опасности, когда всюду была смерть - рождал умение противопоставить врагу свои методы нападения и защиты. И вряд ли имеет смысл сравнивать их с искусственным обучением и выбором профессии (часто случайным) диверсанта или спецназовца. С уничтожением казачества были выбиты и традиции...

Пластуны-охотники

В. Гиляровский

Пластуны в засаде

“Узун-Агачское дело” художника Николая Каразина

100 лет назад - в декабре 1908 года - в Гатчине на 67-м году жизни скончался **Николай Николаевич Каразин** - академик Санкт-Петербургской Академии художеств, один из лучших в России акварелистов и иллюстраторов книг. Его называли певцом Русского Туркестана.

Н.Н. Каразина похоронили с воинскими почестями на Никольском кладбище Александрово-Невской Лавры. На его могиле был установлен красный гранит, напоминающий скалы Нагорной Азии, с бронзовым барельефом художника, мольбертом и пером...

В 43-м номере “Станицы” (ноябрь 2004 г.) мы рассказывали о Каразине, службе в Туркестане - и, конечно, о знаменитом альбоме его акварелей “**Картины из истории службы Сибирского казачьего войска**”, подаренном казаком Наследнику Престола Николаю II в 1891 году.

В республиках Средней Азии и Казахстане и по сей день, как в СССР, художника считают идеологически если и не вредным, то уж точно не полезным. Походы Русской армии - проявлением “захватнической политики царизма, направленной на закабаление среднеазиатских народов”. Даже специализированные издания, если не умалчивают о нём, то ограничиваются скромными оценками. Но ещё более обидно, что творческое наследие художника и писателя не востребовано новыми поколениями казаков...

На примере одной из акварелей Н. Каразина - “Трёхдневный бой под Узун-Агачем” - мы попытались восстановить картину самого боя и биографии его героев.

Будучи в Верном, Ташкенте или Омске, Н.Н. Каразин встречался с героями завоевания Туркестана. Это было время раздела Сибирского казачьего войска и рождения нового - Семиреченского, образованного указом Императора летом 1867 года.

В начале XX столетия в обоих войсках числилось свыше 70 тысяч станичников, выставивших в мирное время на охрану рубежей Отечества 22 сотни. На границах Империи под ружьём состояло около 20 тысяч казаков.

История нового Войска связана с сибирскими полками, преобразованными в 1-й и 2-й Семиреченские. Ядром его стал 9-й Сибирский полк - с первым в истории командиром, подполковником П.Н. Ивановым. Центром “северных станиц” (бывшего 9-го округа СКВ) стал город Копал. Штаб-квартирой бывшего 10-го округа - Больше-Алматинская станица, центр “южных (“За-Илийских”) станиц”.

Воспоминания казаков помогли Каразину воссоздать события осени 1860 года на картине “Трёхдневный бой под Узун-Агачем. Сотня Бутакова выручает стрелков Сяркового”, когда казачья сотня пришла на помощь стрелкам Западно-Сибирского батальона.

По архивным документам известно, что в сражении участвовали два брата Бутаковых - Георгий и Николай. Герой казинского полотна - **войсковой старшина Николай Борисович Бутаков**, командир 7-го полка Сибирского казачьего войска. В деле 1860 года сотенный есаул сражался на левом фланге под началом подполковника Шайтанова. После боя получил очередное воинское звание и стал начальником Заилийского отряда. Его брат погиб от предательской пули сразу после битвы.

В бою за “курган” - командный редут Саурук - геройски оборонялся фельдфебель Штинов; на левом фланге - сотня казаков с ракетным станком **поручика Михаила Вроченского**; в арьергарде билась 8-я рота Западно-Сибирского батальона **подпоручика Гилярия Сяркового**. Последний получил тяжёлое ранение саблей и был спасён юнкером Шороховым, доставившим его в лазарет врача Шакиевского. Вместе с боевыми товарищами Усовым и Машнявским, за героизм, проявленный в Узун-Агачском бою, Ся-

ковский был удостоен ордена Св. Анны с мечами. Скончался боевой полковник Г. Сярко в сентябре 1889 года.

Бой под Узун-Агачем произошёл 19-21 октября 1860 года. С кокандской стороны в нём участвовал отряд сераскера (военачальника) Канагат-шаха числом в 16 тысяч пехоты кокандцев и андижанцев, 5 тысяч конницы дулатов, при 10 орудиях. С русской стороны - Заилийский отряд подполковника Г.А. Колпаковского (9 рот и 6 казачьих сотен, при 9 орудиях и 2 ракетных станках - всего 2440 солдат и казаков). Для обороны Верного был организован под командой есаула Варагушина гарнизон в 5 рот, 4 сотни, при 4 орудиях и 5 ракетных станках. В гарнизон крепости входило ополчение казака Деева - в основном инвалиды, женщины, старики и дети.

Место главного сражения находилось западнее укрепления Верное, в гористой местности Чу-Илийских гор (где начинается передовой хребет Заилийский Алатау).

Перевал Кастек соединял две долины - Чуйскую, занятую кокандцами, и Алматинскую, частично обустроенную сибирскими казаками. В горах Тянь-Шаня российские интересы натолкнулись на претензии Цинской империи и чрезвычайно агрессивного Кокандского ханства. С самого зарождения Верного, военные стычки унесли много жизней первооселенцев. Накануне Узун-Агачского дела 18 октября подверглись нападению казаки, занятые в полевых работах возле Верного.

Победа в Узун-Агачском деле положила конец притязаниям кокандцев, принесла долгожданный мир. В дотоле безлюдной местности началось строительство и благоустройство поселений. В их числе -

современные города юго-востока Казахстана: Алматы, Каскелен, Талгар, Иссык. Позднее, когда кокандские крепости станут российскими городами Пишпек и Токмак, дорога из Чуйской долины пройдёт более безопасным перевалом Курдай. Первые же поселения на караванных тропах потеряют свое значение, возникнут новые придорожные станции вдоль ташкентского тракта. Среди них - современный аул Самсы, выше которого произошёл памятный бой (и началось отступление кокандцев перевалом Курдай).

Согласно источникам, первыми с перевала Кастек в Алматинскую долину вошли до 6 тысяч тюркских воинов Шадман-ходжи, частично вооружённых кремнёвыми и фитильными ружьями, фальконетами. Сарбазы были одеты в красные кафтаны и мерлушковые шапки. Но основная масса носила обыкновенную для тюрков одежду - халаты, отчего их прозвали “халатниками”.

Артиллерией кокандцев командовал беглый каторжник, сибирский казак Евграф. К счастью, вся его огневая мощь осталась на склонах Кастекского перевала - не выдержали подъёма пеньковые верёвки, скрепляющие орудия с лафетом.

Кокандцы, желая устроить противника, применили “психическую атаку”: шли сомкнутым строем, без выстрелов, развернув знамена, под звуки оркестра. Воины восседали на белоснежных аргамаках, были покрыты белоснежными, развевающимися на ветру, накидками и такими же белыми чалмами. Под легкой тканью “мучеников за веру” скрывались стальная кольчуга, выделанные из кожи буйвола шлемы и иные защитные доспехи.

Всадники искусно маневрировали в бою, ловко владели круглыми щитами (управляя ими системой уздечек на правой руке так, что казалось - они заговорены от пуль). Лаву Шадмана ограждали кара-пильтаки (“чёрные палки”) - вооружённые берёзовыми дубинами отряды (на

поручик
М. Вроченский

случай позорного бегства воинства). Воины катили перед собой для защиты от ружейных выстрелов круглые связки из тростника и соломы (т.н. карабура).

Но ни психическая атака, ни предательство казахских батыров не способны были сломить отряд подполковника Григория Колпаковского. Потом кокандские летописцы утверждали, что “ружья неверных вместе с нефтью испускали огонь. Звуки от выстрелов походили на звуки ангела. Можно было думать, что наступил день Страшного суда...”

Решающий бой на местности Кара-Кастек начался рано утром 21 октября. После девяти часов рукопашных атак многотысячное войско кокандцев, дулатовцев и примкнувших к ним местных жителей дрогнуло. А 22 октября, в день Казанской иконы Божией Матери, ударили сильные морозы, выпал снег, и “халатникам” пришлось повернуть обратно в Чуйскую долину, замерзая по дороге на Курдайских и Отарских высотах.

На поле брани остались знаки власти неприятеля - секира, знамёна с бунчуком, инструменты оркестра, оружие. Всего кокандцы потеряли ранеными и убитыми до 1500 сарбазов, в том числе 6 пансатов (пятисотенных начальников). Потери русских составили два убитых казака, 26 раненых и 6 контуженых.

Прапорщик Снесарев, чтобы доложить командиру корпуса об успехе операции, совершил 11-дневный непрерывный конный пробег до Омска.

Особо были отмечены командованием подвиги командира узун-агачского отряда поручика Соболева, кастекского военачальника Экеблада, сотника конного ардидивизиона Обуха, есаула Бутакова. За общее руководство боем Г. Колпаковский получил чин полковника и орден Св. Георгия 4-й степени. Нижние чины получили знаки отличия военного ордена - по четыре на роту пехоты, по три на сотню и по два на взвод артиллерии. Среди героев - казаки Больше-Алматинской станицы Павел Набоков, Иван Седельников, Алексей Чусов, Гарифулла Зелимханов, Фёдор Ульянов, Семён Крюков, братья Иван и Андрей Лебединские, казаки Каскеленской станицы Николай Угрюмов и Иван Шаповалов, Софийской станицы - Захар Бедарев и Андрей Монастырёв. Все участники дела получили особые знаки на папаху - “За отличие в 1860 году”.

По архивам можно восстановить биографию многих каразинских героев. Его зарисовки пером и кистью сохранили нам и ряд других героев Узун-Агача. Например, артиллерист, Георгиевский кавалер **Василий Обух** (изображён на картине “Взятие Ташкента”) - “блондин лет тридцати, небольшого роста, сангвиник, любитель дела, не враг и веселье в часы досуга - тип совершенно сложившийся со Степью”. Это в его юрте прошёл военный совет, на котором и было принято решение ввести первым в бой с кокандцами сотню есаула Бутакова, применив запальные и конные ракетные танки (прообраз современных минометов). Василий Васильевич Обух погиб осенью 1864 года.

28 октября колонну победителей, вернувшихся в Верный, возглавил казачий подполковник **Дмитрий Афанасьевич Шайтанов**, после контузии Колпаковского принявший на себя командование сражением (это будущий генерал, основатель Алматинских станиц).

На торжественном молебне в Алматинском храме был и участник обороны Севастополя, легендарный поручик Михаил Вроченский. В бою на Кастекском поле он состоял в подчинении сотника Обуха, шёл в арьергарде в составе роты казаков Сяковского; был ранен саблей в рукопашной схватке. Его подвиг отмечен вручением “Золотого оружия”...

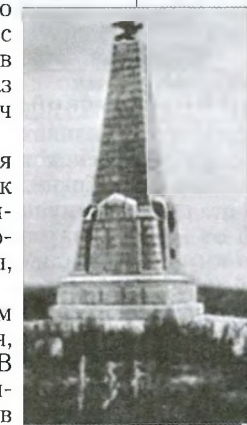
трофеи с поля боя (из коллекции Н. Каразина)

сотник В. Обух

генерал Д.А. Шайтанов

памятник на кургане Саурук (фото 1908 г.)

В память битвы под городом Верным в Алматинской станице был сооружён величественный храм - с 1911 года (празднования 50-летия битвы) Войсковой Узун-Агачский собор. В честь иконы Казанской Божией Матери, под покровом которой была выиграна битва, был построен храм в станице Мало-Алматинской.

Село Узун-Агач было переименовано в Казанско-Богородское. На вершине кургана был установлен памятный крест, затем часовня. К 50-летию на месте боя собрались его участники, родственники героев. Программа торжества включала имитацию сражения.

Землетрясением 1896 года часовня на кургане была разрушена. В 1904 году здесь, на православном кладбище, по проекту архитектора Александра Гогена установлен гранитный обелиск (открыт 1 августа 1905 г.).

После установления в Семиречье советской власти, 8 июня 1921 года в Узун-Агаче состоялся “праздник Кошчи” - местного пролетариата, во время которого были сбиты и исчезли чугунные доски и медальоны с именами и портретами участников битвы, трофейные кокандские пушки, скреплённые цепью, и орёл, терзающий на вершине обелиска карту владений Кокандского ханства.

В наши дни у подножья Саурукова кургана установили обелиск легендарному батыру Карасаю - новому символу воинской славы Республики Казахстан. К 140-летию СмКВ по разумению новоявленных местных историков был “восстановлен” и казачий мемориал. Точнее, возник “новодел”, искаживший облик поруганного обелиска. Это тем более странно, что в архивах хранятся подлинные авторские эскизы памятника!..

Среди книг Каразина назовём, прежде всего, его очерки под общим названием “Из Центральной Азии”, иллюстрированные автором. А одной из лучших его книг считалась до революции сказка-путешествие “С севера на юг”, или “С верховьев Волги на истоки Нила” (вышла в 1890 году) - в форме воспоминаний старого журавля о первом перелёте со стаей на зимовку из России в Африку. Это не только сказка, но и книга по истории и географии, знакомящая юного читателя с местами, над которыми пролетают журавли. Через 17 лет после каразинского “старого журавля”, Сельма Лагерлёф написала “Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции”. Путешествие Нильса сегодня известно во всём мире, а вот путешествие “С севера на юг” Николая Каразина забыто даже в его родном Отечестве...

Как бы то ни было, в истории Семиречья и города Верного (ныне заштатный *Алматы*) трудно найти более благодарного, внимательного бытописателя и этнографа, чем Николай Николаевич. Он живо откликался на злободневные темы, самые разные события в жизни края. Его “Очерки Сибири”, рассказы о станицах полны удивительно точных портретов и беспристрастных сцен, ярких зарисовок обычаев степных и притяньшанских народов. Здесь же - рисунки, портреты, уличные сценки, связанные с землетрясением 28 мая 1887 года.

Таких редких свидетельств известно до четырёх тысяч: рисунки, картины, виньетки; акварели Каразина легли и в основу первых российских почтовых открыток. Всего более 50-ти музеев и галерей, библиотек и архивов мира (в том числе Библиотека конгресса США) хранят его книги и дневники, полотна и этюды. В их запасаниках по сей день лежат эти, адресованные нам, но так нами и не прочитанные, каразинские “открытые письма”!..

В. Проскурин

Проект реформ атамана Ионова

“Идея территориального обособления должна стать главной целью строительства нашего Войска”
(А.М.Ионов, 1919 г.)

До сих пор бытует мнение, что политика Войскового Правительства по т.н. “оказачиванию” семиреченских крестьян 1918-19 гг. была ошибочна и привела к поражению в Гражданской войне на территории области. Так ли это, сказать сложно; одно несомненно - клубок сословных и этнических противоречий в крае возник задолго до того, восходя к началу русской колонизации края (с конца 40-х годов XIX века).

Вначале это были противоречия между казаками-поселенцами и кочевым населением, затем - между кочевниками и крестьянами, а с начала водворения в крае столыпинских крестьян-новосёлков - между ними и казаками. В основе конфликтов - всё тот же земельный вопрос.

Антагонизма между казаками и крестьянами-старожилками не было. Более того, само семиреченское казачество - потомки сибирских казаков с Иртышской и Бийской линии - на добрую треть состояло из бывших сибирских крестьян, перечисленных в войсковое сословие, а отдельные семиреченские станицы были образованы и заселены исключительно бывшими крестьянами - например, Голубевская (Борохудзир, ныне с. Коктал). С 1856 по 1867 год в край из Западной Сибири прибывали, наравне с казачьи партиями, переселенцы из крестьян, зачисленных в казаки. Из 14.648 семиреченских казаков на 13.07.1867 г. - 1.610 чел. вчерашние томские и тобольские крестьяне.

Правительство, проводя колонизацию отдалённой окраины, считало, что “каждое русское поселение сильнее привлекает эту окраину к русскому центру, чем лишний батальон, расположенный среди чуждого нам населения”. Военно-казачья колонизация считалась основным способом закрепления присоединённых земель. При этом удельный вес казаков в общем населении никогда не превышал 3,5% (среди русского населения - 12,4%).

Генерального штаба полковник Д. Фёдоров в очерке “Чжунгарско-Семиреченский приграничный район”, изданном Штабом ТуркВО под грифом “секретно” в 1910 году, отмечал, однако: “Дальнейшее развитие войска встречает препятствие вследствие неустройства его земельного положения, так как душевой надел казаков не доведён ещё до положенных 30 десятин. Кроме того, в период 1874-90 гг. от войска отобрано 213 тыс. десятин в пользу возникших близ станиц городов, а в 1906 г. передано в переселенческий фонд свыше 116 тыс. десятин войсковых запасных земель (т.н. Чуйские участки). Тяжесть казачьей воинской повинности также удерживает желающих от приписки к войсковому сословию...”

Семиреченское казачье войско... по опыту русско-японской войны может считаться вполне удовлетворительным типом лёгкой конницы. При ведении операций в районе полки этого войска будут чрезвычайно ценны знанием местных, климатических и географических условий, языка и быта инородческого населения.

Русское население области из старых поселений обладает приблизительно теми же качествами и благодаря умению ездить верхом очень пригодно для формирования конно-разведческих команд, введённых в батальонах области, а также для службы в пограничной страже округа”.

Еще наказный атаман Войска генерал-лейтенант М.Е. Ионов (отец будущего Войскового атамана) с 1901 года представлял “наверх” ряд проектов об обращении крестьян Семиречья в войсковое сословие, так как они “приобрели, благодаря условиям жизни в крае и соседству инородцев, многие качества, свойственные казачеству и особенно пригодны для обороны окраины”.

Итак, политика “оказачивания” не была в новинку для местной администрации. Неодолимым препятствием для неё был дефицит войсковой земли. Точнее, не земли как таковой - а запасы воды для её орошения!

В 1909 году член Гос. Думы А. Трегубов, прибывший сюда с инспекцией, писал: “Необходимо серьёзно взглянуть на Семиречье и позаботиться о скорейшем его заселении - того требуют законы логики, законы государства, общества, сю-

Войсковой Атаман
А.М.Ионов

да должны быть направлены землеотводные работы для окончательного устройства Семиреченского казачьего войска. Казакам приличествует жить в самых опасных местах области вблизи границ, а не мирных центров, земля же здесь много, и такие долины, как Текеская, Кегенская, Сарыджасская, - вполне годятся для немедленного изъятия их из пользования киргиз, поэтому - наряду с устройством крестьян, сюда могли бы быть передвинуты и казаки тех станиц, которые считают, что у них земли не хватает”.

На заседании земельной комиссии депутат Думы кадет Харламов высказывался за немедленное увеличение надела семиреченцев до 50 десятин: “Если в центре Империи теперь войско казачье потеряло былое значение, то на окраинах, на Амуре и в Семиречье, где оно постоянно должно быть конны, оружие и готовы к выступлению, там ещё они своё значение имеют и будут долго иметь, и там широкое удовлетворение землёю этого войска имеет гораздо большее значение”.

Высочайше утверждённым Законом от 03.07.1914 г. “Об установлении Правил о наделении землёй Семиреченского казачьего войска” ему надлежало прирезать 345 тыс. дес. земли, но из-за войны этому не суждено было сбыться.

В 1916 году попытку решить земельный вопрос задумал С.Н. Велецкий, заведующий областным переселенческим делом - отмежевав в пользу Войска в трёх уездах (Верненский, Джаркентский и Копальский) 550.947 дес. земли, в том числе в виде полосы шириной 5-10 вёрст на протяжении 150 вёрст вдоль обоих берегов р. Или. Предлагаемая “Семиреченская полоса” напоминала бы аналогичную Сибирскую 10-ти вёрстную полосу Прииртышья.

Как бы то ни было, к 1917 году Семиречье подошло с неразрешённым земельным вопросом, обострившим межсословные и межнациональные отношения.

Наказной
атаман СмКВ
М.Е.Ионов

Полковник Генерального штаба Александр Михайлович Ионов был избран Войсковым Атаманом СмКВ 13(26) февраля 1918 г. в Верном, на Войсковом Круге. Созданное Войсковое Правительство попыталось реализовать на практике давно назревшие реформы в области землеустройства и административного управления в самый разгар Гражданской войны. Необходимость их вызвана, по словам Атамана, “борьбой с тёмными силами, направленными к ослаблению, аннулированию или постепенному изживанию нашего казачества, утопающего среди моря разночинцев”.

В семиреченских станицах, по данным на 01.01.1917 г., проживало около 30% лиц невоинского сословия (духовенство, мещане, крестьяне, запасные и отставные нижние чины), особенно много было их в выс. Каргалинском - 67,6% и Аксуйском - 63,2%, ст. Сергиопольской - 59,2%.

Автор проекта реформы видел “светлое будущее” Войска в выделении особой территории под власть Войскового Правительства, “чтобы строить свою внутреннюю жизнь, не мешая жить соседям, не ведя тяжбу с переселенцами, с администрацией и другими ведомствами из-за воды, из-за земли, из-за пастбищ и всего, что было причиной взаимного недружелюбия и что создало гражданскую войну”.

Концепцию реформы Атаман изложил в докладах Верховному Правителю и Казачьему совещанию, а в 1919 году в Омске в брошюре “Завет семиреченским казакам войскового атамана генерала Ионова” - где называет две основные причины “затяжного крайне озлобленного кровавого характера Гражданской войны в Семиреченской области”:

1) ошибочную политику переселенческого дела, в связи с особенностями земельного вопроса;
2) отсутствие объединения на местах всех “отраслей” административного управления.

Оценивая обстановку в Семиречье, за исключением Лепсинского и части Копальского уездов, находившегося под контролем красных, он отмечал: “То, что творится ныне в крае, всё равно должно было рано или поздно случиться, и большевизм был лишь сигналом для захватных стремле-

ний разнуданной массы новосёлов”.

По мнению Ионова, сначала на казачьи земли селили с государственной целью крестьян, создав земельную череполосицу, затем города, построенные на казачьих землях, вплотную к станицам, получили громадные нарезки из самых удобных для казаков площадей - и, наконец, почти насильно к казакам насадили новосёлов, не установив их земельно-водных и административных отношений.

Зависть новосёлов и мещан, живущих фактически земледелием, к более культурному казачьему населению при ослаблении власти вызвала междоусобную войну из-за земли. Постепенно и внутри казачества всё заметнее стало имущественное неравенство - в обладании скотом, постройкиками, инвентарём, размерах посева.

Средний слой казачества, могущий выполнить воинскую повинность без особого ущерба для хозяйства, составлял чуть более 60 %, четверть казачьих хозяйств относилась к беднейшим (всего на декабрь 1918 года в Войске было до 13 тыс. хозяйств - 50 тыс. чел.).

Ионов характеризовал “большевицкий погром” Семиречья как “гражданскую аграрную войну, поход разбойничьей массы новосёлов против коренных жителей казаков и большинства старожилов-крестьян за землёй”. Киргизский мятеж 1916 года - “актом самообороны от захвата переселенческим ведомством и самочинно крестьянами-новосёлами последних пахотных площадей киргиз”. По мнению Атамана, власти проигнорировали казачьи права на землю в утверждённых границах, согласно Высочайшей грамоте 1868 года.

Причиной затяжного характера Гражданской войны в Семиречье Ионов считал и межведомственную неразбериху. Крестьяне-старожилы управлялись Губернским положением, подчиняясь военному губернатору; новосёлы - переселенческими распоряжениями, подчиняясь Главному управлению землеустройства и земледелия; киргизы - Степным положением, подчиняясь военному губернатору; города - городовым положениям; казаки - своим положениям, подчиняясь наказному атаману; таранчи - положением об управлении Туркестанским краем с подчинением губернатору. Из-за “столпотворения законоположений, положений и властей” ни одно начинание не оканчивалось по намеченному плану.

“Дальше жизнь в крае так идти не может!” Управление области нужно было реформировать, прекратив всякое переселение, до полного земельного устройства казаков, уже поселившихся крестьян и местных мусульман - и лишь затем вновь приступить к крестьянской колонизации края, - но уже на иных началах.

Для укрепления границы предлагалось усилить семиреченских казаков - привлечением в его ряды на добровольных началах старожильского крестьянского и местного мусульманского элемента (по примеру бурят Забайкальского войска), а потом и новосёлов, наделяя их землёй: “Казаки должны быть наделены землёй до установленной законом нормы - 30 дес. удобной поливной земли”.

Политика Войскового Правительства в области земельных отношений была продумана, никакой речи о принудительном “оказывании”, цель была склонить крестьян к добровольной приписке к войсковому сословию.

Проведя анализ плачевного состояния Войска, Атаман предлагал создание нового областного административного механизма с разделом области по этнографическому принципу, с непременно выделением в её составе обособленной казачьей территории. “Самая идея казачества и стратегические условия указывают ту полосу, которая должна быть населена казаками, дабы они выполнили свою государственную задачу”. “Казачья полоса” должна была тянуться вдоль гос. границы от хребта Тарбагатай до горного узла Хан-Тенгри, прикрывая четыре естественных входа из Китая между горными хребтами:

- 1) Чугучакская равнина (между Чугучаком и Бахтами);
- 2) Каптагайская 10-ти вёрстная теснина между озёрами

Эбинор и Алакуль (Джунгарские ворота);

3) Илийские ворота (между Суйдуном и Джаркентом);

4) Долина реки Текес (левый приток р.Или).

Проект указывал на обязательно занятие Илийской долины и восточной половины озера Иссык-Куль казачьими поселениями - создание своеобразной “пробки из казачества” - гарантии от вторжения из Китая. Генерал Ионов помнил слова Д.И. Менделеева: “Обратите внимание на то, что китайцы... начали заселять пустынную Монголию, и я полагаю, что нам следует усиленно заселять киргизские степи и всю длинную границу нашу с Китаем, чтобы не соблазнять его пустующими соседними землями”.

Обозначенная приграничная полоса, включавшая почти все станицы (кроме Сергиопольской, Самсоновской, Кегетинской и выселка Занарынского), должна была образовать “Казачий отдел”, где действовали бы казачье самоуправление и войсковая власть.

Новое переселение крестьян на казачью территорию могло осуществляться лишь с разрешения войсковой власти. Всем живущим в этом районе предоставлялось право перехода в казачество. Здесь вводилось земское самоуправление, функции губернатора передавались Войсковому Правительству.

В остальной области предлагалось образовать особые один или два киргизских (казахских) уезды, управляемых на основе изменённого Степного положения, а на юге Семиреченской области (бассейн р. Нарын), населённом кара-киргизами, ещё один особый уезд.

В Пишпекском уезде, населённом преимущественно русскими крестьянами (долина реки Чу с притоком Кибен), вводилось земское управление.

Центром управления краем должен был оставаться город Верный, управляемый на тех же началах, что и города Области Войска Донского (Ростов и Таганрог), т.е. городовым положением.

Важным условием реформы было введение территориального разделения сфер влияния Войскового атамана и Управляющего Областью, т.к. управление казачеством было основано на выборном начале, а гражданская власть назначалась свыше.

Ионов полагал, что “введение этого механизма произойдёт без всякой ломки местной жизни” - “будут лишь проведены по новому границы уездов, согласно этнографическому размещению населения и упразднены одно-три уездных управления”.

Атаман отмечал также, что ещё более естественным было бы выделить в сферу влияния казачества всего Нарынского уезда (южнее озера Иссык-Куль-Сонкуль до китайской границы). Это не принесло бы материальных выгод казакам из-за суровых природных условий, зато поставило бы “в условия необходимости работать для создания из воинственных киргиз надёжного оплота и постепенно перевода в казачество”. При реализации этого варианта реформы областной центр переносился в Пишпек.

Размышляя о будущем Русского Семиречья, автор проекта предлагал, как запасной вариант, включение в казачью территорию целиком Лепсинского, Копальского, Джаркентского, Верненского и Пржевальского уездов (с передачей Пишпекского в соседнюю Сыр-Дарьинскую область). И “оказывание” крестьян было лишь одним из элементов реформы всей административно-хозяйственной системы.

Начало территориальному обособлению семиреченцев положил приказ по Войску 33 от 02.10.1918 г.:

“Семиреченское казачество призывает всё крестьянское население старожильческих русских посёлков области ближайших к казачьим районам влиться в казачество со всеми землями, чем упрочить навсегда своё право и свою вольность, свободно избрав из своей среды народных представителей в Войсковой Круг на равных с остальным казачеством началах для свободного решения своей жизни и образования одной общей братской семьи, дабы под сенью казачьего знамени расти, богатеть и крепнуть на пользу и славу общей матери - Великой России.

Казачество не ищет власти, казачество протягивает братскую руку тем, кто, живя и выросши на далёкой окраине в полном согласии и дружбе с ним, ныне впади в неведение, бесправие и безвластие среди общей анархии. Протягива-

Семиреченские казаки, 1895 г.

в станичном правлении, 1895 г.

ет руку, дабы, вытянув брата из общей разрухи, поставить наравне с собой для общего светлого будущего.

Казачество не может и не в силах призвать теперь в свою среду крестьян-новосёлов в виду их враждебных к станицам и старожильческим посёлкам направлений, которые, комплектуя красную гвардию, шли в передовых рядах большевизма на разрушение и на попрание права и свободы русского народа. Казачество зовёт лишь тех, кто живя в сей стране много лет не убивал ближнего, не попираал святыни, не расстреливал своих невинных братьев, не отбирал чужого, а честным трудом создал своё богатство, устроил цветущие посёлки и много лет был гражданином русской государственности".

На возвращение Войска первыми откликнулись крестьяне старожильческих сёл Лепсинского уезда - Захарьевское (Бахты, осн. 1860 г.) и Стефановское (Уч-Арал, осн. 1874 г.), целиком перейдя в казачье сословие.

Всего в казачье сословие перешло порядка 6-7 тыс. крестьян области. Поступали просьбы о принятии в казачье сословие и от новосёлов, и даже от мусулман. Ионов называл эту "тягу в казаки" коренных жителей Семиречья доказательством жизненной силы и разума, заложённых в самостоятельном войсковом начинании.

Войсковое Правительство отклик широких слоёв населения приветствовало, но предпочитало действовать постепенно - "дабы казачество не ослабило бы своей самобытной души, присущей воинской доблести и устойчивости в государственных началах". Не имея возможности принять всех желающих одновременно, войсковая власть обещала, что добившись своего территориального обособления, введёт для всех разночинцев земское самоуправление.

Генерал Ионов выражал при этом опасения попыткой "расказачивания семиречков" большевиками, с тревогой обращая внимание на эту тенденцию, в условиях "когда управление войском выделено из рук лиц, объединявших всё управление областью до 1917 года". И в этом отношении Семиреченское войско (к 1917 году - 45.307 душ обоего пола), как и другие небольшие войска (Енисейское и Иркутское) было поставлено в самое тяжёлое положение.

Пример расказачивания в области уже был - после поражения казачьего восстания в южных станицах весной 1918 года Семиреченский облисполком принял Декреты о ликвидации казачьего сословия, войсковых учреждений и должностей (3 июня 1918 г.) и о конфискации пенсионных казачьих земель (6 июня 1918 г.), а также Приказ от 3 июля 1918 г. командующего красными войсками об упразднении всех органов казачьего управления и конфискации имущества и денежных средств Войскового Правления.

Член Омского правительства Г.К. Гинс в 1921 году писал в эмиграции: "Семиречье - арена борьбы за землю и воду (для орошения). Киргизы озлоблены против казаков и крестьян. Крестьяне ненавидят казаков, которые занимают лучшие земли и истоки рек. Казаки не удовлетворены своими наделами и требуют огромных прирезок. Такой проект был разработан и с одобрения казачьей конференции в Омске должен был появиться в Совете министров. К счастью, в Омске были люди, знавшие обстановку Семиречья, в том числе Иванов-Ринов, долго там служивший, и они содействовали провалу этого проекта".

Не последнюю роль в провале политики Войскового Правительства сыграл командующий отдельной Семиреченской армией Б.В. Анненков. Тут переплелись и личная неприязнь к Войсковому атаману (корни её, видимо, в прошлом двух генералов), так и намерение взять под свой контроль все процессы на подконтрольной белым частям территории. Семиреченский атаман был в этом смысле, несомненно, неудобным конкурентом.

Историк В.Шалагинов полагает, что Анненков "искал способа освободиться от опеки ИONOва, похоронить его идею оказачивания и, скрутив новосёлов, утвердить над Семью реками одну господствующую фигуру казака-хозяинчика". С ним согласен В.Гольцев: "Анненков был против реформы ИONOва и принял все меры, чтобы она провалилась, а для того, чтобы вообще вытеснить его из Семиречья, организовал арест своего соперника".

Победил тот, за кем стояла сила.

старый казак

Выступал ли сам Анненков против "оказачивания" крестьян? Из его речи на судебном процессе такой вывод однозначно сделать нельзя. Вот его слова:

"На занятых нами местностях сразу же ликвидировалась советская власть и созывались крестьянские съезды. Участвовал в них и я. Цели съездов - прекратить рознь между казаками и крестьянам, относившимися враждебно друг к другу.

Первым вопросом всегда было оказачивание области, так как генерал Ионов отдал приказ, чтобы все крупные селения и посёлки переписывались в казачье сословие. Среди крестьян произошёл страшный раскол: кто-то согласился, стал действовать как казаки, собирать мобилизацию. Но большая половина пошла против переписи. Для успешности оказачивания переписавшиеся посёлки облагались меньшими повинностями, а на крестьянские возложили все основные тяготы. Приезжавшие в посёлки наши комиссары говорили людям: кто не припишется к казачеству, будет выселен.

Ионов надеялся оказачить всю область, объединить крестьянство с казачеством. Но результат получился обратный. Между тем оказачивание давало большие возможности в проведении мобилизации, обеспечении продовольствием, лошадьми, подводами, вносило организованность в жизнь местного населения и облегало управление территориями. За проявление волнений недовольное население облагалось контрибуцией. Иногда приходилось заниматься реквизицией продовольствия и лошадей - за изъятое выдавали квитанции". Достаточно правдиво!

Казачья семья, 1895 г.

Плюсы оказачивания Анненков называет - разве что не говорит, старожилы или новосёлы были против. Зато трудно согласиться, что отношения казачества и крестьянства обострились только "из-за неправильных и вовсе не продуманных действий управляющего всем войсковым атамана ИONOва, решившего принудительно оказачить всю Семиреченскую область, (он) заставлял всех крестьян независимо от национальной принадлежности перейти в казачье сословие, угрожая, что если они не подчинятся, то все будут насильственно выселены из пределов Семиречья в Сибирь..." "Оказачить" всю область - такая цель ИONOвым никогда не ставилась!

Известно, что кроме Уч-Арала и Бахтов, в казачество записались лишь старожилы селений Ивановского (Маканчи, осн. 1879 г.) и Романовского (Кок-Терек, осн. 1872 г.). Иных случаев не отмечено - тем более, неких "крестьян нерусской национальности". Таковых просто не было: кочевники-киргизы почти поголовно были на стороне Алаш-Орды, немногочисленные татары и сарты Сергиополя и Лепсинска, скорее, относились к мещанам; "хохлов" - крестьян-новосёлов, выходцев из Малороссии и отчасти Зап. Сибири - трудно назвать "нерусскими" (по крайней мере, они сами себя таковыми не считали).

Думаю, ближе к истине историк казачества В.Шулдяков, считающий, что "хотя Ионов декларировал необходимость объединения с казачеством всего крестьянства и доносил в Омск, что вся Семиреченская область добровольно хочет быть казаками, его планы действительно были скромнее и не столь далеко оторваны от реальности".

Проект реформирования земельного и административного устройства Семиреченской области и Войска, известный как "Проект войскового атамана ИONOва", потерпел неудачу не потому, что был оторван от реальной жизни. Просто проводился он не в то историческое время. Начали бы его осуществление на два-три года раньше - возможно, всё сложилось бы иначе. В том числе даже исход Гражданской войны в Семиречье!

А. Ушаков

От редакции: После поражения Белого движения генерал Ионов покинул Владивосток и вскоре оказался в Новой Зеландии. Затем жил в Канаде и США. На протяжении ещё долгих лет он оставался Войсковым Атаманом - по крайней мере, до конца 30-х годов. Умер А.М.Ионов в Нью-Йорке, 18 июля 1950 года. Неизвестно, избирали ли после этого семиреченские казаки нового Атамана. Но ещё в 1976 году в США существовал штаб СМКВ (его начальником был есаул В.М.Питалев).

Атаман Борис Анненков

В марте 2009 года исполняется 120 лет со дня рождения командующего Отдельной Семиреченской армией генерал-майора **Бориса Владимировича Анненкова**.

Атаман Анненков был оклеветан, причём не только советской стороной. Само "возвращение" его в СССР было представлено как "добровольное", как и его якобы "покаянные" письма, распространявшиеся во второй половине 20-х годов.

Подлинные обстоятельства "возвращения" стали открываться лишь к началу 70-х годов, когда в советской прессе появились воспоминания чекистов, имевших отношение к операции по похищению Анненкова.

Теперь мы знаем, что оно стало одним из первых шагов ОГПУ-НКВД по уничтожению наиболее деятельных членов эмигрантских организаций. Уже потом в Европе был отравлен руководитель Русского Обще-Воинского Союза генерал-лейтенант П.Н.Врангель, похищены его преемники - генералы А.П.Кутепов и Е.К.Миллер...

Не все ещё детали провокации ОГПУ против Анненкова понятны - дело по-прежнему в архивах бывшего КГБ. Однако можно твёрдо сказать - атаман до конца оставался последовательным борцом и мужественно принял смерть.

Борис Владимирович Анненков происходил из дворян Новгородской губернии. Часто пишут о том, что среди его предков был кавалергард и декабрист Иван Александрович Анненков - известный, прежде всего, своей романтической любовью к французенке Полине Гебль, которая, бросив всё, пошла за ним на каторгу. Но родство, если и было, то весьма отдалённым.

Дед будущего атамана - Константин Петрович - был из дворян Киевской губернии. На военной службе с 1817

года, с 1858 года в отставке в чине майора. Был женат вторым браком на новгородской помещице. Отец атамана, Владимир Константинович, родившийся в 1849 году, тоже был военным и дослужился до полковника.

Борис Анненков родился 9(21) марта 1889 года в Киевской губернии. У него было два брата - Аркадий и Николай, о судьбе которых ничего не известно. В 1898 году братья были внесены во 2-ю часть родословной книги по Новгородскому уезду.

В 8 лет Бориса отдают в Одесский кадетский корпус. По окончании корпуса, в 1906 году он поступает в Александровское военное училище в Москве. Через два года, по окончании училища по 1-му разряду, выпущен хорунжим в 1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк, дислоцировавшийся в то время в Семиречье - в городе Джаркенте на границе с Китаем.

Имея склонность к иностранным языкам (ещё в кадетском корпусе и училище он изучал английский, немецкий и французский языки), на границе Борис Владимирович изучает киргизский (казахский), а затем и китайский языки, которыми вскоре и овладел в совершенстве.

Служба на рубеже огромной страны, где сознавалось величие государства, протянувшего свои владения далеко вглубь Азии, окончательно сформировала мировоззрение будущего атамана. Получив ещё в детстве монархическое воспитание, он на собственном опыте убедился в необходимости для России сильной самодержавной власти.

Анненков, прекрасный спортсмен, вместе с однополчанином хорунжим Берниковым и командой разведчиков принялись штурмовать никем доселе не покорённые вершины Джунгарского Алатау - давая им названия: гора Императора Николая II-го, Ермака Тимофеева, Казачья, ледники Ермаковский и Сибирский. Покорив первый из названных пиков, Анненков сложил на вершине пирамиду из камней и водрузил алый с белым крестом флаг своего полка.

В 1911 году в 1-й Сибирский казачий полк прибыл новый командир - полковник Пётр Николаевич Краснов, бу-

дущий атаман Войска Донского и один из руководителей Белого Движения. Уже в эмиграции он писал о своём бывшем подчинённом - молодом сотнике Анненкове:

"Это был во всех отношениях выдающийся офицер. Человек, богато одаренный Богом, смелый, решительный, умный, выносливый, всегда бодрый. Сам отличный наездник, спортсмен, великолепный стрелок, гимнаст, фехтовальщик и рубака - он умел свои знания полностью передать и своим подчинённым-казакам, умел увлечь их за собою. Когда сотник Анненков, временно, до прибытия со льготы из войска есаула Рожнева, командовал 1-й сотней - сотня эта была и первой в полку. Когда потом он принял полковую учебную команду, команда эта стала на недосягаемую высоту" ("На рубеже Китая", Париж, 1939 г.).

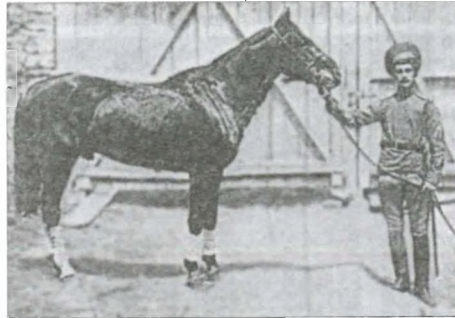
Можно ли было предположить тогда, как схоже в будущем сложится их судьба - оба станут атаманами и погибнут в чекистских застенках, только с разницей в 20 лет?..

Была у Бориса Владимировича и ещё одна страсть - восторженная любовь к лошадям. Ради них он объездил всё Семиречье - покупал, продавал и обменивал, оставаясь при этом верным своему рыжему скакуну Султану, с которым завоевал много призов на ипподромах.

Незадолго до начала мировой войны сотник Анненков был отпущен из полка на льготу, а с объявлением мобилизации в июле 1914 года командировается в город Кокчетав - место лагерных сборов казаков-льготников,

где назначен командиром сотни. Здесь произошёл случай, который показывает благородство души этого человека.

Произошедшие в лагере волнения льготников привели к посылке в Кокчетав экспедиции из Омска для расследования инцидента. Борис Владимирович, несмотря на всю преданность Государю и присяге, тем не менее, отказался назвать имена зачинщиков беспорядков, заявив, что он офицер, а не доносчик. Это стоило ему многих неприятностей, а вскоре он был отправлен на Германский фронт, в 4-й Сибирский

Сотник Б.Анненков. Верный, 1913 г.

казачий полк, ведший тяжёлые бои в районе Пинских болот и Августовских лесов. С собой из Джаркента сотник Анненков взял уйгурского мальчика Юсупа Одыханова, состоявшего при нём добровольцем. Уже вскоре, за доставленное под огнем немцев донесение, Юсуп был представлен к Георгиевскому кресту 4-й степени.

На фронте раскрылись воинские таланты Бориса Анненкова. В 1915 году он, как один из лучших офицеров Сибирской казачьей дивизии, с общего одобрения командиров полков назначается командиром партизанского отряда из казаков-добровольцев, действовавшего в тылу немецкой армии. За короткое время Анненков получает Георгиевское оружие, английскую золотую медаль "За храбрость" и французский орден Почётного Легиона и чин есаула.

Не выходявший из боёв отряд Анненкова даже первые известия о февральском перевороте 1917 года получил от немцев. Анненков, несмотря на развал армии под воздействием агитации большевиков, надеялся, что Временное правительство способно довести Россию до Учредительного Собрания - которое снова изберёт Царя, опирающегося на Думу и земства.

К осени 1917 года положение на фронте катастрофически ухудшалось из-за разнообразных комитетов, советов и фактического устранения принципа единоначалия в армии. Процветавшее на передовой т.н. "братание" умело использовалось германским командованием. Тем не менее, отряд Анненкова, ставшего уже войсковым старшиной, оставался одной из самых боеспособных единиц I Армии.

После Октябрьского переворота распоряжением армейского Совета партизанскому отряду предписано было отправляться в Омск на расформирование. Совершив переход через всю европейскую Россию, отряд, под разными благовидными предложениями, а где и хитростью отказываясь разоружиться, прибыл в Сибирь - и тут же оказался на нелегальном положении. Начинается яростная борьба Анненкова с захватившими власть коммунистами - сначала на территории Сибири и Урала, а затем в Семиречье.

Одним из первых действий партизан Анненкова стало спасение святынь Сибирского Войска - трёхсотлетнего знамени Ермака и Войскового знамени, их удалось вынести прямо во время церковной службы из Войскового собора, после чего отряд уходит в киргизские степи. Но вскоре отряд возвращается к Омску. Разместившись в районе станицы Мельничной, он вступает в контакт с подпольной организацией "Тринадцать", начав набор добровольцев.

Летом 1918 года коммунистическая власть в Омске пала, и Анненков, к тому времени командир отряда численностью до 1000 человек, направляется на Верхнеуральский фронт. За успешные действия Войсковой круг СКВ производит его в полковники и в августе направляет на подавление Славгородского мятежа в Алтайской губернии. Когда отряд прибыл в Славгород, восстание было уже подавлено, и партизаны только помогли в наведении порядка.

Жестокостей в то время хватало с обеих сторон, но несомненно одно - жестокость со стороны белых при подавлении подобных мятежей была лишь слабым ответом на разнузданный красный террор, захлестнувший страну.

К концу 1918 года дивизия Анненкова продвигается от Семипалатинска к югу, имея целью освободить от большевиков Семиречье с городом Верным, где в то время действовали семиреченские казаки с атаманом Ионовым и части 2-го Степного Сибирского корпуса. Весь 1919 год дивизия провела в непрерывных боях и к концу его была реформирована в Отдельную Семиреченскую армию, командующим которой стал генерал-майор Анненков.

Бориса Анненкова называют то атаманом Сибирского, то Семиреченского войска. Между тем формально он не был ни тем, ни другим! Сибирское Войско возглавлял генерал-лейтенант П.П.Иванов-Ринов, Семиреченское - генерал-майор А.М.Ионов. Анненков был атаманом (начальником) своего партизанского отряда, а затем дивизии, где служили сибирские, оренбургские, семиреченские казаки, офицеры и сибирские крестьяне.

Барон А.П.Будберг, управляющий Военным министерством Колчака в Омске, редко отзывавшийся о ком-то хорошо и особенно не любивший сибирскую "атаманщину", об Анненкове, тем не менее, писал в своём "Дневнике белогвардейца" так: "Этот атаман представляет собой редкое исключение среди остальных сибирских разновидностей этого звания; в его отряде установлена железная дисциплина, части хорошо обучены и несут тяжёлую боевую службу, причем сам атаман является образцом храбрости, исполнения долга и солдатской простоты жизни. Отношения его к жителям таковы, что даже и всебираемые им киргизы заявили, что в районе анненковского округа им за всё платится и что никаких жалоб к анненковским войскам у них нет... Сведения об устройстве анненковского тыла и снабжения дают полное основание думать, что в этом атамане большие задатки хорошего организатора и самоубытного военного таланта, достойного того, чтобы выдвинуть его на ответственное место".

Заяв всё северное Семиречье, Анненков так и не смог взять Верного. К сожалению, не сложились его отношения и с выборным Войсковым атаманом Семиречья генералом А.М.Ионовым, знавшим его ещё по службе в Джаркенте. Из-за несогласованности действий частей и стремления обоих атаманов к полной власти над областью один раз, летом 1919 года, дело дошло даже до ареста генерала ИONOва и взаимных обвинений в некомпетентности.

В конце концов, А.В.Колчак отзываёт ИONOва, направляя его на Дальний Восток. Атаман Анненков становится единоличным хозяином Семиречья. 15 октября 1919 года приказом Верховного Правительства за боевые отличия и исключительную храбрость при взятии большевицкого укрепленного района - т.н. "Черкасской обороны" - он награждён орденом Св. Георгия 4-й степени и произведён в генерал-майоры. Вскоре Анненков назначен командующим Отдельной Семиреченской армией.

Но дело уже проиграно. Под давлением красных Сибирские армии Колчака откатываются на восток, оставляя Омск, Новониколаевск и Семипалатинск. Семиреченская армия оказывается зажатой с запада, севера и юга напирающими красными частями, а с востока китайской границей. Мало помощи принесла и подошедшая в конце декабря 1919 года обескровленная в боях, голодная и тифозная Оренбургская армия атамана А.И.Дутова, полностью влившаяся в Семиреченскую армию под названием Оренбургского отряда. Дутов вступил в гражданское управление Семиреченским краем, оставив ведение боевых действий за Анненковым.

офицеры
Партизанской
бригады

Переформировав имеющиеся части и разделив их на три группы - Южную (состоявшую в основном из семиреченских казаков и 5-й Сибирской стрелковой дивизии), Центральную ("партизанские" части) и Северную (оренбуржцы) - атаман держит фронт до конца марта 1920 года, когда под напором превосходящих сил противника пришлось отойти в сторону Китая.

Оренбургские части под командованием генерала Бакича уходили отдельно - через укрепление Бахты на китайский город Чугучак. Закрепившись в горах Джунгарского Алатау, в "Орлином Гнезде" у перевала Сельке, Анненков вместе с наиболее верными частями перешёл на китайскую сторону 27 мая 1920 года у китайского селения Джимпань. При переходе границы пришлось сдать значительную часть своего вооружения, за что китайцы пообещали кормить интернированных партизан. Часть оружия, на всякий случай, была всё же припрятана. Отряд расположился лагерем, прозванным вскоре "Весёлым", на приграничной реке Боротале.

Несколько слов о Семиреченской армии Анненкова. Костяк её составил 2-й Степной Сибирский корпус, в состав которого в июле 1919 года входили Партизанская дивизия Анненкова, 5-я Сибирская стрелковая дивизия, Отдельная Семиреченская казачья бригада, Отдельная Степная стрелковая бригада и Киргизская конная бригада.

Пожалуй, из всех белых частей, действовавших в то время в России, Партизанская дивизия, а затем армия Анненкова отличались наибольшей пестротой состава, форм и атрибутики. По существовавшей ещё в отряде традиции, все партизаны-добровольцы наносили себе на грудь или кисть руки татуировки в виде православного креста, черепа с костями и причудливо извивавшихся змеей, обвивавших тело в различных направлениях. Некоторые добавляли к этому ещё и неформальный девиз отряда - "С нами Бог и Атаман Анненков". Добровольцы с такой татуировкой знали, что в случае плена пощады им не будет.

Существовала в Семиреченской армии и особая награда - "Партизанский крест" - для особо отличившихся бойцов. Вероятно, он был придуман самим атаманом. Знамя отряда - чёрное полотнище с черепом, костями и девизом "С нами Бог". Такие же девизы и эмблемы были на его автомобилях, броневиках и двуколках.

Ностальгическая любовь к старой Императорской Армии, её мощи и красоте, подвигла генерала Анненкова создать в своих частях полк Чёрных гусар (по примеру бывшего 5-го гусарского Александрийского полка), полк Голубых улан (по примеру 10-го уланского Одесского полка), кирасирский, драгунский и Лейб-атаманский полки. Несмотря на скудость средств и постоянные боевые действия, атаману удалось обмундировать части своей армии в разнообразные красивые формы.

Гусары носили чёрные гимнастёрки, чакчиры с серебряными лампасами и белые, расшитые шнурами ментики. На фуражке вместо кокарды нашивался крест с перекрещенными костями. Такое же украшение носилось и в виде розетки на голенище сапог.

Казаки Атаманского полка носили папахи, серебряные черепа на рукавах гимнастёрок, пристёгивающиеся лацканы на чекмень, лампасы на шароварах и вышитые вывезля "А.А." ("Атаман Анненков") на погонах. Своя форма существовала и у входивших в состав армии

партизан -
анненковец

сотник -
анненковец

семиреченских и оренбургских казачьих полков, Маньчжуро-китайского полка, Киргизской кавалерийской бригады. В остальных частях, помимо русского, носились английское и японское обмундирование и обувь. Вооружение - помимо российского - английские пулемёты Льюиса, французские Шоша, американские Веккерса и Кольта, английские и японские винтовки и тяжёлые пушки.

* * *

Перейдя границу Китая в количестве 4200 человек, Центральная группа армии Анненкова находилась в лагере на реке Борготале до середины августа. Уже к концу июля в нём оставалось 670 человек.

В середине августа остатки отряда тремя эшелонами, с разрешения дудзюна (губернатора) Китайского Туркестана начали продвигаться к Урумчи - главному городу Синьцзянской провинции. Простояв в Урумчи около трёх месяцев, отряд так же, пошелонно, двинулся на восток, к городу Гучену (Цитай), в 180 верстах от Урумчи. Здесь, в Гучене, произошёл вооружённый конфликт между анненковцами и китайскими войсками - спровоцированный китайцами под воздействием советской стороны. Для улаживания конфликта атаман выехал на переговоры с китайскими властями под город Урумчи, где сразу же был арестован. Было это в конце марта 1921 года.

В тюрьме Анненкову пришлось провести три года! Китайцы пытались выманить у него деньги, якобы оставшиеся в Семиреченской армии, но безрезультатно; пытались приучить его к курению опиума, чтобы сломить его дух, но не вышло. Всё это время начальник штаба Семиреченской армии полковник Н.А.Денисов продолжал оставаться в Гучене, добываясь освобождению командира. В конце концов, благодаря ходатайствам посланников ряда держав и "Общества христианской молодёжи", в феврале 1924 года атаман был освобождён.

Встретившись в городе Турфане с Денисовым и оставшимися у него последними восемнадцатью конвойцами, Анненков отбывает дальше, на восток, поселившись у города Ланьчжоу, столицы провинции Ганьсунь.

Немного освоившись и оценив обстановку, он начинает изучать возможности различных эмигрантских организаций по продолжению борьбы с большевизмом, предпринимает попытки по объединению своих партизан, расплывшихся к этому времени по всему Китаю. Делалось всё это по возможности скрытно, чтобы не вызвать подозрений у китайцев и советской агентуры. Для прикрытия этой работы Анненков продолжал заниматься любимым делом - разведением и выращиванием лошадей, обзаведясь небольшим конным заводом в Ланьчжоу. Официально от политики он отошёл.

Тем не менее, скрытая работа и внимание к нему со стороны разных белоэмигрантских организаций не ускользнула от агентуры ОГПУ в Китае. Начинается тщательно разработанная операция по уничтожению Анненкова, в которой были задействованы десятки человек.

Впервые некоторые подробности этой операции опубликованы в документальной повести С. и М. Мартыановых "Дело Анненкова", напечатанной в алма-атинском журнале "Простор" в 1970 году, а также в очерке С.Григорьева "Операция "Атаман" в сборнике "Чекисты Казахстана" (Алма-Ата, 1971 г.). Эти два источника в некоторых деталях не совпадают - но, во всяком случае, можно сказать, что важную роль в поимке Анненкова сыграли китайский маршал Фэн Юй-сян, руководитель группы советских военных советников в его армии В.М.Примаков, чекисты М.Зюк, А.Карпенко, Б.Кузьмичёв, М.Довгаль, С.Лихарин, а также предатель из бывших белых офицеров - полковник А.Ф.Гущин (донской казак, в начале 1918 года скрывавшийся вместе с П.Н.Красно-

вым от большевиков в станице Константиновской).

В итоге Анненкова, при помощи полковника Гущина, заманили в ловушку в городе Калгане. Атаман с генералом Денисовым прибыл туда из Пиндэчуаня, где встречались с маршалом Фэн Юй-сяном, с тайного согласия которого и произошёл арест их красными 31 марта 1926 года. Из Калгана Анненков на автомобиле был увезён в столицу Внешней Монголии Ургу, а затем в Верхнеудинск, откуда на поезде отправлен в Москву. Имеются сведения о неудавшейся попытке освобождения атамана верными ему людьми во время передвижения советских машин к границе Монголии. Ещё одну попытку бежать Борис Владимирович предпринял уже в поезде, попытавшись выпрыгнуть из окна вагона, но был опять задержан.

20 апреля 1926 года за атаманом захлопнулась дверь камеры 73 во внутренней тюрьме ГПУ на Лубянке. Через полтора месяца в Москву был доставлен и генерал-майор Денисов.

Следствие по "делу Анненкова" продолжалось более года, судебный процесс же - вернее, судебное издевательство - состоялся в Семипалатинске с 25 июля по 12 августа 1927 года.

Ещё по пути следования из Москвы на станциях, где останавливался арестантский вагон, умело организованные толпы "советских граждан" посылали проклятия и дружно требовали смерти генералам. То же самое повторилось и на судилище Военной коллегии Верховного Суда СССР. Выступавшие под крики толпы обвиняли атамана во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, пытаясь выставить его кровавым изувером и палачом. На что тот спокойно и с достоинством отвечал: "А тот Анненков, о котором Вы говорите...", после чего задавал свидетелю несколько простых вопросов, рассыпавших в прах всё обвинение.

Непредубеждённому читателю протоколов суда становится ясна вся надуманность предъявленных обвинений. Что, конечно, несколько не помешало представить Анненкова садистом и убийцей, а затем раздуть миф о "кровавом атамане", бытовавший в течение семидесяти лет.

Ни разу на суде не прозвучало правды о том, как попали Анненков и Денисов в СССР, а в это время за границей распространялись различные "покаянные письма" атамана, разработанные в недрах Лубянки.

Приговор суда, естественно, мог быть только один - расстрел. Борис Владимирович Анненков и Николай Александрович Денисов были расстреляны 24 августа 1927 года в 11 часов вечера. По рассказу очевидца, произошло это в камере семипалатинской тюрьмы. Атаман героически принял свою смерть, разорвав на груди рубаху и посылая проклятия в адрес палачей.

"Анненкова расстреляли большевики. Этим сняли они с него вольные и невольные вины его партизанства и приобрели его к сонму мучеников, умученных за Россию", - написал его бывший командир генерал П.Н.Краснов.

Божьему Провидению было угодно, чтобы не остались безнаказанными организаторы похищения Анненкова - чекисты Артузов, Примаков, Зюк и Кузьмичёв были расстреляны в 1937 году - как "фашистские собаки" и "предатели". Повидимому, тогда же приняли смерть от своих и другие чекисты - участники дела. Что же касается предателя Гущина, то следы его теряются в конце 30-х годов. Побоявшись возвратится в СССР, он был отвержен и Белой эмиграцией.

По делам их и воздастся им же! Нам же сегодня остаётся только склонить головы перед светлой памятью Белых Воинов, умученных беззачинной властью - и среди них атамана Бориса Анненкова!..

М. Ивлев

анненковцы

Атаман Анненков

июль 1927 г., на суде в Семипалатинске

“За незалежну Кубанщину!”

Кубанская народная республика... Сегодня на карте России не найти такого субъекта федерации, да и само такое название сегодня будет восприниматься не иначе как с улыбкой. Но 90 лет назад подобное образование было не забавной шуткой, а самой что ни на есть суровой реальностью. Казачье государство родилось в пламени Гражданской войны, имело своих горячих сторонников и рьяных противников и, раздираемое внутренними распрями, не выдержало натиска большевицкой диктатуры.

17 декабря исполнилось 125 лет со дня рождения одного из самых горячих приверженцев идеи Кубанского государства - **Николая Степановича Рябовола**.

Самый яркий “самостийник”, по выражению Деникина - “импульс кубанского сепаратизма”, Микола Рябовол родился в 1883 году в станице Динской. В семье станичного писаря он был старшим из 13-ти детей. Отцу стоило много труда обучать своего первенца в начальных классах Екатеринодарского Войскового реального училища, и средства для продолжения образования в старших классах, а затем и в Киевском Политехническом институте пришлось добывать уже самому Николаю. Тогда же он стал участвовать в деятельности украинских просветительских организаций - “громад”, проникаясь идеями украинского национализма.

Из-за недостатка средств с 3-го курса Микола Рябовол ушёл из училища и вернулся на Кубань, став в 27 лет директором правления Черноморско-Кубанской железной дороги.

В 1915 году Рябовола мобилизуют в армию. Он заканчивает военно-инженерное училище, служит в Финляндии. В 1917 году возвращается домой.

Политическая жизнь в Кубанской области бурлила, казачество разделилось на две неравные части. Значительная часть - в основном черноморцы - экономически и политически более сильная, в определённой мере тяготела к Украине. Представители “черноморской партии” вели переговоры со всеми небольшевицкими силами Украины, в том числе и о возможной федерации. В то же время русскоязычные линейцы настроенно относились к идее самостийной Кубани, предпочитая видеть область автономией в составе России.

Рябовол, не желая раскола в Войске, пытался сгладить назревающие противоречия. 24 сентября 1917 года начала свою работу вторая сессия Кубанского Военного Совета; на одном из заседаний выступали представители Украины. Микола Рябовол приветствовал их, сначала по-русски: “Украина прислала к нам в гости своих послов. Братья казаки-линейцы! Я уверен, что вы не осудите, а поймёте вашими сердцами то чувство, которое наполняет мою душу... Но только ли мою? Души всех казаков-черноморцев в эту минуту. Поприветствуем же послов Матери-Украины на языке наших родителей, дедов и прадедов!..”

В ноябре 1917 года Рябовол был избран председателем Законодательной Рады и стал инициатором провозглашения 8 января 1918 года Кубанской республики.

Противостоящая большевикам Кубанская народная республика первоначально заключила союз с Украинской державой гетмана Скоропадского (думая об объединении на федеративных началах Украины, Всевеликого Войска Донского и Кубанской Народной Республики) и с Добровольческой армией генерала Л.Г. Корнилова.

Разногласия между “сепаратистами” и “единицеделцами” отступали на второй план перед большевицкой угрозой. Рада не смогла отстоять Екатеринодар, и альтернативы союзу с добровольцами просто не было. Тем более, что с родовыми казаком Корниловым казацки федералисты общий язык находили.

После гибели Лавра Георгиевича Добровольческую армию возглавил убеждённый централизатор Деникин, и Рябовол во главе кубанской правительственной делегации отправляется на Украину. По воспоминаниям тогдашнего украинского министра Дмитро Дорошенка, миссия вела переговоры об объединении с Украиной в рамках федерации. Была оказана помощь деньгами и оружием, рассматривался план по высадке на Кубань украинского десанта, чтобы поднять восстание в занятых красными станицах. Но вмешательство разведки генерала Деникина оттянуло решение дела, и в конечном итоге, этот план остался нереализованным.

10-23 июня 1918 года на совещании в Новочеркасске кубанцы обсуждали результаты переговоров с Украиной. Выступавший от Добровольческой армии генерал Алексеев заявил, что не допустит объединения Украины с Кубанью. Взвесив все за и против, большинство собравшихся проголосовало за сотрудничество с Добровольческой армией. Сыграло роль и то, что гетман Скоропадский видел Кубань всего лишь как будущую автономию в составе Украины.

Не оправдались надежды казаков получить независимость и на штыках Добровольческой армии. После взятия Екатеринодара разгорелся конфликт Деникина с кубанскими властями. Вернувшийся в столицу области Рябовол оказался в жёсткой оппозиции к руководству Добровольческой армии. Особенно резко председатель Рады критиковал “Особое совещание” при генерале Деникине, называя его “компанией самозванцев из кадетов и черносотенцев”. Идее “Единой и Неделимой” он противопоставлял “Вольный Союз вольных народов”, а для воплощения в жизнь этого плана выступил инициатором конференции с участием представителей казаков Дона, Терека и Кубани.

В день отъезда в Ростов председатель Войсковой Рады обедал у друзей. Неожиданно Рябовол сказал: “А всё же я уверен, что добровольцы меня убьют - сейчас или позже, а всё-таки убьют...” Предвиденье сбылось - 13 июня 1919 года конференция начала свою работу, а уже на следующий день он был убит. Убийцу не нашли, но никто не сомневался, что это дело рук деникинских контрразведки.

На Кубани был объявлен трёхдневный траур. Торжественные похороны состоялись 19 июня в Екатеринодаре. С вокзала по Екатерининской и Бурсаковской улицам в окружении военного караула процессия подошла к зданию Рады. Чёрный флаг развивался над ним, чёрной тканью были задрапированы колонны. С прощальным словом у могилы выступил “старейший казак”, автор “Истории кубанского казачьего войска” Фёдор Щербина...

На Кубани до недавнего времени фамилия Рябовола фактически была запрещена, лишь из поколения в поколение передавалась казаками песня-гимн:

Спы ты, любый наш Мыкола,
Нэ забудэм мы тэбэ николаэ.
Шо ты зробыв для народу,
А сам умэр за свободу.
Прыд твоею й мы труною
Клянэмось мы перэд тобою.
Будэм с тэбэ пример браты,
Кубань ридну защицаты!..

Сегодняшние власти Кубани любят говорить о “возвращении к истокам”, подчеркивая, что это “казачий край”, гордо надуть щеки под песни Кубанского казачьего хора. При том край продолжают распродавать Москве... О том же Щербине вот, слава Богу, недавно заговорили, перезахоронение торжественное организовали (хоть и не в родной станице, где он мечтал упокоиться). Интересно, помнят когда-нибудь добрым словом и Николая Степановича Рябовола - человека, положившего свою жизнь на благо родной Кубани?

Д. Шульгатый
(“Новая газета Кубани”)

Н.Рябовол среди членов Правления ж-д

убитый
Рябовол

Генерал из конвойцев Наместника

“Говоря о джигитах, хочу Вас спросить, известно ли Вам имя генерала Павличенко, вошедшего в войну простым казаком и окончившего её в чине генерал-майора! Насколько я знаю, это был единственный случай такого продвижения в чинах, и имя такого доблестного казака не должно быть забытым на Кубани! Мой отец его очень ценил, уважал - и по проявлению храбрости сравнивал его с генералом Бабиевым, всем известного своей отвагой.

...Отец также говорил, что к его удивлению, Павличенко так себя держал в обществе, что ни поведением, ни разговорами ничем не отличался от людей, получивших хорошее образование. Так, он приводил интересный случай, происшедший с ним у нас в доме, при встрече его с полковником Мышлаевским, который долго присматривался к нему, а потом обратился с вопросом: “Никак не могу вспомнить, где мы с Вами, Ваше Превосходительство, встречались?” На что ему Павличенко ответил: “Ну, как же... я же полгода каждый день чистил Ваши сапоги, когда служил при Вас денщиком!” Мой отец со смехом вспоминал смущение полковника Мышлаевского и это происшествие, закончившееся, к общему увеселению, очень дружелюбно.

...Он был очень известным джигитом и со своей группой был ангажирован на турне по Южной Америке. Мой же отец, всегда мечтавший найти где-то место для поселения казаков “станицами”, попросил Павличенко приехать к нему для обсуждения этой затеи и возможности провести её в жизнь - имея сведения о представляющихся к этому возможностях в Перу. При отправке Павличенко в Южную Америку, он принял на себя миссию разведки по этому вопросу...”

(из письма дочери Кубанского Атамана
Н.В. Назаренко - Науменко)

* * *

Ответ “о денщике” - шутка самого Павличенко или не совсем верный пересказ той встречи? Во всяком случае, офицеры, знавшие его по службе на Кавказе до 1-й Великой войны, денщиком не называли (в частности, генерал П.Н. Шатилов в своих воспоминаниях). Правда, состоя ординарцем в конвое Наместника, обязанности он мог иметь самые разные.

Два периода из его военной биографии особенно примечательны. Павличенко прошёл путь от сотника до генерал-майора всего за год (!) Гражданской войны - тогда храбрые и талантливые офицеры из-за больших потерь и необходимости замещения старших командных должностей делали стремительную карьеру. Но и на их фронте в чинах Павличенко, пожалуй, уникален.

Ещё интереснее проследить его службу в двух, “перешедших одна в другую” войнах - Великой и Гражданской. На весну 1915 года Павличенко - ещё нижний чин, урядник; через четыре года, летом 19-го - уже генерал! Вряд ли подобное производство отыщется в судьбе какого-либо иного офицера Русской Императорской и Белых армий!.

Иван Диомидович Павличенко, казак станицы Шкуринской Кубанского Войска, родился 21 июня 1891 года. Его отец, Диомид Ильич, проходил службу в Ейском полку ККВ. Ивана, имевшего лишь начальное образование (двухклассное училище), 13 октября 1910 года зачислили в 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк ККВ. Спустя три месяца толкового казака и лихого джигита переводят в конвой Наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова.

Конвой Наместника сформировался в середине XIX века как конвойная команда, а затем сотня казаков при Главнокомандующем Кавказской армией Великом Князе Михаиле Николаевиче - брате Александра II. В конвойной сотне Его Высочества состояли командир, 3 младших офицера, 110 урядников и казаков Кубанского и Терского Войск.

урядник Павличенко

Во время службы Павличенко в конвое, помощником Наместника по военной части являлся генерал Н.П. Шатилов, в декабре 1913 года его сменил генерал А.З. Мышлаевский - отец полковника, встретившегося с Павличенко в Сербии. У этих генералов он и был ординарцем, но не денщиком (денщиками обычно назначались безупречной нравственности рядовые, наиболее слабые по строю). Отличный строевой казак, прекрасно джигитовавший, никак не подпадал под данную категорию. В апреле 1914 года Иван Павличенко переименовывается в приказные и в мае, выдержав установленный экзамен при 1-м Хопёрском полку, производится в младшие урядники.

В мирное время служившие в конвое Наместника на Кавказе кубанцы и терцы носили форму тех полков (продолжая в них числиться), из которых они были переведены в Конвой, с соответствующей шифровкой на погонах; на черкесках носили знаки своего Войска. В следующие звания производились, как правило, приказом командира своего полка. С началом войны казак-конвонец обычно исключался из полка приказом по Кавказской армии.

В октябре 1914-го Турция развязала войну с Россией. В конце ноября того же года Император Николай II предпринял поездку на Кавказ, с посещением частей Действующей Армии в крепости Карс, Сарыкамьше и Меджингерте, несколько дней провел в Тифлисе. Повсюду его сопровождал конвой Наместника. “За образцовое исполнение службы при особе Государя Императора с 26 по 29 ноября” урядник Павличенко был “пожалован Его

Казачьи Конвой Наместника на Кавказе, 1914 год

Императорским Величеством серебряным рублём”. 28 ноября Царь “с большим удовольствием” слушал песни и смотрел пляски казаков “замечательного” хора трубачей конвоя, которым более 30 лет управлял регент и композитор М.П. Колотилин (уже в 52 года окончивший Тифлисскую школу прапорщиков вместе с Павличенко).

Под новый 1915 год командир конвоя Наместника есаул Н.А. Бигаев отправляет урядника на фронт - вместе с несколькими казаками сопровождать помощника Главнокомандующего Кавказской армией генерала Мышлаевского на передовых позициях Сарыкамьшского отряда. За оказанное при этом отличие в январе 1915 года Павличенко получает первую боевую награду - Георгиевскую медаль 4-й степени. Наместник граф Воронцов-Дашков наградил казака за усердную службу в конвое серебряными часами с цепочкой.

Между тем способности молодого казака требовали развития. Павличенко выдерживает испытание на права по образованию 2-го разряда при Тифлисской 2-й мужской гимназии и в марте 1915 года зачисляется в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков (где в апреле его “догоняет” звание старшего урядника).

15 мая 1915 года он становится офицером и менее чем через месяц со своим полком участвует в боях 1-й Кавказской казачьей дивизии “в пределах Азиатской Турции”, награждается первым орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью

командир Конвоя
есаул Н. А. Бигаев

“За храбрость”. Осенью, когда стало известно, что персидское правительство готовится заключить тайный союз с Германией и Турцией, за тысячу вёрст от действий главных сил Кавказской армии открывается новое направление - Персидский фронт. С 4 ноября части дивизии под командованием генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова, ставшей основой Экспедиционного корпуса, прибывают в Персию.

6 ноября 1-й Запорожский полк достиг города Решта - южнее порта Энзели на Каспийском море. В начале декабря Запорожцы вместе с 1-м Горско-Моздокским полком ТКВ в составе конного отряда полковника И.Н. Колесникова нанесли ряд сильных ударов по противнику на Кумском направлении, на юг от Тегерана. Город Кум в те месяцы был главным штабом военных действий против России.

6 марта 1916 года 1-й Запорожский полк с боем занял город Исфаган. На 22 июня пять сотен Запорожцев входили в конный отряд генерала А.Ф. Рафаловича.

Многочисленные племена курдов давали неплохую конницу в турецкую армию, в то же время остававшуюся разбойничьей ещё с мирного времени, когда кочевники грабили пограничные русские селения и торговые караваны. Взятые в плен, курды обычно молчали. Казаки придумали способ “развязывать им языки”. На глазах у пленных шашки и патроны смазывались салом. Переводчик говорил: “Доброе сало! Свиинка! Этими шашками вас и рубить будем!” Курды ползали в ногах, соглашаясь всё рассказать - только не поганьте свиинкой!

Внезапные налёты численно превосходящей курдской конницы на русские отряды происходили постоянно, и если казакам удавалось догнать противника, то возвращались они без пленных. На вопрос “где же курды?”, казаки отвечали: “А там... валяются”.

С августа хорунжий Павличенко - младший офицер одной из первых партизанских сотен в Персии под командованием сотника Л.М. Дейнеги. Партизанские сотни и эскадроны формировались по приказу генерала Баратова, офицеры в них назначались “самые предприимчивые и отважные из числа желающих”.

9-10 сентября партизаны сотни Дейнеги участвовали в продолжительном упорном бою с турками при выходе из Хамаданского ущелья авангарда из трех сотен 1-го Запорожского полка при 2 орудиях и 1 пулемёте. Противник, заняв окопы по высотам, запиравшим выход из ущелья, открыл сильный пулемётный и артиллерийский огонь. Казаки продвигались спешными цепями, сбивая противника с вершин и занимая их.

Всего, с подшедными подкреплениями, против русского авангарда находились четыре батальона пехоты, два эскадрона сувары (турецкой конницы) при 2 гаубицах, 6 конных орудиях, 4 пулемётах и курды.

После удачной артиллерийской подготовки, в результате которой замолчали одно турецкое орудие и пулемёт, сотни Запорожцев перешли в наступление. Турки атаки не приняли и начали постепенно очищать фланги. Взвод хорунжего Павличенко выскочил в конном строю на гору, нагнал хвост убегающих сувары и захватил нескольких турецких кавалеристов.

Несмотря на сильный гаубичный огонь противника, Запорожцы закрепились на занятых высотах и удерживали их до темноты. В донесении о бое командир партизан писал: “Младшие офицеры сотни работали сверхдоблестно, в их действиях видна казачья удаля и презрение к опасности, много случаев проявления храбрости нижними чинами”.

До конца войны Павличенко был несколько раз ранен; только в бою 22 октября 1916 года он получил две контузии, но остался в строю. За боевую работу на Персидском фронте И.Д. Павличенко награждается чином сотника и всеми орденами до Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантами включительно.

* * *

Казаки возвращались из Персии зимой-весной 1918 года. Кубань захватывалась большевиками, полки расформировывались. Офицеров арестовывали. Расстреливали и рубили шашками всех, пробиравшихся в Екатеринодар. Многих офицеров подняли на штыки “революционные” солдаты по пути следования с Кавказского фронта.

Павличенко скрывался на Дону. Выждав время, он прибыл в свою станицу и под видом “защитника новой власти”

сформировал отряд в 500 шашек верных ему казаков. В конце июня отряд был выдвинут для сопротивления передовым частям Добровольческой Армии, выступившей во Второй Кубанский поход и занявшей 1 июля станицу Тихорецкую. По сигналу командира, обезвредив комиссаров, казаки соединились с добровольцами у станицы Уманской, войдя дивизионом в 1-й Кубанский полк (затем Корниловский конный) полковника В.Г. Науменко.

От Уманской полк повернул на станицу Брюховецкую. В направлении Старо-Минской виднелись столбы дыма: в станице скопились много отступающих красных; уходя, они жгли казачьи дома. Посланные от полка подрывники взорвали железнодорожный мост через реку Сосыку, и подготовленные к отправке на Куцевскую вагоны со снаряжением и награбленным имуществом застряли. Большевики направили вагоны в другую сторону, на Новоминскую, где поезд настигли казаки. Далее полк освобождал Брюховецкую и Тимашевскую.

Постепенно, в тяжёлых боях очищая север Кубани, 1-я Конная дивизия - правый фланг армии - в составе 1-го Запорожского, 1-го Уманского и 1-го Кубанского полков 29 июля вышла к предместьям Екатеринодара. В ночь на 3 августа столица Войска была взята.

Очевидец вспоминает увиденного им Павличенко в Войсковой канцелярии освобождённого Екатеринодара в начале сентября 1918-го: “Перед заведующим канцелярией войсковым старшиной Майгура стоит молодецкий офицер, подтянутый, скромно, но хорошо одетый в тёмно-серую черкеску, при добротном холодном оружии, отделанном серебром. Он в погонах есаула (*подьесаула - П.С.*), хотя ему не свыше 30 лет. В левой опущенной руке он держит по-офицерски чёрную, крупного и хорошего каракуля папаху с серебряными галунами по верху войскового цвета. Перед штаб-офицером стоит подбристо, каблуки вместе, но так как они ведут частный и дружеский разговор, то офицер полусогнул левую ногу в колене, что тогда допускалось. За письменным столом, стоя, Майгура что-то выслушивает и любезно отвечает, спрашивает. Закончив разговор, офицер принял воинскую стойку, распрощался и вышел.

- Вы знаете, подьесаул, кто со мной говорил? - обращается ко мне заведующий хозяйством, брюнет с сединами, в кителе, с длинными черными тонкими казачьими усами.

Отвечаю, что не знаю, и что впервые вижу этого есаула.

- Это 1-го Запорожского полка сотник Павличенко, мой станичник, из простых урядников. Но посмотрите, - какой молодец! Безусловно, он выдвинется в Гражданской войне и будет героем, - закончил он”.

С конца августа начальником 1-й Конной (Кубанской) дивизии становится генерал П.Н. Врангель. Дивизия состояла из Корниловского конного, 1-го Уманского, 1-го Запорожского, 1-го Екатеринодарского, 1-го Линейного и 2-го Черкесского конного полков, трех батарей и пластунского батальона. Подьесаул Павличенко командовал сотней в своем 1-м Запорожском полку.

В редкие дни отдыха с “гостинцами мужу” приезжала из станицы его жена казачка Ирина Даниловна, урожденная Колесникова (в 1920-м она не смогла выехать из России и погибла при голоде на Кубани; была у них и дочь, родившаяся в 1915 году).

Сентябрьские сражения под станицами Михайловской и Курганной, где красные внезапной атакой едва не взяли в плен начальника дивизии... Октябрьский бой на реке Урупе, после которого генерал Врангель хвалил Запорожцев за проявленную храбрость... Ставропольская операция, вновь ранения Павличенко... В ноябре 1918 года он производится в есаулы, назначается командующим 1-м Запорожским полком и 23-24 ноября с бригадой 2-й Кубанской казачьей дивизии полковника М.А. Фостикова громит советскую дивизию у села Петровского. 4 января 1919 года 1-я Конная дивизия занимает базу Таманской красной армии - Святой Крест, 8 января - Георгиевск. Остатки 9-й красной армии бежали на восток, бросая оружие и обозы.

Завершался разгром большевиков на Северном Кавказе. 1-я Конная дивизия генерала П.Н. Шатилова двигалась вдоль Терека. Казачьих станиц между чеченскими аулами уже не существовало - они были уничтожены чеченцами. В ответ так же поступали с аулами и казаки. За отличия в

январских боях и при взятии Грозного, 27 января 1919 года Павличенко получает чин полковника.

В начале марта наступление войск генерала Шатилова (4 полка, артиллерия и две пластунские бригады) возобновилось. Главный удар приходился на аул Гойты - военный центр Чечни, конные полки сосредоточились для удара на северном берегу Сунжи. Здесь начальник дивизии был ранен и 16 марта эвакуирован. Шатилов вспоминал: "Со мной ехал в Екатеринодар тяжело раненый командующий Запорожским полком есаул (полковник - П.С.) Павличенко. Во время одной из конной атак он с двумя сотнями своего полка врезался в отходившую колонну чеченцев и в происшедшей схватке получил несколько пулевых и шашечных ран, причем обе руки его были прострелены. Но он оставался верхом и продолжал командовать своими запорожцами..."

К 20 апреля 1-я Конная дивизия подошла к селу Сандата и повела наступление на Новый Егорлык в сторону р. Маньч. На переправе, ночью 29-го, части дивизии внезапно атаковала красная конница - казаки отступили. На следующий день в войска прибывает Главнокомандующий генерал Деникин и осматривает Маньчскую переправу.

5 мая части Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля переправляются через Маньч - началась Царицынская операция.

Долгий тяжёлый переход 1-й Конной дивизии - под проливными дождями, без правильного корма лошадей и вечно отстающими обозами от Великокняжеской до Котельниково. На укрепленные позиции красных командующий царицынской группой войск генерал Шатилов бросает всю имеющуюся в его распоряжении конницу - казаки рубят шашками проволочные заграждения, под артобстрелом несут тяжёлые потери, отходят и вновь атакуют. С 17 на 18 июня Царицын пал. В этой операции Павличенко командует 2-й бригадой своей дивизии, а вследствие тяжёлого ранения начальника 3-й Кубанской казачьей дивизии генерала Н.Г.Бабиева временно назначается её командующим. 2 июля 1919 года Иван Павличенко производится в чин генерал-майора - ему только что исполнилось 28 лет!

После поражений весны - начала лета и потери Царицына красные прилагали значительные усилия для восстановления своего Южного фронта. Решающий контрудар предполагалось нанести с фронта Балашов-Камышин на нижний Дон. 1 августа 10-я советская армия с многочисленной конницей Будённого, поддержанная Волжской флотилией, перешла в наступление на Кавказскую армию. С тяжёлыми боями, продолжавшимися три недели, белые отходили на юг до Царицына, где 23 августа началось решительное сражение. Последние резервы, введённые Врангелем, и атаки кубанской конницы отбросили противника; генерал Павличенко был ранен здесь в 14-й раз.

В октябре 19-го Павличенко командовал 1-й Конной дивизией в составе конной группы генерала С.Г. Улагая, оборонявшей царицынские укрепленные позиции. Конница Будённого с постоянной подхлещившей к ней на усиление пехотой, половина которой после боев неизменно попадала в плен белым, вела ежедневные атаки. В ноябре выздоровевший после ранения Иван Диомидович принимает Кабардинскую дивизию. Красные снимают части армии Будённого с этого участка фронта, отправив их под Ростов, но всё равно имеют перевес сил в пехоте в 3-5 раз и в коннице в 1,5-2 раза. Кабардинцы теснят большевиков у Котлубани.

Недолгий по продолжительности, но славный рейд 4-го Конного корпуса генерала С.М.Топоркова, в котором отличилась Кабардинская дивизия, начался 18 ноября и закончился 26 ноября у Прудков. В ночь на 18-е, Кабардинцы, вместе с 1-й Конной и бригадой 3-й Кубанской казачьей дивизии выступили с х. Бабуркина в направлении на Котлубанский в обход занятого большевиками х. Рассошинского. На полпути к Рассошинскому колонна встретила конницу противника, завязалась бой, и утром Кабардинцы уже гнали красных конников мимо хутора за железную дорогу. У хутора Араканцева всадники Павличенко бросились на беспорядочно бегущие массы красных и взяли богатые трофеи.

19 ноября Кабардинцы обошли станицу Качалинскую, снова захватив много пленных; остатки красных бежали через Дон и попали в руки донцам.

Противник намеревался окружить группу генерала Топоркова. Утром 21-го полукольцо красных занимало высоту восточнее Фастова. Перекрёстным огнём советские полки буквально залили огнём белых. Тогда 2-й конно-артиллерийский дивизион вылетел на картечь, пулемётчики начали состязание с красными, полки стремительно ринулись на большевицкую пехоту, сметая всё перед собой на фронте двух вёрст. Кабардинцы захватили более тысячи пленных, 6 орудий и 9 действующих пулемётов. Затем преследовали противника до следующей высоты и там вновь атаковали, взяв сотни пленных.

25 ноября дивизия генерала Павличенко пошла в наступление на хутора Садки, занятые частями свежей 20-й советской дивизии. Лавицу Кабардинцев, шедшую в резервной колонне по 1-му полку, встретили до 20 пулемётов красных, перед всадниками лежал широкий овраг с палисадниками и садами. Кабардинцы захватили в хуторах штабы 20-й дивизии и бригады той же дивизии, окружившие себя отборными коммунистами. Конница красных и их обозы бежали. В атаке потери белых составили несколько человек убитых и до 30 раненых - среди них тяжело ранен генерал Павличенко.

Приказ о бое зачитали во всех сотнях, батареях и командах дивизии, с обязательным переводом для кабардинцев каждой фразы.

Командир 1-го Уманского полка ККВ полковник Г.Ф.Волошинов свидетельствовал о бое у Прудков: "Когда на них (красных) в лоб пущена в атаку кабардинская дивизия - оставшиеся в деревне части, как оказалось, сплошь коммунистического состава, выходят в штыки на кабардинцев и очень метко стреляют в упор.

Кабардинцы, понеся потери, отходят в исходное положение. Начальник дивизии генерал Павличенко, как всегда, несется впереди дивизии и шагах в 300-х под ним убивают коня и сам он, раненый с полным раздроблением бедра, падает. Бежать, идти, конечно, не может и гибель его неминуема, как к нему подсакивают два всадника, делают крутой вольт, хватают его за руки и так выносят. Потеря для нас очень, очень чувствительная. Огневой бой, меж тем, продолжается до захода солнца".

В марте 1920 года Ивана Диомидовича эвакуировали, и до августа он находился на лечении в Королевстве СХС, после чего прибыл в Русскую Армию в Крым. В начале октября в Таврии, в завершении Заднепровской операции, генерал Павличенко принимает 1-ю Кубанскую казачью дивизию. Настроение казаков было бодрое, хотя Красная армия, усиленная частями, переброшенными с польского фронта, теснила белые войска.

После неудачных операций на правом берегу Днепра 1-ю кавалерийскую и Кубанскую дивизии отвели в тыл. В Кубанской дивизии из-за наличия многих безлошадных приступили к формированию пластунского батальона. Чувствовалось, что красные скоро усилят натиск и что придётся уходить в Крым.

Тем не менее, прорыв конницы Будённого из Каховки в тылы, к перешейкам, оказался неожиданным. Красные наседали по всему фронту, особенно на левом фланге белых - ничего не оставалось, как отходить.

Левый фланг составил группу под командованием генерала А.П.Кутепова - Корниловская и Дроздовская пехотные дивизии, 1-я и 2-я кавалерийские дивизии, Терско-Астраханская отдельная казачья бригада и Кубанская казачья дивизия. Все части сосредоточились в одном районе. Войска усилились 30 автомобилями "форд" с пулемётами Максима, аэропланы несли службу разведки и связи. Красные появились не только в тылу, но и на флангах. Практически отрезанные от Крыма, белые дивизии совершали отход в образцовом порядке. Собранные части являлись лучшими, доверие связывало солдат и казаков со своими старшими начальниками.

Конница - три дивизии Сводного корпуса генерала И.П. Барбовича - двинулась прямо на левую колонну Будённого. На левом фланге наступали две кавалерийские, на правом - Кубанская казачья дивизия, ещё правее - Дроздовская дивизия. Конница красных занимала большую деревню Агайманы. Беглый артиллерийский огонь, треск многочисленных пулемётов с обеих сторон...

Кубанцы, быстро продвигаясь вперёд, старались зайти глубже в тыл красным. Из деревни Агайманы густыми

толпами выскакивали будёновцы. Казачьи полки в резервных колоннах шли налётом, пулемётам приказано выходить вперёд. Обгоняя казаков, мчался автомобиль штаба дивизии генерала Павличенко с пулемётом. Над колонной разорвались шрапнели, и дивизия понеслась по-бригадно. Красная конница долго стояла, а шагов за 700 повернула и пошла полным ходом - большая часть по дороге на запад. Казаки захватили лишь повозки обоза.

Дальше двигались уже с пехотой в боевом порядке - противник наседали с трёх сторон, а впереди ещё другая колонна Будённого. Конница, большей частью в резервных или взводных колоннах, задерживала красных на хвосте перекатами. Очень помогали форды с пулемётами, к колоннам для связи подлетали аэропланы. Один из них спустился и сообщил, что верстах в семи по ходу движения идёт большая колонна конницы Будённого флангом на запад и гонит пленных.

Дроздовская и 1-я кавалерийская дивизии быстро пошли прямо, а Кубанская и 2-я кавалерийская дивизии взяли полуоборотом вправо, чтобы захватить голову красной колонны. Дойдя до седловины, увидели идущие галопом конные части. Левая колонна белых вошла в соприкосновение с противником и открыла орудийный огонь. Батареи правой колонны тоже снялись с передков, обе дивизии пошли налётом наперерез большевикам, до них 3-4 версты. Красные беспорядочно, но очень резко уходили.

До перешейков осталось 15 вёрст, и на этой линии нужно было продержаться два дня, чтобы подравняться с Донцами на правом фланге и дать закончить эвакуацию. Занимая длинную деревню по ребру возвышенности, дивизии оставались в готовности, ожидая противника со всех четырёх сторон.

На третий день с рассветом двинулись к Крыму. Вся долина покрылась колоннами конницы и пехоты. Когда отошли, стал виден весь хребет с появившимися на нём

красными. Можно было угадать их волнение - белые в порядке уходят в Крым! Но атаковать большевики не решались, и белые дивизии перекатами шли по чистому полю. За полем круто поднимались холмы, а там, вёрст через пять - перешейки.

На небольшом плато Кубанцы с 1-й и 2-й кавалерийскими дивизиями сгруппировались - противник наседали, нужно было задержаться ещё немного, чтобы войти за перешейки с темнотой. Конница стояла недалеко от ребра хребта, её колонны просматривались отовсюду. Сильный пулемётный огонь открыли с северо-востока по Кубанской дивизии, сразу ранив тремя пулями начальника дивизии генерала И.Д. Павличенко. Это были его - 23, 24 и 25-я раны!

Прошло несколько неприятных секунд, но тут перед фронтом частей появился генерал Барбович со штабом и своим большим значком цветов Императорской России. Он ехал шагом и спокойно негромко отдавал приказания, и всё опять стало, как на учении. Одна батарея быстро снялась и открыла огонь картечью, Уманцы спешились в вырытые заранее окопы и открыли огонь залпами. Казаков поддержали слева и сзади залпы Дроздовцев. Спустя час отошли, ещё раз выставили пулемёты - и уже в темноте переправились за прово-локу перешейка, в Крым...

Боями в Таврии закончилась для генерала Павличенко Гражданская война в России. Далее была эмиграция, джигитские турне и необычное путешествие в Южную Америку с целью разведать возможность поселения казаков на новых землях... Но об этом интересном периоде его жизни мы ещё надеемся рассказать в последующем...

П. Стрелянов (Кулабухов)
(продолжение следует)

Генерал И. Д. Павличенко, Сербия, 1923 г.

"Собственный Е.И.В. Конвой - Гвардейский Дивизион"

Издательство "Центрполиграф" издало книгу "Собственный Е.И.В. Конвой - Гвардейский Дивизион". Первая часть её - переиздание книги полковника Н.В. Галушкина. Вторая, написанная П.Н. Стреляновым (Кулабуховым), рассказывает о десятилетиях жизни и службы чинов Конвоя после 1917 года. Гражданская война, двадцатилетнее бегство в Югославию (где конвойцы оставались единственной организованной боевой единицей Русской армии). А затем - в полном составе, со своими офицерами Гвардейский Дивизион выступил на Вторую войну в рядах Русского Корпуса (подобных примеров не знало ни одно из существовавших в то время на чужбине полковых объединений и союзов Императорской армии). Послевоенное тридцатилетие в другой части Света, воспитание молодёжи в любви к Отчизне и уход из жизни последних конвойцев - всё вместе составило почти 70 лет новой истории Части.

Глава "К истории Конвоя" на основе не публиковавшихся ранее документов рассказывает об офицерах и казаках гвардейской Части. В приложениях и комментариях впервые приведены имена более 1100 офицеров и казаков С.Е.И.В. Конвоя - Гвардейского Дивизиона, с установленными о них сведениями.

В книге много редких фотографий. Заказать её можно по адресу "Станицы".

"Дневник Кубанского казака"

Вышла из печати новая книга: В.К. Бардиж - "Дневник кубанского казака. Петроград, 1917 год". Предисловие и комментарии к ней подготовили кубанские историки Н. Корсакова и С. Илюхин. Издание, включающее в себя собственно дневники и фотографии из семейного архива семьи Бардижей, осуществлено краевым фондом памяти Ф.А. Шербины в станице Каневской (при поддержке Благотворительного фонда "Вольное Дело" и редакции "Станицы").

Вианор Кондратович Бардиж (10.08.1892 - 09.03.1918) - старший сын известного общественного деятеля Кубанского Войска Кондрата Лукича Бардижа, депутата Государственной Думы от кубанского казачества всех четырех созывов, комиссара Временного правительства на Кубани. Сам Вианор Бардиж в 1917 году был членом Совета Союза казачьих войск в Петрограде.

В июле 2006 года из Аргентины на Кубань приехала Елена Анатольевна Бардиж - племянница Вианора Кондрато-

вича. Она передала на хранение в Краснодарский историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына документы и фотографии из семейного архива, содержащие сведения о жизни и деятельности деда, отца и дяди.

Дневник, который вёл в Петрограде Вианор Бардиж, повествует об участии казачества в бурных революционных событиях. В него вклеены вырезки из газет того времени. Блокнот в картонном переплёте состоит из 188 страниц...

Подъесаул Кондрат Лукич Бардиж - казак станицы Брюховецкой Кавказского отдела ККВ, известный предприниматель и политик. У него была большая семья. Жена Нина Христофоровна родила ему трёх сыновей и трёх дочерей (ещё один сын умер в младенчестве).

Старший сын родился 10 августа 1892 года, получив в крещении имя Вианор (по гречески - *сильный*). Вианор Бардиж окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, воевал на Кавказском фронте в Персии артиллерийским офицером в составе отдельного кавалерийского корпуса генерала Баратова. Вернувшись на Родину, в июне 1917 года в Петрограде был избран членом Совета Союза казачьих войск от Кубанского Войска.

Средний сын Николай, родившийся в 1894 году, стал лётчиком, хорунжим Кубанского казачьего войска. Сражался на фронте в составе 2-го Екатеринодарского полка. Младший сын Анатолий (1905 г.р.) умер в Аргентине в 1992 году.

В первые дни февральской революции К.Л.Бардиж вернулся из Петрограда на Кубань - как комиссар Временного правительства он стал главой Кубанской области, сложив свои полномочия лишь после принятия Радой первой конституции Кубанского края. В начале января 1918 года он произвёл рейд на самодельном бронепоезде от Екатеринодара, пытаясь вразумить нейтральную тогда казачью молодёжь (об этом эпизоде начинающейся Гражданской войны "Станица" рассказывала в одном из номеров). Взятая за создание казачьих вооружённых сил (т.н. "вольные казаки").

Перед падением Екатеринодара в феврале 1918 года К.Л. Бардиж с сыновьями Вианором и Николаем и небольшой группой офицеров пошёл через горы в Грузию. Большая часть отряда погибла в боях. Кондрат Лукич, его сыновья и четыре других офицера попали в руки красных возле Туапсе. 9 марта на барже у туапсинского мола их судил "революционный суд". Сначала на глазах отца убили его детей, и лишь затем расстреляли его самого и остальных пленников. К.Л.Бардиж погиб в день своего рождения, 50-ти лет от роду...

Отправляясь в роковой поход через Кавказ, Вианор Бардиж оставил свой дневник у родственников в Екатеринодаре. Его жена Нина Леонтьевна с малолетним сыном Всеволодом осталась в России. А вот младший брат Анатолий в 1919 году вместе с матерью и сёстрами оказался в Аргентине, женился на аргентинке, родившей ему сына Юрия (1943 г.) и дочь Елену (1944 г.). Именно Анатолий Кондратович и сохранил дневник брата.

Записи охватывают период от середины июля до середины сентября 1917 года - от попытки июльского мятежа большевиков и похорон казаков, убитых при его подавлении, до выступления генерала Корнилова в конце августа. На втором (учредительном) общеказачьем съезде в Петрограде был избран Совет Союза казачьих войск, одним из членов которого и стал Вианор Бардиж.

В Совете СКВ он осуществляет контакты между Керенским, военным министром Савинковым и Советом Союза. Проводит заседания Совета. Заботится об открытии новых станичных училищ и школ, о присвоении очередных званий казакам, устраивает концерты в пользу семей казаков, убитых при подавлении июльского путча. Защищает интересы казаков на выборах в Учредительное Собрание. Много времени занимает забота по реорганизации казачьей газеты и обсуждение земельного вопроса (особенно актуального в казачьих областях, где иногородние настойчиво требовали её передела). Много раз в дневнике упоминаются беседы Бардижа с Керенским.

Ниже мы приводим небольшой отрывок из дневника, относящийся ко дню похорон казаков, погибших при подав-

К.Л. Бардиж

лению большевицкого путча. В разговоре Вианор Бардиж фактически предостерегает Керенского - казачество могут вынудить принять меры против разгорающейся анархии и развала государства...

* * *

Последняя запись в дневнике от 17 сентября - а 21-го Бардиж встретился с Савинковым. Очевидец этой встречи Зинаида Гиппиус записала тогда свои впечатления: "Два казака. Настоящие, здоровенные, под прилолку головами. У одного - обманно-юношеское лицо с коротким и тупым носом, с низким лбом под седеющими кудрями - лицо римской статуи. Другой - губы вперед, черные усы, казак и казак."

Неглупые (по-моему - хитрые), несложные, знающие только здравый смысл. Знающие свое, такое далекое всяким "нам" с нашими интеллигентскими извилинами, далекое всяким газетам, всякому Струве, Амфитеатрову... да и самой "политике" в настоящем смысле слова..."

С.И.

* * *

15 июля. Сегодня день похорон казаков. С вечера вчера перенесены тела в Исаакий. Собор освещен внутри, а вокруг в сквере много народу. Жуткие отрывки фраз:

"Перевешать мерзавцев большевиков!"

Что терпели, бить их надо. Утром сегодня хотел увидеть Керенского, но полковник Васильковский, он из штаба полковник, сказал, что он уехал в действующую армию. Это и в газетах сегодня написали. Масса народу в соборе и вокруг. Кругом войска. Вынос. Керенский несет вдруг гроб. Откуда он. Вероятно, вспомнил и вернулся. Спустили гробы со ступенек. Керенский начал речь говорить. Внизу все министры, Советы, послы, депутаты. Жуткий момент, когда он поднял руку и сказал: "Клянемся защищать свободу и родину".

Вся площадь поднялась, а женщины со слезами истерически кричали "клянемся". Начал спускаться Керенский. Все всколыхнулось, началась давка. Керенский на автомобиле, толпа давит. Все разметала, и министров и депутатов. Я раза три переворачивался, полные круги делал по воле толпы, стоял на месте. Удалось стать на месте, где должны были идти за последним гробом. Керенский здесь же да 2-3 пробившихся министра. Кое-где не умолкало "ура". Керенский назначил на сегодня свидание в Маринском в 8 вечера. Пришел. Начал говорить я. Говорил, что нужна твердая, сильная, единая, независимая власть, что он должен быть диктатором над умной сетью диктаторов. "Не нужно ставить точки над i. Разве вам не ясно". Нам ясно, а народу нет, и может кто другой появится, и гражданская война.

"Поэтому важно эту точку объявить, мы думаем, что сегодня со ступеней".

Смеется. Да, этот вопрос может дня через два решиться после совещания в ставке.

Зависимость от Совета. Нет ее. Он уже умирает, но не нужно ускорять его смерти, это вызовет ненужное сопротивление.

"Положение не так уж плохо в России, не нужно сгущать краски. Если увижу, что не справлюсь - уйду. Вы хотите, чтобы ваш представитель был министр или товарищ министра по казачьим делам. Могу пойти на это..."

В заключение я ему сказал: "Если вы не справитесь с анархией, мы уйдем на родные места и не дадим разлиться анархии".

Испуг.

"Мы живы и не хотим умирать. Может, оттуда спасение пойдет - так что не удивляйтесь и не думайте плохого".

"Ну, я надеюсь, что мы до такого ужаса не дойдем, анархию сдержим. Казаки не контрреволюционны..."

Семья Бардижей (ст. Брюховецкая)

Сибирцы в Туве (1918 - 1919 гг.)

Масштабные по кровопролитию и глубине общественного раскола события Гражданской войны заслоняют собой тот факт, что и во время внутренней смуты в некоторых местах казаки продолжали охранять границу. Сибирские казаки защищали интересы России и русских подданных в Туве (до 1921 года её называли *Урянхай*).

Урянхайский край был принят под протекторат России лишь в 1914 году, когда самовольное переселение туда русских уже успело принять значительные размеры. В августе 1917 года Временное правительство подтвердило статус края как протектората, учредив должность комиссара по делам Урянхия.

После Октябрьского переворота находившаяся в крае сотня забайкальских казаков подьесаула Н. Магомаева ушла через Монголию в Забайкалье, и урянхайская знать заколебалась: верно ли она сделала ставку на Россию? Когда русские учинили в крае первую масштабную экспроприацию - разграбив скот своих купцов - знать, испугавшись, что большевизмом заразится и местное простонародье, обратила взоры на Монголию и Китай. Русским прямо говорилось: "Мы подчинимся тому государству, на чьей стороне окажется право и сила".

Большевики же обещали независимость! В июне 1918 года на совместном заседании русского и урянхайского краевых съездов они говорили, что урянхи свободны от обязательств перед Россией - и местная знать вступила в переговоры о смене подданства. В Западный Урянхай, на реку Кемчик (Хемчик) прибыли китайские чиновники.

Столкновений между русскими и урянхами из-за земли было немного - в 3-4 местах. Больше недовольство вызывали товарный голод, обесценивание денег и спекулятивные операции, особенно казанских татар на Кемчике. Русские товары первой необходимости были редки и очень дороги. Китайских и монгольских купцов с их дешёвыми товарами русские власти прежде в Урянхай не пускали - и вот теперь они решили воспользоваться разрухой в России, чтобы вернуть себе рынок.

Представитель VI краевого русского съезда Я.И. Мальцев, проведя на Кемчике переговоры с китайскими чиновниками, констатировал: "Никакие переговоры представителей русской власти с урянхайскими нойонами восстановить прежнее положение не могут. Для того чтобы сохранить в крае спокойствие и хотя на время видимость прежнего положения... необходима немедленная присылка сюда казачьей сотни, с правом организации в случае надобности добровольческих дружин. В противном случае мы и здесь, как говорят туземцы, потеряем лицо". VII русский съезд принял соответствующее постановление, обратившись за помощью в Омск.

Временное Сибирское правительство, подтвердив русский протекторат над Урянхаем и восстановив в должности краевого комиссара А.А. Турчанинова, направило сюда 6-ю сотню 3-го Сибирского казачьего полка, сформированную в Павлодаре из казаков трёх молодых нарядов (1916-18 гг.). Командовал ей подьесаул К.Е. Распопин.

1 августа 1918 г. сотня выехала железной дорогой из Омска, в Красноярске пересела на пароход, а уже из Минусинского уезда шла походным порядком. 9 сентября она прибыла в центр Урянхия - город Белоцарск (с 1917 года - Русский Дом, ныне Кызыл). Здесь подьесаул Распопин сразу же раздал почти весь имевшийся в городе запас оружия по русским заимкам, на случай самообороны.

В конце сентября 1918 года в Белоцарске была получена тревожная телеграмма из российского консульства в монгольском городе Кобдо. Консул А.П. Хионин сообщал, что "монгольские шайки пробираются к границе Урянхия с целью грабежа русского населения, а за ними едут китайские купцы с товарами и охраной, дабы по изгнанию русского населения занять Кемчинский район". Казачья сотня немедленно выступила на Кемчик, к границе. На-

чались боевые стычки. При попытке прорыва монголов на р. Чедан, в Верхнее Куре казаки нанесли им решительное поражение, взяв в бою 40 человек пленных.

Изгнав монгольские отряды, в ноябре 1918 года сотня заняла 250-вёрстный участок границы, выставив посты у горных проходов. Служба была тяжела: сорокаградусные

морозы, жизнь в юртах, нехватка людей, часть которых пришлось выделить для службы связи и в конвое краевого комиссара. Между тем монголы готовили новое вторжение. Красноярск же слал лишь патроны, отказывая в подкреплении войсками.

В декабре подьесаул Распопин созвал собрание русского населения Кемчикского района, обрисовав обстановку. Собрание решило создать

добровольческую дружину. Подобные же русские дружины по собственному почину образовались в Подхребтинском, Турано-Уюкском и Мало-Енисейском районах. Всего в дружинники записалось до 550 человек. Из штаба округа прислали на командные должности 8 офицеров и 2 военных чиновников, аванс в 300 руб. и оружие. Дружинники были распределены на три смены, каждая из которых несла службу по 10 дней, вместе с казаками.

В мае 1919 года монголо-китайские отряды произвели на границе новый "пробный натиск", уже лучше подготовленный. Заранее были посланы агитаторы для тайной пропаганды среди урянхов. Первое столкновение на Курэ русские выиграли, но затем пришлось отступить. В переломный момент не лучшим образом показал себя подьесаул Распопин, появившийся попросту пьяным.

Переход монголо-китайскими отрядами границы послужил толчком к восстанию урянхов, с 1 по 3 июня 1919 года охватившее весь район. Восставшие (до 600 чел.) разграбили и сожгли все русские торговые фактории по Кемчику, перебив до 60 мужчин и уведя женщин и детей. Начали они нападать и на пограничные посты, убив одного казака. Казаки и дружинники смогли отбить женщин и детей. Уцелевшее население было эвакуировано на р. Чедан, в поставленные возле одной из заимок юрты, а затем в пос. Чакул, откуда потом разбежалось по разным местам.

Русские власти смогли стянуть на Кемчик под команду Распопина ещё более 400 бойцов (в том числе 110-120 казаков). Но этого, учитывая стремление монголо-китайских отрядов и восставших урянхов развить успех на новые районы, было недостаточно.

В хошунах, пока не присоединившихся к восстанию, урянхи выжидали, опасаясь прибытия русских войск. Помощь была Красноярском обещана. Но подпоручик Крихно, ссылаясь на указания штаба Иркут-

ского военного округа, затянул выступление своей полуроты из села Усинского. А уже отправленная была на Урянхай сотня енисейских казаков была отозвана в Красноярск, на борьбу с партизанами.

Между тем управляющий краем Турчанинов уже объявил о скором прибытии войск. 9 июня 1919 г. он обратился с телеграммой к самому А.В. Колчаку, прося завезти отpravку в край сотни и полуроты - иначе создаётся "впечатление слабости и обмана со стороны представителя России на месте", а находящиеся на границе отряды монголов расценят это как слабость России и поднимут в Урянхае всеобщее восстание.

Ударом в спину отряду Распопина стало восстание русских деревень вдоль хребта Танну-Ола: Максимовки, Владимировки, Никольской, В.-Никольской, Атамановки, Элегеста, Сосновки. Когда монголы начали проникать в Подхребтинский район, разогнав дружинников с двух постов, крестьяне решили откупиться деньгами, выдав на расправу всех офицеров, чиновников, казаков. Восстание "подхребтинцев" началось в Элегесте с ареста местными дружинниками своего командира прапорщика Грибкова и 4-х казаков. Образовались советы в деревнях и районный

Сибирские казаки (ноябрь 1916 г.)

Сибирские казаки

штаб. Дружба "Подхребтинской совдепии" с монголами установилась не сразу, те успели сжечь Максимовку и Владимировку, но в начале июля 1919 года уже отмечены были их совместные действия.

Ввиду неблагоприятной обстановки Распопин был вынужден оставить район Кемчика, 23 июня отступив к пос. Чакул. Затем, оставив против "подхребтинцев" и урянхов полуроту и 30 казаков, с основной частью отряда он прибыл в Белоцарск. Причиной отступления стало то, что с севера в Урянхай вторглась партизанская "армия" А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина.

В июне белые уничтожили "Степно-Баджейскую республику", но ядро её войск ушло в Минусинский уезд. 7 июля из Белоцарска к переправе через р. Ус была послана команда прапорщиков Яркова и Иванова, из сибирских казаков и дружинников, с задачей вести разведку и задержать отряд партизан. Но сделать это было трудно - по данным начальника Минусинского военного района полковника В.А. Романенко, в партизанской "армии" было до 1500 чел. Чтобы на 300-вёрстном фронте (в горах!) бороться и с ней, и с "подхребтинцами", урянхами и монголо-китайскими отрядами, требовалось до 2000 чел. боеспособного войска!..

Вторжение в край красных внесло в ряды русских колонию. Дружинники стали уходить по домам, унося оружие - всего разбежалось около 300 человек. 9 июля на совещании у управляющего краем выяснилась безнадежность положения. Подъесаул Распопин и все командиры частей считали, "что средств удержать Белоцарск никаких нет, что атмосфера вокруг сгустилась настолько, что возможен налёт каждый час". В тот же день Турчанинов отдал приказ об эвакуации в Минусинск.

Утром 11 июля (28 июня ст. ст.) 1919 г. отряд Кравченко-Щетинкина на реке Ус, в 160 км от Белоцарска, разгромил заслон прапорщиков Яркова и Иванова. Сначала, в 8 часов утра, казаки и дружинники отбили огнём сильный разъезд противника. Но красные, скрытно переправившись через Ус в другом месте, ударили в тыл. Команда была рассеяна, потеряв пулемёт (правда, прапорщик Иванов успел снять с него замок) и часть людей (только у казаков трое убиты, трое пленены). Большинство казаков и дружинников ушли в тайгу, а прапорщик Иванов с остатками команды - на Белоцарск.

12 июля, оставив город, отряд Распопина (в составе неполной 6-й сотни 3-го Сибирского казачьего полка, Усинской полуроты и Белоцарской дружины) ушёл в Амыльскую тайгу. 12 августа на Туране он присоединился к правительственному отряду есаула Г.К. Бологова, имевшему задачу разбить партизанскую "армию". К тому моменту в боях с монголами, урянхами и красными сотня сибирцев понесла большие потери - 1 офицер и 7 казаков были убиты, 7 казаков ранены, 1 офицер и 36 казаков пропали без вести.

Под началом есаула Бологова собралось около 600 человек пехоты и 380-ти конницы (три казачьих сотни) при 2 орудиях и 14 пулемётах. Красные за почти месячную передышку в богатом мясом и хлебом Урянхае отдохнули и пополнились "подхребтинцами".

Утром 16 (3) августа Бологов атаковал Белоцарск. Шестью конными атаками по пересечённой местности енисейские и сибирские казаки выбили врага из трёх линий окопов на высотах у города, отбросив его в сторону от дороги. В 3 часа дня силами двух сотен 1-го Енисейского казачьего полка, дружинников и сборной пулемётной команды город был занят.

Однако в 5 часов красные тремя цепями перешли в контрнаступление. Уже в темноте, смешав дружинников, они опрокинули белых в Енисей. Казаки на лошадях и пехота бросились впасть через реку. Сотни енисейцев потеряли 75% личного состава, много утонувшими. Сибирцев от таких потерь спасло то, что в Белоцарск их не ввели, оставив у переправы для охраны лодок. Но и у них в атаках погибло 2 человека и 8 ранено. Основные силы сибирцев под энергичным руководством сотенного командира переправились через Енисей, потеряв утонувшими двух человек.

Оставив врагу все орудия и пулемёты, до полумиллиона патронов, снаряды и другое военное имущество, белые во главе с получившим две раны есаулом Бологовым ушли на Минусинск. Причину поражения подъесаул Распопин объяснял так: "отряд был малочислен, и начальник отряда малообразован в военном деле".

У села Усинского сотня Распопина догнала остатки отряда: около 60 енисейских казаков и до 90 пехотинцев (в том числе 40 безоружных, бросивших винтовки во время бегства). Впрочем, многие белые просто разбежались по тайге, и потом их из Минусинска возвратили в отряд.

6-я сотня 3-го Сибирского казачьего полка в урянхайских событиях "сильно пострадала", и подъесаул Распопин не раз просил вернуть её в родное войско. Но у белых на счету был каждый активный штык, каждая шашка. Ведь, довооружившись трофеями, "армия" Кравченко-Щетинкина вырвалась из Урянхай, заняла 13 сентября 1919 г. Минусинск, угрожая теперь самому Красноярску и Сибирской железнодорожной магистрали - единственной транспортной артерии армии адмирала Колчака. Поэтому сотню сибирцев придали 3-й Сибирской стрелковой бригаде генерал-майора И.Е. Барановского, прикрывавшей минусинское направление.

О сдаче Омска сотня Распопина узнала только 1 декабря, после чего пошла на Ачинск, где влилась в свой 3-й Сибирский казачий полк и разделила его судьбу. Изнуренный усиленными переходами, бескормиец, неорганизованностью в тылу, обременённый большим числом тифозных, полк не смог прорваться мимо Красноярска и 6 января 1920 г. в селе Минино сдался красным. Командир 6-й сотни К.Е. Распопин был доставлен в Омск. В 1920 году он находился в одном из здешних концлагерей, дальнейшая его судьба неизвестна...

Итак, в стабильный период для охраны границы и поддержания порядка в Урянхае хватало казачьей сотни - до монголо-китайского вмешательства и начала внутренних восстаний.

Колчак, ведший неравную борьбу с большими силами красных, не мог снимать с главного фронта силы на третьестепенные задачи в тылу. Этим, в конечном счёте, и объясняется поражение в Туве с превращением её в базу красных партизан.

Маленький эпизод Гражданской войны выводит на большие размышления. Девять месяцев совершенно мизерными силами казаки удерживали за Россией огромный край - и отступили, лишь получив удар в спину от красных.

Наша граница в Азии была обозначена тогда условно. Как пригодились бы казаки при оборудовании сплошь охраняемой границы от Евфрата до Тихого океана!.. Именно от Евфрата - ибо в январе 1917 года Государь Николай II учредил, для охраны отвоёванных у турок исторических земель Великой Армении, Евфратское казачье войско. Революция лишила армян их исторической Родины, а казаков - нового служебного поприща. Причем в глухих, удалённых от транспортной сети местах - например, на границе с Северо-Западным Китаем (Синьцзяном) - могло быть полезным и пресловутое казачье самоснаряжение на службу.

СССР в 1920-40-е годы вводил войска в Монголию, Афганистан, Синьцзян, Иран, Корею, Маньчжурию - туда, где прежде эффективно использовались казачьи части. А белоэмигрантские полки в Синьцзяне сыграли исключительную роль в ходе "Дунганского мятежа" 1931-34 гг.

Не ступи Россия на самый гиблый путь - крушения государственности и попытки реализации коммунистами своей социальной утопии - казачье сословие имело шансы через ряд реформ (пусть не всё, но в какой-то своей части) сохраниться, по меньшей мере, до середины XX века. Ведь и кавалерия как род оружия существовала в СССР до 50-х годов, охрана же протяжённой и сложной гос-границы в Азии актуальна и по сей день.

Г.К. Бологов

Сибирский казак

Сибирцы

Охрана границы Уссурийским войском в годы Гражданской войны

По положению 1860 года об Амурском казачьем войске земли Уссурийского батальона и населения определялись "по правому берегу р. Усури и от верховьев её по сухопутной границе государства и морского побережья".

Главной задачей уссурийских казаков определялась охрана границы по всему ее протяжению. Здесь необходимо учесть то обстоятельство, что граница с Китаем была фактически открытой вплоть до конца 20-х годов.

Впервые для охраны спокойствия и порядка в крае уссурийцы были мобилизованы в 1869 году, когда в Южном Приморье вспыхнуло восстание китайцев-манз. В 1879 году с целью освоения Южно-Уссурийского района и охраны его границ произошло переселение почти половины казачьего населения, проживавшего на реке Усури.

В виду того, что собственных сил у Уссурийского казачьего войска не хватало, в Южное Приморье в конце XIX века были направлены строевые части Забайкальского казачьего войска, которые несли здесь службу вплоть до 1-й мировой войны. На границе были организованы посты таможенной и корчемной стражи.

В 1900-01 гг. Россия вместе с другими державами участвовала в подавлении т.н. "Боксёрского восстания" в Китае. Для действий в Северной Маньчжурии из первоочередных частей был сформирован трёхсотенный Уссурийский конный дивизион. На население же Войска ложилась обязанность надёжной защиты границы на протяжении более 800 вёрст. Оно стало нести сторожевую службу вдоль берегов Усури, рассылая ежедневные разезды между посёлками и неся ночные караулы в самих посёлках, охраняя тем самым находящуюся за ними железную дорогу. Кроме того, из запасных казаков были сформированы 3 сотни по 150 чел. каждая и направлены для охраны пограничной полосы.

Опыт войны с Китаем 1900-01 гг. привёл к осознанию необходимости увеличения числа пограничных казачьих поселений, сильно удалённых друг от друга, и их населения. Им теперь ставилось в задачу быть в состоянии собственными силами противостоять нарушителям границы. Кроме того, признавалось необходимым создание второй линии казачьих поселений, которая служила бы своего рода резервом для казаков первой линии. Ставился вопрос и об обращении близлежащих к границе крестьянских селений в казачьи посёлки. Отмечалась возросшая роль Амурско-Уссурийской казачьей флотилии в охране государственной границы.

В русско-японскую войну 1904-05 гг. Уссурийское войско выставило шестисотенный конный полк, который воевал в Северной Маньчжурии. И вновь вся тяжесть охраны границы легла на плечи оставшегося населения.

Во время 1-й мировой войны на фронт ушли Уссурийский казачий полк и Уссурийский казачий дивизион. Для охраны границы были образованы 6 Особых сотен, расположенных в основном в Южном Приморье. В связи с тем, что строевые части Забайкальского войска ушли на фронт, в Южное Приморье были направлены 2,6,8-я Особые сотни Амурского казачьего войска, которые были подчинены Наказному Атаману Уссурийского войска.

После Февральской революции среди уссурийских казаков поднимается ряд вопросов по упорядочению пограничной службы. Среди них был вопрос об упразднении таможенной и корчемной стражи и замене их войсками. Главным же было требование о возложении охраны государственной границы на пограничную стражу.

После установления в декабре 1917 года советской власти на Дальнем Востоке, в мае 1918 года на 5-м Войсковом круге Уссурийского казачьего войска было решено войско ликвидировать. Однако обязанность охраны границы за казаками фактически оставалась, т.к. сил и средств для этого у новой власти не было.

После свержения советской власти на Дальнем Востоке в сентябре 1918 года, проходивший в октябре 1918 года в Хабаровске 5-й Чрезвычайный Войсковой круг Уссурий-

ского войска постановил казачество восстановить, и на уссурийских казаков была вновь возложена обязанность охраны границы.

Весной 1919 года для борьбы с партизанами и все усиливающимися набегами хунхузов с китайской территории было решено создать поселковую, станичную и войсковую охрану. Согласно приказа по войску за 220 от 17 мая 1919 г. поселковую охрану составляли все пешие и конные казаки посёлка во главе со своим атаманом. Станичную охрану организовывал станичный атаман, в неё входили все конные казаки поселковой охраны, которые должны были выступить по первому требованию станичного атамана. В это же время все пешие казаки оставались в своем посёлке для его защиты. Войсковую охрану составляли строевые части во главе с Войсковым Атаманом, которые по мере надобности оказывали бы помощь и поддержку тому станичному округу, где в этом возникнет необходимость. В своём приказе Войсковой Атаман даже предусматривал возможность объединения всех станичных охран в особую дивизию под своим командованием. Летом 1919 года прошла мобилизация станичных охран УКВ, но в основном для действий против партизан.

Сразу же после свержения власти адмирала Колчака, в феврале 1920 года уссурийскими казаками было принято решение ликвидировать своё сословие. В результате событий весны-лета 1920 года почти все казаки посёлки Уссурийского казачьего войска были разоружены, поэтому чрезвычайно остро встала проблема хунхузов. Воспользовавшись трудным политическим положением в Приморье, они буквально терроризировали не только приграничные сёла и посёлки, но делали набеги и вглубь русской территории, почти не встречая отпора. Регулярных же войск и милиции явно не хватало, и казаки ставили вопрос о вооружении посёлков для защиты от таких нападений, от которых сильно страдало население. Относительно спокойная обстановка сохранялась лишь на севере войска в Хабаровском уезде.

Осенью 1920 года Дальний Восток был объединён под флагом Дальневосточной республики, организовавшей несколько пограничных батальонов. Однако этого было явно недостаточно, и вновь, вся тяжесть охраны границы пала на фактически безоружные казачьи посёлки. К сентябрю 1920 года в ст. Гродеково (Южное Приморье) был сформирован отряд войсковой самообороны Уссурийского войска.

В мае 1921 года в Приморье произошёл переворот, в результате которого к власти пришло Временное Приамурское правительство (ВПП) во главе с братьями Меркуловыми. Уссурийское казачье войско оказалось расколотым на две части. Одна, с Войсковым правлением в Хабаровске во главе с С.С. Петрологоиновым, стояла на стороне ДВР. Вторая, во главе с Войсковым Атаманом Ю.А. Савицким, выступала за сохранение казачьего сословия и поддерживала ВПП. В результате многочисленных ходатайств Савицкого перед правительством Войска, казачим посёлкам Приморья в августе 1921 года было разрешено иметь свою войсковую милицию и выделено оружие для охраны посёлков.

Кроме того, специально для защиты населения войска 28 июня 1921 г. приказом по Уссурийскому казачьему войску было объявлено о формировании в Никольске-Уссурийском на добровольческих началах Отдельной Уссурийской казачьей сотни из казаков войска.

Такое положение сохранялось до октября 1922 года, т.е. до окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке. Однако, хотя Уссурийское Войско вскоре было ликвидировано, вплоть до установления нормальной пограничной службы на Дальнем Востоке бывшие станичники фактически были вынуждены нести охрану границы вместе с пограничными войсками, только начинавшими свою деятельность.

Уссурийский казак

Из истории посёлка Хопёрского

В середине 90-х гг. XIX века в Уссурийский край началось переселение казаков из Европейской части страны - сразу после принятия решения о строительстве Уссурийского участка Сибирской железной дороги. Для обеспечения его охраны в 1895 году на средства дороги в край были переселены донские и оренбургские казаки. С 1896 года переселение из Донского, Оренбургского, Кубанского, Терского и Забайкальского войск шло за счёт государства.

Посёлок Хопёрский был основан в 1896 году на реке Уссури в 12 верстах от Хабаровска донскими казаками, войдя в состав Казакевичевского станичного округа. В мае 1897 года посёлок, состоявший из 6 дворов, посетил главный начальник Приамурского края - войсковой наказной атаман генерал-лейтенант С.М. Духовской. Он побывал в каждом дворе, ознакомился с жизнью донских переселенцев. Для улучшения благосостояния казаков генерал Духовской распорядился в первое время по возможности освободить их от станичных повинностей.

В 1901 году в посёлке проживало уже 16 семей, из которых 8 прибыли с Дона, а остальные 8 из других войск. Население насчитывало 39 чел. мужского пола (из них 13 бойцов) и 50 женского. Кроме того, в посёлке проживало 36 чел. неказачьего населения. Поселковый надел имел 978 десятин удобной, 2802 среднеудобной и 138 неудобной, т.е. всего 3918 дес. земли. Однако хлеба в посёлке не сеяли, под огороды было занято 15 дес., в аренду сдавалось 10 дес. В посёлке насчитывалось 42 рабочих и 16 нерабочих лошадей, 16 дойных коров, 32 головы другого рогатого скота, 16 свиней. Таким образом, главным занятием населения было не сельское хозяйство, а побочные заработки: рыболовство, заготовка лесных материалов, работа на железной дороге и т.д.

В 1909 году Хопёрский вошёл в состав Гленовского станичного округа. Если в 1911 году в посёлке насчитывалось 27 хозяйств, в которых проживало 112 мужчин и 112 женщины, работала школа, то в 1914 году число дворов составило 29, а казачье население - 110 мужчин и 105 женщин. В посёлке действовала часовня, работали 4 мелкие лавки, принадлежавшие русским. 29 хозяйств занимались рыбным, а 22 - лесным промыслом. У казаков было 89 рабочих и 26 нерабочих лошадей, 44 коровы, 62 головы молодняка крупного рогатого скота, 61 свинья.

К 1 января 1915 г. в Хопёрском было обмежевано 3444,64 дес. удобной и среднеудобной земли, а также 133,73 дес. неудобной, т.е. всего 3578,37 дес. Под школьный участок было выделено 103 дес. удобной земли.

В 1916 году атаманом Хопёрского, насчитывавшего 29 дворов, был казак Н.К. Поляков. За свою службу он был отмечен рядом наград. Так, 12 октября 1916 г. Император пожаловал Гленовского станичного атамана запасного полкового писаря Никиту Полякова медалью "За усердие" - "за отлично-ревностную службу и особые труды, вызванные обстоятельствами текущей войны, с отнесением старшинства сего пожалования на 1-е января 1915 года". Об этом награждении было объявлено 7 февраля 1917 г. в приказе по Войску. Медаль была серебряная, шейная, на Владимирской ленте.

Февраль 1917 года подавляющее большинство уссурийских казаков встретили с энтузиазмом, и даже приняли в событиях активное участие. Уже 11-13 марта в Никольске-Уссурийском прошёл 1-й войсковой круг УКВ, одним из делегатов которого был избран Н. Поляков.

Стал он делегатом и 2-го войскового круга, проходившего в Никольске-Уссурийском 5-9 апреля 1917 г. Круг избрал 17 делегатов от населения и строевых частей войска на учредительный съезд казачьего союза в Петрограде - в их числе был и делегат от особых сотен Н.К. Поляков. После завершения работы круга запасный полковой писарь Никита Поляков был назначен и.об. делопроизводителем военного отделения войскового правления по вольному найму.

В конце апреля - начале мая 1917 г. с фронта на территорию Войска прибыли делегаты Уссурийского казачьего по-

лка и Уссурийского казачьего дивизиона. 2 мая во Владивостоке прошло первое заседание Совета делегатов этих строевых частей, которое обсудило ряд вопросов, в их числе и о службе вахмистра Полякова. Заседание предложило войсковому Совету немедленно командировать его в действующую армию - за "жестокие действия в бытность станичным атаманом".

Осенью 1918 года, после свержения Советской власти на Дальнем Востоке, в Уссурийском войске прошли выборы депутатов на 5-й большой чрезвычайный войсковой круг. Н.К. Поляков был избран депутатом по Гленовскому станичному округу - на выборах за него было подано 109 голосов. Согласно положению о казачьем самоуправлении, принятому в октябре 1917 года 3-м войсковым кругом, лица, избранные депутатами, утверждались сроком на 3 года.

5-й большой чрезвычайный войсковой круг проходил в Хабаровске 21-31 октября 1918 г. Поляков входил в состав комиссии по рассмотрению различных прошений и просьб депутатов. Кроме того, он выступал и с заявлениями хозяйственного порядка, принимая активное участие в работе круга.

Восстание 1-го Уссурийского казачьего полка в Хабаровске в ночь на 28 января 1919 г. заставило атамана И.П. Калмыкова созвать 6-й войсковой круг. Он проходил в Хабаровске с 21 февраля по 6 марта 1919 г. Делегаты создали следственную комиссию, которая 22 февраля выезжала на Красную речку, где под охраной американцев находились казаки полка. Н. Поляков, входивший в состав комиссии, 23 февраля докладывал кругу, что восставшие отказались выполнить предложение разбиться на станичные округа и обвинили депутатов в предательстве.

Принимал участие Поляков и в работе комиссий по рассмотрению докладов заведующих Полтавским и Гродековским высшими начальными училищами войска и о строевых частях войска.

Следующий войсковой круг проходил в ст. Гродеково с 17 по 24 июня 1919 г. По настоянию Калмыкова, депутаты постановили создать в Имане военно-полевой суд из пяти человек: троих назначал сам Калмыков, и двоих, Сычева и Полякова, избрал круг от населения (эти двое имели лишь право совещательного голоса). Суду должны быть преданы казаки-добровольцы, находившиеся с 1 июня 1918 года на службе при штабе крепости, за измену войску.

С 10 по 20 августа 1919 г. атаман Калмыков на пароходе "Гермоген Курбатов" совершил поездку по р. Уссури для ознакомления с жизнью посёлков северных округов. 10 августа он побывал в Хопёрском, где был встречен всеми казаками хлебом-солью. Калмыков принял рапорт поселкового атамана, беседовал со станичниками.

После свержения власти адмирала А.В. Колчака на Дальнем Востоке и движения революционных войск и партизан на Хабаровск, отряд атамана Калмыкова 13 февраля 1920 г. ушёл из Хабаровска и прибыл на Красную речку и пос. Хопёрский, где находился до утра 14 февраля.

По имеющейся информации, после отступления отряда Калмыкова станичный атаман партизанами был спущен в прорубь. По крайней мере, имя Полякова пропадает из документов и упоминаний.

В феврале 1920 года Гленовский станичный округ, в который входил пос. Хопёрский, постановил "слиться с крестьянами в один народ", выйдя из казачьего сословия.

9 декабря 1920 г. Хабаровская уездная земская управа присоединила население Гленовского округа к земству, влив его в Некрасовскую, Киинскую, Дормидонтовскую, Вяземскую и Лермонтовскую волости. До октября 1922 года (т.е. до окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке) население бывшего Гленовского станичного округа, несмотря на неоднократные попытки, так и не вернулось в казачье сословие. А в декабре 1922 года, после вхождения Дальневосточной республики в состав Советской России, было ликвидировано и само УКВ...

С. Савченко

Войсковой атаман
И. П. Калмыков

Уссурийцы (1895 г.)

Заключительный акт уральской трагедии

из неизданных воспоминаний полковника Т.И. Сладкова

В начале 60-х годов издававшийся в Париже журнал "Родимый край" сообщил, что живущая во французской столице дочь уральского казака Сладкова - "мадам Андре" - собирает для возможного издания материалы о страшных днях исхода казаков с родной земли. Искала она (безуспешно) и пропавшие записки своего отца - полковника Тимофея Ипполитовича Сладкова (1884-1956 гг.).

Долгое время исследователи истории уральского казачества полагали, что следы этих воспоминаний навсегда утеряны. Между тем, как оказалось, считавшиеся утраченными записки офицера хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации!

Что подтолкнуло полковника Сладкова за мизерные 80 крон продать свои записки в созданный усилиями русской эмиграции в Белграде в 20-е годы прошлого столетия архив? Возможно, он надеялся на их публикацию. Как бы то ни было, после 2-й мировой войны архив был вывезен в СССР (составив основу фондов русского зарубежья архива Октябрьской революции).

В советское время мало кого интересовала Белая эмиграция - представавшая со страниц художественных и публицистических работ, кинофильмов опустившейся, прожигающей жизнь в ресторанах под ностальгические песни об ушедшей жизни и люто ненавидящей советскую власть, лишившую их богатства и привилегий.

Воспоминания, переписка и документы эмигрантов открывают истинную картину трагедии страны. Листая день за днём страницы дневника Сладкова, лучше понимаешь глубину выпавших на долю изгнанников потрясений и личных трагедий.

* * *

Как известно, самым ярким эпизодом боевой деятельности Т.И. Сладкова стало руководство в сентябре 1919 года операцией по освобождению Лбищенска, когда был уничтожен штаб 25-й стрелковой дивизии во главе с Чапаевым. С 10 февраля 1920 года Сладков - и.д. начальника штаба Уральской Отдельной армии (о чём подробнее писал Д. Дубровин в статье "Победитель Чапаева, или боевой путь полковника Тимофея Сладкова" в 49-м номере "Станицы").

В 1922 году один из большевистских деятелей Д.А. Фурманов писал: "Может быть, нигде не была более ожесточённой гражданская война, чем здесь, в уральских степях. По страдному пути от Уралья до Каспия не один раз наступали и отступали наши красные полки. Уральское казачество билось отчаянно за мнимую свободу, оно с величайшей жестокостью душило протесты трудовой массы, с неукротимой ненавистью встречало красных пришельцев. Сожжённые станицы, разорённые хутора, высокие курганы над братскими могилами, сиротливые надгробные кресты - вот чем разукрашены просторные уральские степи. Не одна тысяча красных воинов покоится здесь на пшеничных и кукурузных полях, не одна тысяча уральских казаков на веки вечные оставила станицы..."

В предисловии к своим запискам Т.И. Сладков пишет: "Воспоминания мои составлены из дневника по ежедневной записи, которая велась мною со дня прихода Уральской Отдельной армии в Форт Александровск. Пребывание в Форте достаточно ярко описано в повести атамана В.С. Толстова "От красных лап в неизвестную даль". Этот период времени я постараюсь описать кратко, добавив к этому некоторые наблюдения и выводы, сделанные мной благодаря совершившимся событиям и путём личного обмена мнений окружающих меня людей, как из числа близко стоящих к высшему командованию армией, так и случайно связавших свою судьбу с армией, с выходом последней из пределов области.

В дальнейшем воспоминания коснутся только части второго похода отряда Уральцев во главе с атаманом В.С. Толстовым, т.к. некоторые обстоятельства толкнули многих из нас к отделению от отряда Толстова с целью дви-

гаться самостоятельно.

После выделения из группы Толстова, воспоминания касаются исключительно путешествий незначительной группы уральцев во главе со мною: пребывание в Персии, в Багдаде, в Басре (на берегу Персидского залива в устье р. Тигра и Евфрата), в Бомбее (Индия) и, наконец, поездка из Бомбея во Францию до г. Марсель.

Пребывание в Бомбее и поездка в Марсель касаются исключительно только лично меня, так как в г. Басра группа уральцев, возглавляемая мной, присоединилась снова к подошедшей группе атамана В.С. Толстова".

Как подчёркивает Т.И. Сладков, воспоминания его "сделаны путём сводки моего дневника, который записывался ежедневно. Запись дневника велась без всякой цели. Было слишком много свободного времени, его надо было куда-либо использовать. Это обстоятельство и заставило меня заняться делом, задавшись мыслью записывать всё виденное и слышанное без добавления каких-либо своих соображений".

В отличие от повседневных записей, которые Тимофей Сладков вёл в амбарной книге "Прихода - расхода чёрной икры", в своих воспоминаниях он выступает уже не просто очевидцем событий, но и их толкователем. Ретроспективный взгляд в прошлое позволил ему за годы эмиграции сформировать собственный взгляд на историю Гражданской войны в Уральской области.

* * *

Воспоминания начинаются с краткого описания обстоятельств, предшествующих заключительному акту трагедии Уральского войска.

"Прекращение борьбы с красными было вызвано благодаря сплошной повальной болезнью тифом, когда ряды бойцов дошли до минимума. Из посылаемых на фронт 300-400 казаков доходило здоровыми 20-30

"Исход" - рисунок участника похода Леонида Масянова

человек, остальные оставались посылкам, обречённые на верную гибель после заболевания, т.к. какой-либо медицинской помощи уже не существовало; врачей на армию осталось всего лишь 9 человек, но и те были бессильны, не имея медикаментов. Между тем как Войско, имеющее в своём распоряжении всего лишь 30 тысяч бойцов, героически защищало свою землю в течение 2-х лет от посягательств на права казаков со стороны красных вождей.

Борьба Уральцев была сравнена в английских газетах в 1918 году с героической Бельгией. Это сравнение обратило внимание англичан, и правительство Англии прислало в Войско свою военную миссию. К сожалению, помощь в присылке трёх военных представителей была слишком мала. Помогать надо было спешно и существенно...

1 го января 1920 года Войско принуждено было бросить свою землю и отступать в Закаспийские степи".

Преодолев полный трагизма путь, в начале февраля уцелевшие части армии и населения Войска достигли Форты Александровска. "Поход до Форты был чрезвычайно труден и губелен, - писал Т.И. Сладков. - По пути замерзло до 8 тысяч человек, часть отстала, была перебита киргизами, или вернулась в область, и только лишь 8 тысяч дошло до Форты, из коих более 50 % было обмороженных и скоро отправленных на Кавказ".

Далее следует описание жизни в Форте, полной отчаяния и неопределённости своего будущего. Во многом оно объясняет произошедший в скором времени распад: "Кто впал в политическую апатию, махнул на всё рукой и довольно спокойно рассуждал так: "решительно безразлично, кто явится сюда - красные, зелёные, полосатые, никому двигаться не буду и останусь здесь; Бог не выдаст, свинья не съест". Другие, предчувствуя опасность попасть в руки красных, а также и конец своего земного существо-

вания, пришли в невероятно хорошее расположение духа и чувствовали себя участниками "пира во время чумы". И, наконец, последняя группа, состоящая исключительно из рядовых казаков - не высказывала никаких мыслей; она мрачно думала, что-то как будто ожидала, но во всём таила гробовое молчание".

Судьба остатков Войска находилась в руках атамана - В.С. Толстова. Автор записок даёт ему следующую характеристику: "Не могу не сделать здесь маленького отступления от своих записок, чтобы не сказать несколько слов о личности атамана Толстова. Я встретился с ним близко уже в гражданскую войну, когда он стал выборным атаманом и положительно спас положение Войска, решившегося сдать на милость красным. Приехавшие комиссары вели переговоры с представителями от войска о порядке сдачи сего войска, как вдруг появившаяся фигура Толстова прекратила переговоры. Один из комиссаров был лично им убит из револьвера в зале заседания, другой был поднят на штыки приехавшей с Толстовым кучкой юнкеров, представителям Войска была отпущена хорошая порция нагаек.

Атаман Толстов - природный казак-уралец - всю свою службу нёс в строевых казачьих полках. Смелость и храбрость всегда были его неразлучными спутниками. В роли атамана, связанной в большей части с администрацией Войска, он отличался поразительным свойством окружать себя сворой никчемных людей, а при распределении должностных лиц - совершенно терялся: кого назначить и подходящее ли лицо к назначению. Между тем Войско имело в своём распоряжении достаточное количество офицеров, отвечающих вполне своему назначению".

В первую очередь атаман Толстов принял решение об эвакуации частей, не входящих в состав Войска, раненых казаков, женщин и детей. Боеспособное ядро - порядка полутора тысяч казаков и до 200 офицеров - не было переправлено на Кавказ, что и предопределило трагический исход уральской эпопеи. Большинство из них оказалось в плену у красных.

Лишь группа казаков во главе с атаманом сумела вырваться из Форта, двинувшись на юг вдоль побережья Каспийского моря. "Отряд оказался численностью в 214 человек, из коих 53 было офицера. Вооружённых винтовками и револьверами - 150 человек. После подсчёта атаман разбил отряд на 4 взвода, сделал распоряжения о мерах предосторожности от нападения на отряд красных, а также и киргиз". В отряде ощущался острый недостаток продуктов и почти полное отсутствие перевозочных средств. "Движение отряда было очень медленное. Реквизиция действовала слабо, - теперь только ей и пользовались, т.к. продавать киргизы нам решительно ничего не хотели".

Ещё в начале похода часть офицеров, в том числе Сладков, предприняла попытку отделиться от основной группы, но вскоре была вынуждена вновь присоединиться к отряду. "Отношение атамана к группе офицеров после нашего неудачного выделения стало значительно хуже; определён был им вынесен лозунг "прежде всего казаку, а потом офицеру". Казаки к тому времени почти все имели верблюдов, а 7 офицеров из 53 человек шли пешком..."

8-го апреля, повздорив с раздатчиком провизии, выделяется группа партизан Решетникова в 18 человек (партизаны не были казаками, но всю Гражданскую войну провели среди уральцев). Впоследствии Решетников был схвачен красными в Красноводске.

По мере продвижения всё больше ощущался недостаток продовольствия. Реквизиции почти не приносили результатов. Учитывая важность сохранения жизнеспособности отряда, на реквизиции стал выезжать сам атаман. В отсутствие его порой происходили "стычки между офицерами и казаками, которые, почуяв свое привилегированное положение в глазах атамана перед офицерами, стали держать себя возмутительным и вызывающим образом. Это обстоя-

тельство дало толчок к образованию ещё двух групп, желающих двигаться самостоятельно. Между офицерами шли переговоры и соглашения, как и куда идти".

Путь в Персию должен был пролегать через земли туркмен, уже вступивших в союз с "красной" Хивой. В поисках выхода из ситуации, вечером 17 апреля атаман собирает совещание. Никто из старших офицеров на него приглашён не был. Т.И. Сладков вспоминает:

"Через одного из взводных командиров Атаману было доложено, что решение его о дальнейшем движении интересует офицеров и что его просят об этом сообщить. Доклад взводного командира привёл Атамана в ярость. Он наговорил по адресу офицеров много резких фраз и обвинил их в разложении отряда. Ответ Атамана подлил масла в огонь, и сейчас же составилось два списка, желающих выделиться".

На следующее утро списки были поданы атаману. "Он приказал сейчас же построить весь отряд, причём выделившихся - отдельно перед отрядом. Когда всё было построено и доложено атаману - появился и он. Поздоровавшись с отрядом и не сделав выделившимся никакого знака приветствия, атаман грозно объявил, что "эти господа" желают выделиться из отряда, что слабые духом, они не желают разделять участи похода и что, конечно, все они идут определённо сдаваться красным. Это обстоятельство даёт ему право выделившимся ничего не давать: ни верблюдов, ни продуктов.

На правом фланге отделившихся стоял генерал Моторнов (нач. штаба Уральской Отдельной армии - В.К.). Градом полились слёзы из глаз его, выслушав такие незаслуженные оскорбления и обвинения от того, девиз коего большинство из нас охотно поддерживало в период гражданской войны. Борьба с красными была непобедима Войску. Но сколько славных боев под Лбищенском, Шипово, Саламихиным, Соболевым и т.д. стяжали себе герои Яика, а вместе с ними их выборный вождь - Атаман... Пусть простятся ему его заблуждения".

Далее Сладков пишет: "Речь атамана произвела неприятное, если не сказать удручающее, впечатление на весь отряд, а не только на отделившихся. С большим волнением, или, как говорят казаки - с сердцем, выступил вперёд находящийся с атаманом командир 3-го взвода полковник Климов. Обратившись к казакам, он призывал их не смотреть такими глазами на отделившихся, что каждый теперь вправе располагать собой и спасать свою жизнь, как он хочет, что он не допускает мысли и не хочет думать, чтобы отделившиеся шли сдаваться красным... "Их воля выбирать им путь более удобный для них и наш долг разделиться с ними побратски, дав им и верблюдов и продуктов. Мы не имеем никакого права бросать их в пустыне на голодную смерть. Я обращаюсь к Вам, казаки, и прошу меня поддержать перед Атаманом!!!" "Правильно!!! Надо дать и верблюдов и продуктов!" - гаркнули казаки. - "Пусть сами идут как хотят, им виднее! Насиловать нельзя!!!"

Одну из отделившихся групп возглавил В.И. Моторный, другую - автор записок. Обе они испытывали на своём пути затруднения с продовольствием и ориентированием на местности. У группы Сладкова возникли, кроме того, проблемы с поиском переправочных средств, так как они решили идти в Персию морем.

После нескольких дней изнурительного путешествия 6 мая 1920 года Сладков и его 11 спутников приблизились к берегам Персии. "Через каждые полчаса кто-либо из нас лез на мачту и осматривал горизонт в бинокль... Постепенно панорама открывалась всё шире и шире. Обрисовался лес по всему побережью; вдали какая-то огромнейшая гора со снежными вершинами. Показались силуэты домов, наконец, обрисовалось само селение.

"Флаг! Флаг! Наш русский трёхцветный! Ура!"

Страницы дневника

Действительно, в средней части селения на одном доме развевался наш старый русский флаг. Мы подъезжали к берегу. Это был небольшой персидский портовый городок Мешедиссер в 300 верстах восточнее Энзели, недалеко от юго-восточной русско-персидской границы.

Итак, мы пробыли на лодках 14 дней, сделав 800 вёрст. Если же сосчитать только время движения без остановок, то это расстояние мы прошли в 5 с половиной суток".

Радость казаков была преждевременной. Пока русский консул вёл переговоры об установлении юридического статуса прибывших, они продолжали оставаться на лодке. "Пока я проводил время у консула, - вспоминал Сладков, - русские Мешедиссера, все служащие на Лионозовском здесь промысле, принесли на нашу лодку хлеб, рис, молоко, яйца, сахар, чай и хорошо накормили нашу братию".

9 мая консул сообщил, что помочь не в силах. Тут же пришло известие о высадке красного десанта в порт Энзели.

На следующий день автор воспоминаний вместе с товарищами на мулах в сопровождении жандармов направились в г. Сари - на аудиенцию к местному губернатору, но и здесь их судьба не была решена. Их отправили дальше, в Тегеран. Во всех населённых пунктах казаков встречал вполне радужный приём. Сопровождавшие их жандармы также испытывали к ним симпатию.

31 мая они прибыли в Тегеран - и сразу же были отправлены в г. Казвин, куда и прибыли на следующий день. Выяснилось, что задержание казаков было произведено с санкции главного английского командования в Персии. Оно же дало распоряжение об удалении караула, предложив перейти в английский лагерь под Багдадом - чтобы в дальнейшем отправиться в Крым или Одессу, в состав Добровольческой армии.

29 июня уральцы прибыли в русский лагерь в Басре: "Лагерь был расположен в открытом поле рядом с финиковой рощей... Во всех отдельных комнатах и общих бараках стояли хорошие кровати по числу людей с отличным постельным бельем и двумя полотенцами. В каждой комнате и бараке было электрическое освещение и много электрических вееров. Первое впечатление от лагеря было весьма хорошее. Порядок и чистота были доведены до совершенства. О нашем приезде в лагере было известно, и нас ожидала целая группа лиц, среди которой оказалось очень много знакомых и даже служивших в Уральской армии. Каждое новое лицо считало своим долгом осведомиться у меня, не имею ли я каких-либо новостей о России. Из этого я сделал заключение, что все находящиеся в лагере решительно ничего не знали как о событиях в России, а также и о своей дальнейшей участи. Англичане в этих вопросах хранили гробовое молчание..."

На следующий день после прибытия Т.И. Сладков созвал совещание находившихся в лагере сухопутных офицеров. Их численность достигала 170 человек, средний возраст - около 30-ти лет. 90 % прибыло сюда почти без обмундирования и денег. Морских офицеров - около 120 человек, средний возраст 35 лет, но зато все они с обмундированием, т.к. пришли в Энзели на своих кораблях. Матросов было около 90 чел., солдат - 120-130 чел.

"Штаб командующего русской группой капитана Бушена был организован исключительно из морских офицеров; каковое положение не совсем отвечало общей группе всех офицеров. Сухопутные офицеры не имели при штабе своего представителя, с которым могли бы говорить о нуждах, крупных или мелких. Обращение в штаб не встречало сочувствия, а личное хождение непосредственно к командующему - не находило удобным... Отсутствие всякой литературы, газет, журналов, отсутствие всякой работы, наконец, полное отсутствие сведений о России и дальнейшей своей участи выводило офицерский состав из равновесия и создавало самую неприглядную обстановку. Офицерство обречено было на спячку, лень, ссоры и т.д."

В ожидании отправки на фронт полковник Сладков, назначенный старшим над сухопутными офицерами, наладил в лагере боевую учёбу. Обитатели лагеря организовали литературно-драматический кружок, ставили театральные представления, проводили лекции.

5 июля русским выдали обмундирование, а уже 7 июля предложили, ввиду угрозы со стороны арабов, "принять английское оружие и зачислиться на службу к англичанам". Однако офицеры единодушно решили - "пока англий-

ский штаб не сообщит нам о положении дел на нашей родине, оружие не возьмём и на службу не вступим".

Обитатели русского лагеря, не зная положения дел в России, по сути оказались заложниками англичан, что подталкивало многих к бегству. Они требовали от английского командования обозначить отношение Англии к Советской России, прояснить их будущую судьбу, а также вернуть оружие. Ответ англичан был неопределённым.

"14 ноября английский комендант принёс в наш лагерь телеграмму, где сообщалось об оставлении генералом Врангелем Крыма и эвакуации в составе 30-ти тысяч в Константинополь. Полученное сообщение произвело на лагерь такое впечатление, как будто бы сильный удар грома оглушил всех. Сразу все притихли, лица были грустные, словно в лагере был покойник... Фронт пал, - с ним была похоронена и вся наша надежда на близкое возвращение в родные и дорогие нам края. Никому в голову не приходил вопрос: что же теперь будут делать с русским лагерем англичане? Было решительно всё равно. Удручающее состояние заметили и англичане. Многие из них приходили к нам выразить сочувствие..."

На другой день рано утром араб, лодочник, сообщил, что на середине реки стоит большой пароход, который привёз сегодня много русских из Багдада. Не было сомнения, что приехал Атаман Толстов со своей группой..."

Между тем, благодаря тому, что Сладков был отнесён к числу не интернированных лиц, 1 декабря 1920 г. он покинул лагерь. Спутниками его на пароходе стали русские офицеры - инструктора Персидской казачьей дивизии, включая уральцев. Основную же часть лагеря во главе с В.С. Толстовым англичане вскоре перебросили во Владивосток.

Спустя несколько недель Сладков вместе с сестрой милосердия А.К. Михайловской прибыли во Францию: "Так закончился период нашего ухода с Родины целыми частями и группами. Настал период одиночного скитания в поисках фортуны".

* * *

О судьбе беженцев-уральцев Т.И. Сладков сообщает:

а) Группа Атамана Толстова, прибывшая в гор. Басру в Танумский лагерь, была вывезена англичанами в гор. Владивосток в июне 1921 года и сдана Меркуловскому правительству. После падения Владивостока большая часть группы Толстова осталась в Советской России, и лишь сам Атаман с 17-ю офицерами и казаками выехал в Австралию, где и живёт по сию пору недалеко от Бризбена. Положение Толстова и выехавших с ним уральцев - весьма тяжёлое.

в) Группа генерала Моторного, с которой я расстался на промысле Киндерли (на Каспийском море), была очень быстро захвачена под Красноводском красными. Из этой группы лишь одному офицеру удалось бежать с польского фронта (1921 г.) через Польшу во Францию. Из остальных имеются сведения только о 2-х лицах, другие, вероятно, уничтожены.

г) Группа партизан Решетникова погибла на Каспийском море.

д) Группа, в которой находился я лично (морская), в гор. Басре присоединилась к Атаману, а после падения Владивостока осталась в Советской России.

ж) Много лиц Танумского лагеря переехало после падения Владивостока в Западную Европу.

з) Группа офицеров-инструкторов Персидской казачьей дивизии была вывезена за счёт англичан в любой порт Западной Европы (по желанию), кроме Англии и Советской России".

Судьба Тимофея Ипполитовича типична для большинства офицеров Русской армии, оказавшихся в чужбине. Здесь они оказались просто лишними, за малым исключением тех, кто смог найти место в новом обществе.

Во Франции Сладков добывал средства на жизнь физическим трудом, продолжая вести дневник. Он печатает статьи в русских зарубежных изданиях, поддерживает связи со своими земляками и деятелями русской эмиграции, хотя активного участия в её жизни не принимает. В 1928 году закончена работа над воспоминаниями...

Полная версия дневника Т.И. Сладкова, сейчас готовится к печати - планируется, что он выйдет вместе с воспоминаниями других участников похода - "из красных лап в неизвестную даль".

С. Картагузов

Т.И. Сладков

Уральцы в изгнании

По окончании Гражданской войны Родину были вынуждены покинуть сотни тысяч подданных Российской Империи. Уезжали и идейные борцы с большевизмом, и люди, по разным причинам боявшиеся за свою жизнь. Ехали кто как - группами и поодиночке, кто с семьями, прислужгой, домашним скарбом, а кто без копейки в кармане. Все желали только одного - скорее покинуть эту страну, в надежде найти новую родину, чтобы построить на чужбине свою Россию, без большевизма и насилия.

Огромная волна беженцев, захлестнувшая Европу, действительно создала своё государство - Зарубежную Россию. Изучением этого феномена особенно активно последнее десятилетие занимаются учёные и энтузиасты. Все новые и новые публикации освещают те или иные аспекты жизни русской эмиграции - в том числе и спасшейся от красного террора горстки казаков и офицеров Уральского казачьего войска.

В целом, надо признать, о жизни уральских казаков на чужбине нам ещё мало что известно. Большая часть сохранившихся документов не введена пока в научный оборот, мало известны на Родине даже изданные воспоминания. Конечно, число уральцев, выехавших за рубеж, было мало по сравнению с другими казаками - всё-же большинство их погибли в боях и умерли во время исхода, по дороге в форт Александровск, или остались на родном Урале...

Уральцы попадали в эмиграцию разными путями - это зависело, от того, где настигла людей Гражданская война. Подавляющее большинство сражалось с большевиками в рядах Уральской отдельной армии на своей земле. Но были и те, кто оказались в рядах других Белых армий - прежде всего, в Сибири, в войсках адмирала Колчака, и после поражения смогли попасть за границу вместе с другими русскими беженцами. Как, например, генерал-майоры Б.И. Хорошкин и С.А. Щепихин, довольно заметные фигуры как во время войны, так и в эмиграции.

Вместе с Русской армией генерала Врангеля в ноябре 1920 года попали за границу также уральцы, оказавшиеся в Крыму - в основном раненые и обмороженные после тяжелейшего похода остатков Уральской армии и беженцев до форта Александровска. Были в Крыму и боеспособные представители Войска, направленные в ставку Врангеля с определенными поручениями. Некоторые из них были включены в состав 2-го дивизиона Терско-Астраханского сводного конного полка и участвовали в последних боях на Юге России.

После исхода из Крыма многие уральцы оказались в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года Югославия). Их главой здесь стал стал ген.-майор Б.И. Хорошкин, к которому приезжали казаки и офицеры из разных стран с просьбами о помощи. Так, в мае 1921 года в Сербию прибыла большая группа уральских казаков (около 40 человек) из Грузии, где они находились после эвакуации с Северного Кавказа, во главе с подъесаулом К.П. Кирилловым. Хорошкин, чем мог, помогал землякам: устраивал на службу или работу, снабжал продуктами, деньгами и т.д. Однако в конечном итоге вскоре многие уральцы разъехались из гостеприимной, но небогатой Сербии в другие страны. Оставшиеся в Сербии входили в "Азиатскую казачью станицу".

Больше всего уральцев ушли за границу в составе отряда атамана В.С.Толстова из форта Александровска в Персию. Труднейший двухмесячный поход по враждебной территории, населённой кочевниками, описан в работах самого В.С.Толстова, Л.Л.Масянова и П.А.Фадеева. Весной 1920 года более 160 человек пересекли границу Персии и после многочисленных испытаний в октябре прибыли в русский лагерь под Басрой. Несколько уральских офицеров поступили на военную службу к персид-

скому шаху - в Персидскую казачью дивизию, укомплектованную русскими офицерами. Но уже в ноябре под давлением фактических хозяев страны - англичан - вынуждены были уехать в Европу.

Вскоре по требованию англичан был расформирован и русский лагерь в Басре - в июне 1921 года все находившиеся там уральцы были отправлены на корабле "Франц Фердинанд" на последний ещё свободный клочок русской земли - во Владивосток. После захвата Приморья большевиками им пришлось уйти в Китай. Отсюда, не выдержав разлуки с родными и близкими, часть казаков и офицеров вернулись в Россию - например, почти в полном составе группа полковника Т.И.Сладкова, во главе с войсковым старшиной К.А.Бурениным. Остальные разъехались кто куда, в том числе в Европу. Оставшиеся в Китае вместе с оренбургскими казаками образовали так называемый "Восточный казачий союз" с центром правления в Харбине, некоторые казаки поступили на китайскую военную службу.

Генерал-лейтенант В.С.Толстов с группой примерно в 60 казаков в октябре 1923 года выехал из Шанхая в австралийский город Бризбен. Выбор этой далёкой страны объяснялся просто - для въезда в неё было довольно легко и дёшево получить визу. В Австралии тогда не хватало рабочих рук.

Ещё одной группой уральских казаков, оказавшихся за границей, стали бойцы Уральского советского казачьего пол-

Уральский казачий хор

Уральский казачий хор. Дирижёр: А. Сдобуль

ка, воевавшие с лета 1920 года против поляков в составе Красной армии. Полк почти полностью состоял из бывших казаков и офицеров Уральской армии, взятых в плен и для "искупления своей вины" отправленных на Польский фронт. В начале сентября весь полк перешёл на сторону противника и был включён в Русскую народную добровольческую армию С.Н.Булак-Булаховича. На 2 октября 1920 г. состав полка был следующим: 10 офицеров, 4 чиновника, 629 казаков; всего - 643 человека. После окончания боевых действий личный состав полка разъехался, кто куда. Большинство простых казаков вернулись на родину, а офицеры отправились в европейские страны. Оставшиеся в Польше уральцы вошли в "Группу землячества", куда также входили донцы, кубанцы, терцы и другие.

* * *

Уже в 20-х годах большинство русских эмигрантов понимали, что новый крестовый поход против большевизма откладывается на неопределённое время. Большевики, старавшиеся различными способами расколоть русское зарубежье, хотели вернуть в Советскую Россию хотя бы часть уехавших. Для этого в мае 1922 года в Софии был создан "Союз возвращения на родину", сыгравший печальную роль в судьбе многих, поверивших его обещаниям. В числе наиболее активных его членов был и уралец - полковник Н.А.Албин. Это был лихой партизан Германской войны, Георгиевский кавалер, отважный полковой командир во время Гражданской, и многие бывшие сослуживцы по Уральской армии уехали вместе с ним после объявленной советским правительством амнистии бывшим белогвардейцам.

Среди вернувшихся на родину был целый ряд известных офицеров Войска, в недавнем активных борцов против большевизма. Судьба их была незавидной. Тот же Н.А.Албин был арестован сотрудниками ГПУ в июле 1923 года - прямо по прибытии в порт Новороссийск. Несмотря на "амнистию", почти все бывшие белогвардейцы были осуждены за различные преступления против советской власти и за "шпионаж" в пользу империалистических разведок (стандартное обвинение той эпохи). Например, полковник А.П.Кириллов и есаул Н.В.Горбунов (не эмигрант) обвинялись в подавлении движения киргиз в 1916 году и в совершении террористических актов по

отношению к сторонникам советской власти. Не попавшие под репрессии тогда оказались на скамье подсудимых позднее - в 1937-38 гг.

Остановимся подробнее на жизни уральцев в Австралии, куда организованно уехала наиболее многочисленная группа уральцев во главе с Войсковым Атаманом. По прибытии на место они решили держаться все вместе, одним хутором. Страна была для них новой, обстановка на первых порах совершенно незнакомая, условия жизни неприятные; незнание большинством английского языка усугубляло положение.

Сначала все вместе хотели арендовать землю и работать на ней. Но для реализации этих планов не было денег. Казакам всё-таки пришлось каждому самостоятельно искать заработок. Это оказалось не очень трудно - русские считались хорошими работниками и их охотно нанимали.

Поначалу большинство казаков работали на фруктовых фермах, расположенных вблизи Бризбена, получая при этом от 8 до 10 шиллингов в день. С июля месяца начался сезон рубки сахарного тростника, и уральцы устремились на эту, новую работу, за которую платили по 16-18 шиллингов в день. Тростниковые фермы были расположены к северу от Бризбена, сезон рубки длился до поздней осени, а иногда до декабря. Работа, по воспоминаниям казаков, была каторжной, но приносила неплохой доход. Жизнь в Австралии была недорогой, на одного человека уходило в среднем 12-13 шиллингов в неделю, и на рубке тростника работать было выгодно. Но работа эта была сезонная, а постоянную, хорошо оплачиваемую работу найти было очень тяжело. Сам атаман Толстов также работал простым черноработчим на сахарном заводе.

Уральцы старались держаться, по мере возможности, сплочённо, поддерживая друг с другом связь. К 1925 году почти все из них, как они сами писали в письмах, имели сбережения в банках. Некоторые даже сумели выписать из Советской России семьи и мечтали купить фермы, которые стоили около 1 тысячи фунтов. Корреспондент "Вестника Казачьего Союза" писал, что *"никто из них не сожалеет, что судьба закинула их так далеко от России"*.

В Австралии к середине 20-х годов сложилась довольно внушительная русская колония - около 20 тысяч человек, быстро разделившаяся на два враждебных лагеря: белоэмигрантов и социалистов (покинувших Россию ещё до революции). Последние, уже обжившись, всячески пытались мешать новым эмигрантам. Между тем именно после прибытия в Австралию групп белоэмигрантов в том же Бризбене открылась русская православная церковь, были организованы кружки взаимопомощи, различные благотворительные союзы, помогавшие неимущим и т.д. Уральцы принимали в этих организациях самое активное участие.

Уже через год мечты казаков-"австралийцев" о покупке собственной фермы начали воплощаться в жизнь. Покупали они уже готовые сахарные плантации - у своих же вчерашних хозяев. Сразу выплатить всю полагающуюся сумму не могли и брали плантации в кредит, с рассрочкой платежа, внося лишь треть стоимости. Уралец П.З. Землянушкин по этому поводу писал: *"Ферма у меня в 10 акров, то есть 3 с половиной десятины наших. У меня на ферме клубника, ананас, томаты, капуста, огурцы и прочие овощи. Один акр клубники при хорошем урожае даёт чистого дохода 250 фунтов стерлингов. Первый год очень трудно, потом ничего: казак нигде не пропадет, казаки были знакомы с землей, потому и нечего бояться..."*

К лету 1928 года в Австралии уже сложился небольшой казачий хутор - помимо уральских, оренбургских и енисейских казаков, прибыли два семиреченца и один

донец. Жили по-казачьи, помогая друг другу, кто чем мог. Приехавшие первыми опекали новых "австралийцев",

Уральцы в Австралии

предупреждая искателей лёгких денег, что в Австралии не все станут богатыми. Как писал уральский казак А.П. Болдырев, *"жить здесь можно хорошо, но надо работать, а те, кто думают, что здесь можно сделаться миллионером глубоко ошибаются и разочаруются, если рассчитывают на лёгкую работу"*.

До 2-й Мировой войны общее число уральцев за границей не превышало 200 человек. Самая

большая колония уральских казаков в эмиграции находилась во Франции, вторая по численности - в Австралии. Многие были разбросаны по европейским странам (Чехословакия, Сербия, Болгария), кое-кто уехал в США, оставались казаки в Китае, есть сведения об уральцах в Египте и т.д.

Судьбы многих казаков-эмигрантов до сих пор неизвестны - даже таких известных, как генералы М.Н. Бородин, П.К. Буренин, П.А. Дынников. Своего печатного органа у уральцев не было, что затрудняло связь между разбросанными по разным странам.

Основным центром уральской казачьей общины во Франции стал небольшой городок Рюэль под Парижем. Там был образован Уральский казачий хутор, в 1930 году, в связи с приездом в Париж новых казаков, переименованный в станицу. Ежегодно выбирался атаман и члены правления. Станица формально входила в состав "Союза казаков" во Франции, а её представитель - в правление Союза. Станичниками подерживалась связь со своим Войсковым атаманом, находившимся в Австралии. В ноябре каждого года члены Уральской станицы обязательно отмечали свой Войсковой праздник - день святого Архистратига Михаила.

Работали в Европе, кто где мог устроиться, зарабатывая на жизнь в основном тяжёлым физическим трудом. Так, подбесаул Ф.К. Фолимонов был черноработчим, полковник Т.И. Сладков занимался сбором винограда, войсковой старшина И.И. Климов создал рыболовецкую артель, и т.д. Но были и те, кто смог устроиться на более специализированную работу - прекрасно рисовавший хорунжий

на тростниковой ферме

Л.Л. Масянов работал чертёжником, войсковой старшина Е.Д. Коновалов был филологом и преподавал русский язык в университете города Пуатье...

Многие из живших во Франции активно участвовали в культурной жизни русской колонии. Тот же Е.Д. Коновалов выступал с лекциями по истории и издавал (правда, недолго) в Париже литературно-художественный журнал "Россия". Войсковой старшина П.А. Фадеев печатал очерки и рассказы из жизни уральских казаков, ген.-майор Б.И. Хорошкин был председателем "Союза чинов Сибирских войск во Франции". Оставили свои воспоминания о Гражданской войне войсковой старшина А.И. Потанов (Ницца), ген.-майор С.А. Щепихин (Чехословакия), хорунжий Л.Л. Масянов (США) и другие. Большинство из них до сих пор не известны читателю, хотя представляют любопытнейший материал по истории Гражданской войны на территории Уральского Войска.

Исчезают за рубежом забытые, никому там не нужные могилы наших предков, забываются подвиги и имена уральцев, ушедших "от красных лап в неизвестную даль". Чем больше мы будем вспоминать их, тем долгие будет жить в нашей памяти эти простые уральские казаки, боровшиеся за свою свободу, землю, волю. Проигравшие - но не сдавшиеся!..

Д. Дубровин

1930 год: “Уральцы во Франции”

Много раз писали о том, как живут казаки во Франции. Почти всегда описывалась жизнь Кубанцев, Донцов, реже Терцев; о казаках других Войск почти не попадает корреспонденций. Видимо, по той простой причине, что их не так уж много в Европе.

Недавно пришлось узнать, что в Париже проживает 70-80 человек уральцев, этих по истине страдальцев казачества, которые почти все полегли в борьбе с коммунистами красной Москвы.

Познакомился с хуторским Атаманом Л.Л. Масыновым (уральцы объединены в хутор). Сам Атаман одиночным порядком прибыл во Францию из Китая. Из разговоров выяснилось, что уральцы сосредоточены главным образом в гор. Rueil в 6-10 км от Парижа. Атаману хутора я дал несколько журналов “Вольное Казачество”, он очень благодарил и просил побывать у них на ужине в день Войскового праздника, чтобы познакомиться ближе с жизнью казаков. Уральское Войско, как известно, празднует день Архистратига Михаила. “Парижские” уральцы праздновали 23/XI.

Меня, прибывшего в Rueil с некоторым опозданием, радушно встретил хуторской Атаман и усадил за свой стол. Очувтившись среди уральцев, я чувствовал себя так же хорошо, как если бы сидел с кубанцами. Тут я увидел то радушие и гостеприимство, какими славятся уральцы. Никого из “высокопоставленных” гостей не было. За столом сидел батюшка, служивший молебен, и ещё генерал Шипов, который в прошлом связан службой с уральцами и теперь часто помогает казакам, чем может. Когда закончилась, так сказать, “официальная” часть празднества, казаки запели. Песни были спеты мастерски.

Уральцы живут вместе, занимая целый отель, имеют общую кухню, что, конечно, даёт возможность питаться по вкусу, по-казачьи, к тому же артельное довольствие обходится много дешевле. Способ артельного довольствия возможен лишь в том случае, если люди спаяны между собой. Безусловно, такая спайка среди уральцев есть. Это бросается в глаза, как только проведёшь в обществе ураль-

Станичный сбор во Франции, 30-е годы

Уральцы купаются в реке Сена

Ф.К. Фолимонов с 1931 г. атаман Уральской ст-цы

и идёт Уральское Войско, во имя своих вольностей и бытовых традиций; далее указал, что терцы и уральцы связаны исторически очень близко и что страдания уральцев переживаются терцами не в меньшей мере, чем и другими казаками. Больно стало, что Донцы и Кубанцы не нашли возможности прислать человека приветствовать своих собратьев, затерянных среди большого города...

Занимаются уральцы тем же, чем и другие, т.е. работами на фабриках и заводах. Есть несколько человек се-мейных. Казачки - больше славян-ки: польки, чешки, украинки; но есть одна казачка, прибывшая с Урала вместе с казаками. Ей, конечно, много пришлось пережить трудностей во время отступления. Если, говорит она, для мужчин отступление из родного края было делом нелёгким, то каково же женщине?..

Но вот ужин кончился, столы убрали, и на эстраде появились музыканты, да ещё “целых пять человек” - хуторской оркестр. Едва они успели сыграть два три аккорда, как в вихре казачка понеслись казаки, сверкая лампасами. Я забыл упомянуть, что некоторые из них были одеты по-казачьи.

Говорил с некоторыми казаками, все высказывают надежду, что вернуться на свой вольный Яик, и будут жить вольными казаками. Часто в разговоре проскальзывает нотка вполне резонной обиды, что Уральцев как-то все забыли. Интерес к казачьей литературе большой, но достают они её мало. Было ровно 12 часов ночи, когда я покинул гостеприимных уральцев и последним трамваем уехал в Париж...

Еф. Якименко
 (“Вольное Казачество”, N 51-52)

Накануне катастрофы

Столичным издательством “Центрполиграф” (www.centropoligraf.ru) выпущена книга специалиста по военной истории России начала XX века А.В. Ганина - “Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX - начале XX вв. (1891-1917 гг.)”.

На 688 страницах комплексно, на основе большого количества вводимых в научный оборот источников рассмотрена история Оренбургского войска

в последние 25 лет существования Российской Империи и в 1917 году, с присущими оренбургскому казачеству организационной, социально-экономической и культурно-исторической особенностями, а также важнейшие проблемы развития казачества на изломе российской истории.

Большое внимание автор уделяет постановке военного дела и участию оренбургских казаков в военных конфликтах - в том числе в завершающем этапе присоединения к России Туркестана, событиях русско-японской и 1-й мировой войн, подавлении первой русской революции.

Автор пытается также объяснить механизмы существования казачества и особенности преодоления тяжёлого кризиса, связанного с неуклонным изменением традиционного уклада казачьей жизни. Подробно описывается слож-

ный, болезненный процесс естественно-исторического расказачивания второй половины XIX - начала XX века.

По мнению автора, из иррегулярного рода войска казачество к 90-м годам XIX века стало регулярным, однако внешняя “регулярность” была достигнута посредством серьёзного ухудшения благосостояния. Требования к регулярности носили лишь внешний характер (конь и амуниция), серьёзно не затрагивая вопросов боевой подготовки. В результате армия получила многочисленный, но уже не такой дешёвый, как прежде, и хуже подготовленный род войск.

Некоторые выводы автора позволяют лучше понять события 1917 года. В частности, он отмечает грубые ошибки власти при использовании казачьих частей в подавлении революционных беспорядков. Всё большее отставание казачества на фоне процессов модернизации и революционных событий вели к формированию нового сознания казачества - прежде всего среди казачьей молодежи. Главным признаком его было отсутствие прежнего глубоко почтительного отношения к воинской повинности и присяге, к старшим. Именно носители нового сознания в начале революции составили категорию т.н. “фронтвиков”, заняв позицию вооружённого нейтралитета, а некоторые даже признали Советскую власть в начале Гражданской войны...

Прозвища казачьих станиц

“Станица” продолжает печатать полуполюгендарные истории, когда-то давно послужившие основанием для шуточных прозвищ, которые жители казачьих станиц и хуторов давали своим соседям. На протяжении нескольких десятков лет они собирались для выходившего в США журнала “Родимый Край”, прежде всего, Борисом Кудряцковым, Николаем Мельниковым, Фёдором Сиволобовым, казаком – “Черноморцем”... Очень хочется как-нибудь, вслед за “Байками деда Игната”, собрать и эти истории воедино, и издать тоже отдельной книжкой, включив в неё материалы уже не только Дона и Кубани, но и других казачьих областей...

Прозвища Донских станиц

Станица Верхне-Чирская - “Таранка сено поела”

В Верхне-Чирской был луг для станичных жеребцов. Луг этот заливало водой, и оттого скирды ставились на высоких местах. Когда вода сбывала, вокруг каждого скирда оставался мокрый круг от ушедшей воды.

Однажды станичники хватились сена, а его нет. Станица была строга. Устроили сход.

- Сена наша пропало, чего быть не должно... По причине такой выбрать комиссию... Всё честь честью... Произвести дознание... Как это так: сено было, а сейчас его нет?..

Казак разгорячился. Выбрали несколько человек, чтоб съездили на место происшествия, разьяснили всё обстоятельство. А наказ дали самый строгий: всё доложить в точности, как и что и почему?

Сено растащили, конечно, проезжие. А так как они, по видимому, вовсе не торопились красть, а даже ещё и закусывали, то на месте побросали обгрызанные головки от тарани.

Комиссия долго гуляла по лугу, строила всяческие предположения, и, наконец, вернулась. Их встречают:

- Ну што? - Да ничего вроде... - Как ничего?..

- Да так. Кругом мокро, а посеред тараньи головы валяются... Должно, тарань сено и поела... Подплыла... Известное дело - голод не тётка!..

Станица Качалинская - “Подоска”

Собрался из Качалинской раз старый казак на хутор родственников проведать. Уселся на воз, а сам не досмотрел, что ребята из-под оси вытащили подоску. Разобрал вожжи, чмокнул, махнул кнутом.

Взяли кони дружно. Вывезли на улицу. Захотелось старику перед Правлением лихою молодецкой похвалиться: видит - народ толпится. Гикнул, ударил по коням раз да другой. Думает, орлом пролечу мимо. А перед самым Правлением ось возьми да и переломись. Загудел казак с возу носом в пыль. Пыхтит у человеческих ног.

- Гляньте, - говорят, - дед-то с возу скапустился...

А дед пыхтит...

- Што это ты, отец, валяешься?

- Подоска иде?

- Не знаем... Да што ж ты не встаёшь?

- Подоску вытянули... - пыхтит дед.

- Да шут, - говорят, - с ней.

А дед своё затвердил: подоска да подоска... Обидно, конечно... А другие станичники домой пришли в свою станицу и рассказали:

- Дед с ума сошёл. Раскатился по улице, да перед Правлением воз и переломись... Подоску, говорит, кто-то скрал. По сю пору в пыли валяется!..

Го-орда-й наро-од!..

Станица Кривянская - “Гей, старики, седлайте каюки: рак морской угнал табун донской!”

Погнал подпасок табун коней поить. В станице, - время было рабочее, - остались только старые казаки. Впереди табуна идет жеребец-вожак. Гривой гордо помахивает, во все стороны посматривает. Уши у него точёные, так и вздрагивают, чуть что. Когда подошли к воде, опустил он голову напиться, а рак и ухватись клешней за мягкую верхнюю губу. Мотнул жеребец головой. Гикнул с перепугу. И конь и рак в большом страхе оказались. Рак ещё крепче впился. Была, стало быть, не была: хватил жеребец со всех четырёх ног. Повёл за собой табун вдоль берега. Как ветры, помчались кони.

Остался подпасенок один. Побежал, что было духу, в станицу. Глаза у него дикими стали. Бежит и кричит, что есть мочи:

- Ей, вы, старики, седлайте каюки: рак морской угнал табун донской!!

Станица Иловлинская - “Цыганская”

Ждала Иловлинская станица Архиерея. Махальные по своим местам стояли. Духовенство готовилось. Казаки принарядились. Атаман приветственное слово придумал и важно так распорядился:

- Как пыль покажется - звонить во все колокола. Казакам построиться вот тут-во, духовенство пройдёт вперёд. Я стану тут-во, а писарь и мой помощник туточки.

Только распорядился, - машут махальные, в кулак свистят.

- Едет, - кричат, - едет, подъезжают. Колясок несколько. Сколько, не видать: потому - пыль...

Стали все по своим местам. Ждут. Тишина наступила, слышно, как воробы чирикают. Солнце во все лопатки нажаривает. И вот - с бубенцами, в разноцветных тряпках, прямо на середину въезжает цыганский табор. Старый цыган, видя встречу и слыша колокольный звон, шляпу всё-таки приподнял...

- Что за почёт? - спрашивает. - И вовсе я не заслужил...

Так казаки до того рассерчали, что били цыган смертным боем и выгнали за станицу. Встретили вроде и хорошо, а проводили Бог знает как...

Станица Трёх-Островянская - “Полстенка”

Базар в тех местах обыкновенно был в Качалинской станице, и трёхостровянцы ездили за семь вёрст, ежели что купить или продать.

Сделали раз в их станице большую полость, и поехал дед в Качалин её продавать. Полстенка эта лежала на возу. Казак сперва сидел на ней, а потом, соблазнённый знакомцем, пошёл выпить малую толику, да и заговорился. Кто-то на базаре эту полстенку и скрал. Казак вернулся - нет полстенки. Он к одному:

- Не видал ли ты, мил-человек, полстенки моей?

- Нет...

- А ты, сынок, полстенки не видал ли? Вот такая-во. Беловатая...

- Нет, дяинька, не видал...

- Ста-аничники... - закричал вдруг дед. - Ды как же я в станицу-то свою Трёх-Островянскую покажусь-то? Ды кто жа его подшутил-то? Пошутил, ну дык и отдайтя... Стаа-ни-чники-и...

Толпа гудела сочувственно, но полстенки так и не нашли. Всю дорогу ехал и плакался дед, а кругом казачата-качалинцы бежали и орали во все глотки:

- Полстенка иде? Не видал ли ты, мил-человек, полстеночки моей... Уся станица Трёх-Островянская... И кто её взял? Господи, Царица Небесная, Заступница Усердная...

Станица Камышовская - “Свинья”

Станица Камышовская по части устройства церемоний разных, пожалуй - первая.

Епархия, как известно, у Архиерея большая. Едет он от станицы к станице, и везде ему почёт и уважение, и, что главное, так это то, что одна станица перед другой щеголяет, одна перед другой красуется, - и встречами то, и проводами, и угощениями, и подношениями, и чистотой веры Христианской.

Камышовская сама по себе, а Маринская сама по себе. А только долетел голубочком слух, что в Маринской станице Архиерей находится, и вот-вот придёт в Камышовскую. Суматоха и волнение начались невероятные. Прежде всего двух конных казаков выслали на край станицы:

- Зорко следить!.. Спиртного не пить!.. И чуть что - пулями назад, в станицу.

Сами же камышовцы собрались встретить Архиерея с колокольным звоном, выйти за станицу с иконами, с хоругвями, со священством в полном облачении. Атаман станичный насеку взял, а почетные старики чекмени пооде-

вали, да чирики дома пооставляли, и чтоб все казачество, какие только ни есть, ордена и отличия понадевало и усы расчесало и чубы горой пустило... По первому удару колокола чтобы станичный атаман принял рапорт: кто болен, кто в отсутствии, кто пьян, а кто и вообще выйти не пожелал (потом мы всех этих, уклонившихся, себе на ус намотаем), да стал бы впереди процессии, и пошла бы она к Его Высокопреосвященству стройными и торжественными рядами навстречу. Вот, мол, какая у нас станица... Горит на солнышке серебром и золотом, и степенная тебе, и заслуженная, куда ни поверни, и с какого бока ни зайдешь.

Ну, а уж известно: где благочестие, там и нечистая сила! Двух-то казаков, высланных вперёд, попутал - видно - чёрт. Ждали они, ждали... Уж на сёдлах-то и на одну сторону переваливались, и на другую, и ладонью глаза, ровно крышей, покрывались, - вглядываясь от солнца - не видать ничего. Соскучились. Покрутились на дороге, да и свернули к Акульке Кострюковой, что на краю станицы жила и водкой тайком торговала. Выпили по рюмочке. Вышли поглядеть опять. Соскучились. Зашли к Акульке в другой раз...

- Подай, свистопляска, ешто по чарке!
А выпивши - решили, что выходить им незачем. Что как в станице в колокола забьют - значит - кто-нибудь другой Архиерея заметил. Так тогда бы они скорейча на коней, да и с докладом. Чарка за чаркой. Запели песенку:

- По край то было моря синяго, на усть то было Дона Тихого...

Поют себе. Заиграли другую:

- Отец сыну не поверил, что на-а свете есть любовь!..

- Стой, - говорит один, - давай глянем глазком на дорогу.

Глянули. А по дороге, со стороны Мариинской пыль столбом завивается!

На коней - и в станицу. Летят и кричат:

- Едит!.. Едит!..

Ухнул колокол, загудела над станицей медь. Повалили казаки. Атаман рапорт принял — пяти человек не досчитались... Разобрали хоругви и иконы, и пошли процессией. Вышли за станицу... Идут десять минут, никого не видать, еще идут - никого... Вёрст несколько отмахали. Решили идти до тех пор, пока не встретят. Пошёл в задних рядах ропот:

- Этак мы в Мариинскую, встречаючи, зайдем...

Стали, решили разобрать, в чем дело, а казаки - дозорные, когда увидели, что тронулось шествие, опять к Акульке завернули: без нас-де народу много.

Стали все недовольно по всем сторонам оглядываться. На дороге, по ровной степи, до самой Мариинской станицы, на протяжении семи вёрст, совершенно было пусто - и только влево на версту, почти у самого Дона, пыль, действительно, столбом стояла. Но там было займище, и туда Архиерей заехать не мог. Это свинопас со степи перегонял через дорогу полчаса тому назад своих свиней, чтобы они от жары в грязи у Дона повалялись. Видя пыль по дороге от переходящего стада, казаки-дозорные и приняли свиней за карету архиерейскую...

Вернулись все домой. Разошлись по куреням. Настроение подавленное. Атаман в каталажку пять неявившихся казаков засадил. А те оправдывались:

- Дык, господин атаман, всё одно ж никто не приехал!..

- Ты не видал, потому и не разговаривай... - сердчал атаман.

Архиерей приехал на другой день. У него сломалась карета, а ехать в тарантасе он не схотел в тот злополучный день, потому и задержался у мариинцев.

Станица Каргальская - "Гуси"

Пришла зима. Добралась злодейка до Донской Области. Выпал первый глубокий снег. Накрылась им степь, всё одно, что белым одеялом, уснула до весны. Снились ей разные сны - о детях её, зипунных витязях, о диких кочевниках; грезилась она о славе былой и настоящей, видела исполнение своих заветных грез и таила в себе великие силы для весны - отряхнуться от снегов, умыться дождями, осушиться ветрами, украситьсь ковылём и накормить своих сыновей, казаков донских.

Каргальская станица бела от снега. На станичном Правлении - тоже снег. Протоптана стежка к крыльцу и по той же стежке пришёл в Правление казак - Сидор Зиновьевич Пономарёв - сторож "Общественных Хлебных Магазинов", с гусыней под мышкой.

Вошёл в Присутствие и доложил атаману:

- Принёс, господин атаман, вот, гусыню прибудную. Целый месяц, окаянная, у магазинов околачивается. И чего ей надо, неизвестно, и чья будет - тоже... Што прикажете?

- Что ж... Прийдёт помощник, поговорим.. Может, прийдётся продать... А ты обожди в "казачьей".

Сидор Зиновьевич прошёл в "казачью". А там, конечно, поднялся сейчас же смех и гогот:

- Тю-у, смеются, - гусыню в "казачью" принёс...

Чтобы не держать её на руках (неловко как-то, да и гусыня бьётся и пакостит), пустил её Пономарев в комнату, рядом находящуюся с "казачьей". Отряхнулся и заметил, что дверь в ту комнату не хорошо закрывается и гусыня может выйти, накинул висевший тут же замок и замкнул.

Комната же, в которой обосновалась гусыня, носила название "станичная тюгулевка" и месяц тому назад умер в ней один пересыльный арестант - поэтому в станицу приехал судебный следователь осмотреть помещение и сделать акт, не было ли в чем вины станичного Правления и в каком виде, вообще, помещение содержится. Следователь оказался требовательным человеком. Вошёл в Правление, стал расспрашивать, наводит справки, шуриться и недоверчиво качать головой - "Врите, мол, врите! Старого воробья на мякине не проведёшь, хоть вы и казаки..."

Засуетились в Правлении, забегали... Забыли все про гусыню, - до неё ли? А атаман и помощник так и совсем не знали, что она в тюгулевке.

- Могу ли я осмотреть арестантскую?

- Тюгуль? Арестантскую? Как же... Пожалуйста!

Отомкнули её - и, не успели войти, навстречу ковыляет довольная свободой гусыня!

- По какому праву, - закричал следователь, - арестовали гусыню?

Все молчали.

Следователь составил протокол: "Станичная тюрьма была заперта. Сняв замок и войдя внутрь, нашёл там арестованную гусыню. Постановления же об её аресте от станичного Атамана не было..." Окружной Атаман, ознакомившись с протоколом, приказал:

- Арестовать Каргальского станичного Атамана за содержание в станичной тюгулевке гусыни, без должного постановления и без объявления ей о причинах ея ареста, на десять суток при Окружном Управлении. Предупредить, что в будущем, если повторится подобный случай, он будет вынужден донести Войсковому Наказному Атаману...

Стали каргальцев дразнить "гусыней", а на снугу долго ещё виднелись у Правления гусиные следы - три пальца с перепонками. Отсидел за них станичный Атаман неожиданно - нежданно...

Станица Константиновская - "Лягушек треножили"

Нанимала станица объезжачих для своих покосных лугов. Им, обыкновенно, при разделе покосов, прикидывали больше луговой земли или ещё чем либо труд по охране лугов оплачивали.

На обязанности объезжачих было строго следить, чтобы трава не мялась и не портилась скотом. Издавна так повелось, что казаки, как только выводились гусенята или поросились свиньи, переправляли их за Дон, в луга, и те гуляли на подножном корму до глубокой осени. Так же бывало и со скотом.

Нередко, гусей было так много, что они, идя стадами, валили траву, а свиньи ещё и перерывали землю. Тут объезжачие должны были зорко следить, так как перед разделом наезжала комиссия и требовала отчета. Только потом уже шёл раздел, причем кому попадалось помятое место, тому ещё прибавляли луговой земли. За водку, иногда, объезжачие пускали на ночь чей-нибудь табунок тайком попасть на лугах, но делалось это очень осторожно, так как им за это от сбора Станичного могло быть сильно нагореть. В таких случаях трава была и побита и пощипана. И случилось же, как на грех, в один из таких моментов, когда попорченная трава ещё не отошла и не отросла, приехать комиссии. Комиссия стала объезжать, а объезжачие стали подкивать приехавших водкой. Что ни остановка, то чарка, но всё же заметила комиссия побитый луг.

- Это что ж такое?

- Иде?

- А вон там... Усе потоптано...

- Иде потоптано? Не видим. Трава колыхается... Ишь, што Азовское табе море...

- Да не в той стороне, а вот сюда вот... Сюда...

- Это?

- Да, это?

Смутились обезжачие Константиновской станицы. Но один все же нашёлся...

- И-и-и, отцы вы наши... Ды иде же ваши глаза то? Аль вы не видите: озерков то сколько? Ильменьков то? Луниц? Не видите ль, што ли, сколько в той стороне мокроты-то? В ей лягушек - ть-ма-а. Выбредут они на зоре, да лавой, лавой, по травушке то, скок, скок, скок. Там тебе лист перекусить, там лавой его прижмёт...

Убедил... Приехала комиссия в станицу. Доложила Сходу. Сход постановил:

- Лягушки жить, воопче, могут. Но ежели прогуляться захотят, или ешшо кто - хватать и пути одевать, штоб они стреноженные от своих болот далеко ускакать не могли.

Станица Голубинская - "Капуста"

Ехал казак со службы. На радостях, что скоро дома будет, и сынишку к груди богатырской прижмёт, и жену молодую обнимет, и тыны поправит, хозяйство подновит, - накупил он разного гостинцу. И жене, и сыну, и всем, кто дорог был его казачьему сердцу.

- Вот, - думает, - порадую домашних...

Для жены же купил новые ботинки. Что это были за ботинки?! Форсу в них - бездна! Блестят, как жар. Нажмётся - скрипят. А ежели на ноги надеть - рыпу не оберёшься...

- Вот, это ботинки, так ботинки... - радовался казак. - Вед, его, как она, моя то, пройдёт - усех в жар бросит. И старых, и молодых... А уж про бабё говорить не приходится: ежели от зависти не подавятся, так мужей поедом съедят... И што за ботинки! Хоть на стол станови...

Уложил их в сумы и едет домой. Едет и песенку себе курлычит. Потом улыбнётся и начнёт чего-то подмигивать, да плечом поводит. Усы закрутил и папаху у него святым духом держится - чисто приклеенная. На самом - что ни на есть - затылке...

Случилось служивому проезжать станицу Голубинскую и

в той станице заночевать. Остановился он в одном курене. Стал раскладываться, - видит: молодайка по куреню ходит - вертится, боками поводит и глазищами своими чёрными стреляет во все стороны. Сама из себя пригожая, красивая такая. Косы у ей чёрные, что ворона крыло, брови густые, а уж губы-то, губы - кровь... Того и гляди, лопнут: нежные такие, кожа на них тонкая, что папиросная бумага. Искусился казак. Помутилось в голове. Достал он ботинки, стал их в поднятой руке поворачивать.

- Их - говорит - вот ботиночки! Жане везу... Вот это так ботиночки...

А сам косит взглядом на молодуху. У той дух занялся, как увидела она обновочку. Стала - ровно пришитая, глаз не сводит. А казак, шельма, надавит ботинки, а те: ри-ип!

Достал этот рип до женского сердца, ухватился за него и никуды не отпускает... Моргнул ей казак, а она только голову наклонила...

Пошёл казак на двор перед ночью воздухом подышать... Кровь у него молодецкая бурлит, наружу прорисится, в сердце толкается... Перелез через тын и стал раздумывать: - А что же я жене-то привезу?..

И решил этих ботинок ни под какую цену не отдавать, а надуть как-нибудь молодуху... Сорвал у ней на огороде два качана капусты, завернул в платок и вернулся в курень. Положил их под подушку. А когда пришла ночька, а с ночью, таясь, пробралась к казаку казачка - провели они сладкое время...

- А ботиночки иде? - спрашивает она.

- Ды у тебе ж в головах... - отвечает казак.

Нажмёт она затылком подушку, а капуста под ней: ри-ип!

- Рипи - рипи, - приговаривает бабочка, - сегодня в головах, а завтра будешь на ногах рипеть...

Поутру уехал казак дальше в путь-дороженьку. Схватила его казачка Голубинской станицы, а казака и след простыл. Подняла подушку, узелок развязала, а в нём - два качана капусты. И заплакала она горько, горько...

Да что ж? Бабы слёзы - всё одно, что вода...

Прозвища Кубанских станиц

Станица Зотовская - "Бугай"

В каком году крестилась станица, об этом мне неизвестно, но знаю точно, что было это среди лета и была уже уборка хлеба. Станица получила уведомление о предстоящем приезде Архиерея.

Казаки дальних хуторов, бросая свои работы, съезжались в станицу, - не столько, чтобы помолиться Богу, сколько посмотреть на такую высокую личность, видеть которую в то время считалось редкостью и даже счастьем.

Наступил день приезда. На краю станицы - с той стороны, откуда ожидали Владыку, - станичный Атаман поставил конного махального, почётного казака станицы, который был бы не промах. Заметив приближение архиерея, махальный должен был немедленно сообщить в станицу. Так он и сделал.

Увидя вдали облако седой пыли и услышав глухое звяканье бубенцов, махальный поворачивает коня и стремглав летит до церкви, крича, что архиерей едет...

Церковь была переполнена молящимися - служили молебен о благополучном приезде. Узнав о приближении архиерея, священник сообщил об этом народу и приказал разобрать святыни по рукам. В церкви поднялась сутолока.

Звонарю было приказано звонить до тех пор, пока его не предупредят. Разобрав все хоругви, кресты, иконы и все то, что кому попало в руки, с крестным ходом, под колокольный звон, вышли на церковную площадь перед станичным правлением и стали ждать...

И что же увидели? Вместо тройки и экипажа, из-за угла на площадь высочили полтора-два десятка рогатого скота...

Станичный бугай, на шее которого навешен был железный болабон, увязался за коровой, а остальная компания - рабочие волю - сопровождали эту свадьбу до самых ворот хлева.

Гулячая процессия, подымая по улице облака пыли и звякая железным болабоном, промчалась с диким рёвом мимо ожидавших.

Смущённые, все вернулись в церковь и расставили иконы по местам. Тяжело вздыхая и со слезами на глазах, пришедшие разошлись, приезжие разъехались по домам.

Станица понесла к тому же и убытки: большой колокол, весом в 146 пудов, от сильных и усердных ударов звонаря

получил лопину. Звонарь Борщев (иногородний) оглох.

Архиерей по каким то причинам в этот день не приехал, задержавшись в соседней станице, а узнав о происшедшем, в Зотовскую не поехал. После было расследование.

Как ни поплатился тяжело махальный перед обществом за свою оплошность, но ошибка его была непоправима и прозвище "Бугай" зотовцы носят и поныне.

Станица Упорная - "Мельница" ("Мирошники")

Утомился казак-мельник станицы Упорной хлеб молотить и решил в первое же воскресенье дать себе отдых. И день даже себе распределил. Утром в церковь схожу. А после еды завалюсь спать, и только вечером пойду к куму своему, Омельяну Степановичу, почаевать и о делах станичных словцом перекинуться.

Работал он до поздней ночи в субботу, а пока прибрался и зазвонили. А тут зевота, а тут сон глаза закрывает, того и гляди на ходу заснешь.

- Гкха... - крикнул казак. Подтянул потуже учкур, встряхнул головой и пошёл в церковь.

Пришёл и стал в сторонке. Батюшка в Упорной хорошо служил. На распеве так и с чувством.

Певчие пели тоже ладно. Запутались мысли у мельника и стал он дремать... Стоит и дремлет. И видит некоторый даже сон: будто бы он на мельнице помол засыпал и бежит мука мягкая, что твой пух, да такая белая, что в желтизну отдает. Бежит будто и бежит. Но тут зазвонили в колокола. А мельнику показалось, что звенит звонок, что на мельнице показывает конец помола и надо отдавать распоряжение о насыпке новой партии зерна, - натужился и на всю церковь громогласно приказал:

- С-ыпь... Засыпа-а-ай... Тебе камень не наковывать!!

Конечно, все обалдели... Батюшка поперхнулся и в алтарь.

Станица Урупская - "Мя-у... Мя-у... Мя-у..."

Большой тракт проходит через станицу Урупскую. По нему казаки других станиц провозят в город на продажу всяческие продукты, особенно осенью. На возы наваливаются горы мешков, и где-нибудь уместившись сбоку, казак-возница погоняет медлительных своих волов, помахивает кнутом и под пальцами лучами солнца, отмахиваясь от мух, предаётся той сладкой дрёме, которую навевает

покачивание воза, скрип колёс и мерный шаг волов.

Зато не дремлют урупцы. Примостившись за тыном, у дороги, они привязывают к веревке железную кошку и, довка бросив ее, стаскивают чумалы на землю.

На конце станицы казак, прозевавший мешок, замечает пропажу:

- Ты чего стал? - спрашивают невинно урупцы.
- Мешок пропал, - говорит удивлённо казак.
- Мешок... гм... да разве ты не видал?..
- А что?

- Да его-ж кошка съела...

- Во-о... - чешется казак... И в следующий раз, встречая урупцев, посвященный в тайну их уловок, злобно мяучит им в след: - Мя-у, мя-у, мя-у... Чертовы кошатники!..

Станица Чамлыкская - "Кубышки"

Завернули казаки в станицу Чамлыкскую перекусить, чем Бог пошлёт. Заходят в курень к одной казачке. Баба была ленивая, в курене все шыворот на выворот шло. Ни посуды тебе, ни сквородки порядочной...

- Гей, тетка, свари-ка нам борщу... - рассаживаясь на лавках, попросили казаки.

Казачка заметалась: - Сейчас, сейчас...

Пока казаки отдыхали, сварила она борщ. Поразила всех и позвала к столу. Сошлись все. Ложки свои обкусанные подоставали, хлеб нарезали - ждут...

- Чего же не едите. Ишьте...

Казаки глядят кругом. Смеётся, думают, баба... На столе только кубышка дубовая, крышкой расписной закрыта.

Подняла казачка крышку, а оттуда пар столбом.

- Наваристый борщ... Ишьты на зовьще... А другой посудинки у mine не оказалось...

Станица Ахметовская - "Рыболовы"

- Слушайте, станичники... - сказал казак, подойдя к рыбалкам Ахметовской станицы, - ну и чем же вы, люди добрые, рыбу ловите? Вентера да сети, крючки да волокуши. Это вы всё бросьте. Ежели хотите крупную рыбу поймать, так спустите в реку борону и волоките по дну за верёвку. Вот в ней то, между зубьев, самая крупная рыба застрянет.

Послушались его рыбалки-казаки. Забросили борону. Волокут, потом обливаясь. Подошли казаки из соседней станицы, а те говорят:

- Разойдись, честное казачество, сейчас рыбу крупную на берег навалим.

И перед поражёнными зрителями появилась из воды... новый рыболовный струмент - борона. Труды ахметовцев были напрасны - крупная рыба в борону не пошла.

Станица Курганная - "Трубка"

В станице Курганной Персией пахнет. Много казаков были когда-то женаты на персиянках. Говорят, в их рядах были даже и некоторые мужчины - выходцы из Персии. Так уж повелось: если закурили, так закурили - трубки.

Курить из трубок стало обычаем в станице. Где бы ни собрались - обсудить бы что или просто побеседовать - сейчас же трубки вытаскивают и, глядишь, задымили уже.

Чаще всего велись разговоры по праздникам в церковной ораде. Ждут ли начала службы, или её конца, чтобы крест поцеловать - стоят или прогуливаются, знай себе разговоры ведут и из люлек дым пускают. Ну, а если надо в церковь заходить, сейчас трубки о фундамент выбьют и в Божий храм пошли. От этого выколачивания фундамент так обтёрся и оббился, что и случилось большое несчастье...

Услыхали однажды те, кто не пошёл к обедне в одно из воскресений, треск и громовой шум, вышли из куреней на улицу, спрашивают:

- В чём дело? Что случилось?

Бежит казачёнок.

- Что за шум?

- Беда-а... Трубки казаки выколачивали, хвундамент рассыпался и церква рухнула... От попа один чувяк только и виднеется из под обломков.

Разинули все рты, а ругать-то и некого. Каждый в этом за собой вину чувствовал...

Станица Безкорбинная - "Ишаки"

В одном из Кубанских казачьих полков были казаки Безкорбинской станицы. Отличились они тем, что обладали завидным аппетитом, и потому всегда с нетерпением ожидали сигнала на обед или на чай...

Сидят так раз в казарме, а осёл по соседству и закричи...

Встал один: - Кажись, сигнал был...

Все остальные прислушались...

- Да, быдто что-то было... - поддержал другой.

Дневальный, тоже безкорбинец, выпрямился во весь свой богатырский рост и завопил: - За-а ча-аем...

Побежали на кухню с баками, а на кухне удивляются.

- Сигнал был...

- Да не было сигнала...

- Как не было? Мы все его слышали...

В это время закричал осёл во второй раз... Казаки переглянулись...

- Так это не труба... - покатались со смеху кашевары и другие присутствовавшие казаки, - до сигнала ещё далеко.

Под общий хохот безкорбинцы пошли в сотню. С тех пор, как закричит ишак - вскакивают насмешники-иностаничники, и режут во все глотки:

- Безкорбинцы-ы... за ча-аа-ем...

Или: - Ра-аавнение направо-о... Шеф стоит... (это в строю-то). Рады случаю поиздеваться...

Станица Лабинская - "Требуха"

Ярмарка... Навезут на неё, бывало, всякой всячины. Возов - не пройти... Тут и материя, и продукты, и разный скот, и кони, и коровы, и быки, и овцы... Чтобы дорожке продать, многие ловчились. Так, например, простую корову выдавали за стельную известным варварским способом - набиванием, другие - наоборот - хотели дешевле купить и - торг, шедший на месте ярмарки, разыгрывался всё больше и больше. Шумели, кричали, хлопали по рукам. После - шли выпить, или тут же выпивали, на месте продажи. Много горячились и ругались, не стесняясь отвести душеньку.

Бойни работали тоже вовсю. Бился скот на мясо. Остатки - требуху и внутренности - выбрасывали прямо в Лабу. И, отойдя от бойни, можно было видеть: стоит на берегу целый ряд лабинцев-рыбалок. Крючками и шестами старались они зацепить проплывающую требуху. Потом её варили и ели. За этот-то требухоловный спорт дразнят лабинцев - требухою. Ярмарка шла всем на пользу...

Станица Константиновская - "Ракожары"

Церковь в этой станице совсем зря сгорела. Так что можно прямо сказать: из-за баловства. Раков любить печёных можно, ну а вот церковь тут, хоть и деревянная, хоть и не важнецкая, а причём?

Наловили казаки раков, стали их печь недалеко от церкви, огонь по сухой травке побежал... Запылала церковь...

От раков наедку мало, а если принять во внимание стоимость сгоревшей церкви, так и того - совсем один убыток получается...

Станица Владимирская - "Сова"

Лихой был священник в станице Владимирской... Охотник. Выпить любил, песни поиграть... А придётся, так и лезгинку поплясать - конечно, чтобы никто этого не видел... Характер имел увлекающийся и непостоянный. Мыслей у него в голове бывало - целый ворох. Как был земным человеком, так - хоть и рукоположили его в духовный сан - им и остался. С привычками своими никак не мог расстаться... Привычка-то, говорят, вторая натура.

А привык он к воле, к простору, к движениям... Оно, конечно, рыбу ловить, охотиться, в цель стрелять, джигитовать, камнями швыряться, в запуски бегать - занимательное занятие... Иной голышом по воде шесть или восемь кругов выбил - и доволен... А ежели десять насчитал, пока камень по воде прыгал - так и совсем рад...

А тут пришлось со святостью по степи в ризе шествовать и кидлом махать, идти впереди крестного хода. Ветерок волосы шевелит, солнышко пригревает, небеса чистые, чистые... Певчие поют... И задумался поп, дышит полной грудью... Простор... благодать... Забылся он... И, рассказывал очевидец, вылетела впереди его сова.

Увидел её поп...

- Нагнуться, - думает, - улетит, проклятая, не успеешь камнем попасть в неё...

Почувствовал, что у него есть в руке что-то тяжёлое, и пустил сове вслед...

Глядят все и что видят? Летит за совой серебряный крест!.. Очень тут весь крестный ход на попа обиделся:

- Совы ради крест забросил...

Когда искали, - даже невероятно, - не нашли... Пошла после этого случая слава про Владимирскую станицу...

Байки наших дней

В нескольких номерах мы представляли "Байки деда Игната" - семейные предания, передававшиеся из поколения в поколение одним из кубанских родов. Теперь они уже изданы отдельной книжкой, и нет особого смысла продолжать печатать их в газете. Тем более - наши читатели отметили, что подобные рассказы до сих пор бытуют в устной станичной традиции. Вот только жаль, что редко кому приходит в голову записывать рассказы своих стариков.

Один из примеров - истории, записанные тоже на Кубани, в станице Новодеревянковской, учительницей Светланой Кревсун.

Кот - хитрюга

Васятку растила бабка Настя. Отец Илья погиб в гражданку, за два месяца до рождения сына. Переплывал казак - пластун лиман в октябре месяце, простудился и вскорости помер.

Эх-ма! Нехорошее это дело, обидное: ты ещё не родился, а тебя уже не ждут, не кричат, когда пьют горькую: "Сын, казак родився!". Ну что ж, жизнь штука сложная...

Мать Васятки, Мария, не выдержала голодовки 33-го года, умерла. И остался он, горемыка, в шесть лет, без папки с мамкой. Жили они в привольной кубанской станице Новодеревянковке. Хата-мазанка, крытая камышом, стояла посреди широкого двора. Рядом хлев, по двору ходили обязательные в каждом станичном дворе куры и гуси. На цепи бегал вечно чем-то недовольный, делающий вид, будто постоянно голоден, пёс Бобик. В хлеву жила счастливая корова Зорька. Ей никогда не было одиноко. Каждый год она приводила по лупастому симпатичному телёнку, а потом счастливо моргала глазами и самозабвенно облизывала это большеглазое чудо.

В каждом казачьем подворье посреди двора стоял колодец с журавлём (журавль - это такой длинный шест, к одному концу которого привязано ведро на "цыпке", а к другому - какой-либо груз). В колодце летом хранили кубанский борщ, "заговканный старым сагом с часныком". Ставили "чавун" в ведро и на верёвке опускали его поближе к воде: там было прохладнее, пища сохранялась дольше. Почти во всех станичных дворах были погреба, где хранили картошку, буряки, гарбузы...

Выданное коровой Зорькой молоко бабка Настя тоже хранила в погребе в глиняных кринках, накрытых такими же глиняными крышками с ушком. Васятка днём пас гусей, а вечером носился с ребятей по улицам.

Недалеко от подворья текла речка Албаша. Васятка с друзьями мог часами плескаться в реке, не замечая, как подступают сумерки. Тогда мальчишка пулей несся по улице, стараясь прошмыгнуть в хату незамеченным. Если ему не везло, то у порога его встречала с лозинкой бабка Настя:

- И дэ ж ты, басурман, так довго носывся? Вжэ спать пора! - потрясала она лозинкой.

В один из таких вечеров бабка Настя специально поджидала мальчонку. И причины на то были. Соседка, тётка Фрося, пришла днём купить молока. Бабка Настя полезла в погреб и обнаружила, что во всех кринках с молоком съедена самая вкусная его часть - вершок.

Единственным подозреваемым мог быть только пакостник - внучок Васятка. И когда он в сумерках нырнул в калитку, его ноги больно обожгла припасённая бабкой Настей лозинка. Она шлёпала Васятку и приговаривала:

- Ах ты, вражина такой, ты на шо выршки посьидава? Ах ты ж паразит!

Жгучие слёзы катились из Васяткиных глаз, от обиды перехватило дыхание.

- Я ны йив! Цэ ны я, ны я! - сквозь слёзы выкрикивал мальчонка.

Он наспех похлебал гарбузяной каши и юркнул на припёчек, на лежанку. Обида на незаслуженное наказание жгла его душу. На припёчке уже спал его тёзка, лучший друг, добродушный кот Васька. Когда кот учуял Васятку, то подполз поближе, лизнул в нос и замурыкал, довольный, ещё громче. Немного поворочавшись, уснул и Васятка.

На следующий день трагедия повторилась снова. Бабка Настя опять отстегала лозинкой Васятку, а он ревел во весь голос не столько от боли, сколько от обиды.

Наутро бабка Настя отправила Васятку к родственникам с поручением. Мальчонка заигрался там с детворой и домой вернулся поздно. Там его ждала озадаченная бабка. Кто-то опять съел вершок, но на Васятку подозрение уже не падало. Бабка разводила руками и приговаривала:

- Ну, ны нычиста ж сыла завьлася в погриби?..

Весь следующий день бабка Настя решила провести на подворье. Она подлаживала покосившуюся изгородь - "лиску", подметала двор. И ни на секунду не выпускала из виду дверь погреба, пытаясь поймать вора. Возле её ног терся известный подхалим кот Васька. Он мурлыкал и жмурил глаза, показывая, как он любит хозяйку.

Бабка Настя, окинув внимательным взором двор и не заметив ничего подозрительного, решила сбежать в хату. Выйдя во двор, первым делом взглянула на погреб - и увидела мелькнувший в дверном проёме погреба кошачий хвост. С величайшей предосторожностью подкралась бабка к погребу и, вслед за Васькой спустившись вниз, стала наблюдать, что там происходит.

Васька важно, подняв хвост, ходил по погребу между кринками и макитрами. Принюхивался. Наконец, он подошёл к кринке с утренним молоком, поднял лапу и просунул её в ушко над крышкой, осторожно положил крышку на землю, после чего с удовольствием стал лакать вершок!

Бабка остолбенела. Она еле сдерживала себя. Когда вершок был съеден, Васька, также осторожно просунув лапу в ушко, водрузил крышку на место. Не спеша, довольный, он направился к выходу. Старуха тем временем сняла с ноги "чирьвык" и, как только Васька показался на ступеньках, ведущих к выходу, бабка что есть силы огрела его. Васька взвился и с кошачьим рёвом-мявом понёсся прочь.

- Ах ты ж гад, ах ты ж паразит, ах ты ж хитрюга! Ну хто ж мог додуматься, шо якыйсь кит може такэ сотворыть! - выкрикивала ему вслед хозяйка.

Вечером Васятку дома ждали вкусные пампушки с чесноком и борщом. Бабушка кормила внучка, гладила его по головке и приговаривала:

- Йиш, мий касатик, йиш, мий унучок, соколык ты мий! Ты на бабку ны сирчай. Ну хто ж мог подумать, шо такэ чудо на свити може быть. Та у его ж мозгий ныма, а такэ робэ!..

Негодника - кот не было дома три дня. Все уже стали волноваться. Простили его... А он, появившись, забрался бабке Насте на колени. Став на задние лапы, начал мурлыкать и тереться об её щёку. Затем прыгнул на припёчек и, привалившись к Васяткиному боку, после трёхдневных мытарств по-кошачьи захрапел... Он был прощён.

Ночь перед Рождеством

Коммунист по велению сердца, рьяный партиец, кося сажень в плечах, Иван Тимофеевич в станице был на большой должности председателя Совета. Самый главный в кубанском селении человек! Службу свою Иван Тимофеевич справлял добросовестно. Станичники были им довольны. Справедливый был "дядька" - и, что немало важно для женской половины селян, видный.

Любил председатель летом порыбачить, а зимой сходить поохотиться на зайца. Но ещё больше любил Иван Тимофеевич, как и все из этой породы, порассказывать потом о невиданных размеров пойманных им рыб и гигантских размеров застреленных зайцев.

Однажды морозным предрождественским днём, девел белый маскхалат, отправился Иван Тимофеевич в очередной раз на охоту. Долго бродил он по полям, пытаясь поймать на мушку серого, пройдя не один десяток километров - и, наконец, удача! Застреленный им зайчишка весил килограммов шесть-семь.

Иван Тимофеевич положил зайца в специальный мешок и забросил его за плечи под маскхалат.

На землю опускались сумерки, а идти домой было несколько километров. Иван Тимофеевич летел как на крыльях. После удачной охоты куда девалась усталость!..

Поскольку в поле рассказывать о своей удаче было некому, Иван Тимофеевич стал бессознательно обрывки мыс-

лей сочиняемого рассказа проговаривать вслух. Руки, разводимые для демонстрации размеров зайца, разводились всё шире и шире.

Когда он подошёл к станице, были глубокие сумерки. Нахолившись, присыпанные снегом стояли станичные хаты. Обычно глухая стена постройки служила одновременно и огорожей от улицы, посреди этой стены было окно, для связи с внешним миром. У одних станичников в домах горел каганец, а у других, побогаче, керосиновая лампа.

По небу лениво проплывали редкие облака. Играющая с ними в гляделки луна рисовала на снежном покрывале земли мигающую мозаику теней деревенских хат, изгородей, деревьев. Чистый сладкий воздух переполнял лёгкие и немного пьянил. Но всей этой дарованной свыше человеку земной красоты Иван Тимофеевич не замечал. Снег смачно поскрипывал у него под ногами, а в душе звучала музыка удачной охоты.

И вдруг сердце нашего партийца, участника Финской и Отечественной войн, оборвалось, по телу поползли предательские мурашки, а душу парализовал страх. За долю секунды пронеслись перед глазами яркие картины деревенских баек о пронсящих по улицам огненных колёсах, о скачущих безмолвно лошадях. А увидел Иван Тимофеевич впереди на снегу падающую откуда-то сверху и делающую странные пассы человеческую тень. Он поднял голову: на фоне яркой луны на хате стояла ведьма, размахивала метлой и пыталась взлететь. Рядом с ней, подёргивая поднятым кверху хвостом, стоял её пособник - колдовской кот.

В следующую секунду кот свирепо мякнул и прыгнул на представителя власти. Иван Тимофеевич в ту же секунду полетел, он не помнил тот промежуток времени, когда бежал, лишь в следующее мгновение председатель понял, что уже дома. Сердце бешено колотилось, пот застилал глаза, расширенные от ошолобения веки никак не хотели возвращаться в первоначальное положение, брови предательски ползли вверх.

Стоя у двери в хату, пытаюсь отдышаться, Иван Тимофеевич почувствовал, что потерял шапку. По всей видимости, её сбил прыгнувший ему на голову, почувший запах свежего мяса ведьмин кот. Глава даже неожиданно для самого себя в испуге поднял голову - не летает ли над его подворьем нечистая сила.

“Я, коммунист, партиец, участник Финской и Отечественной войн - и испугался какой-то антисоветской ведьмы! Что скажет партия, если узнает!..” - проносилось в голове Ивана Тимофеевича.

Зубы председателя мелко постукивали, сопротивляясь его коммунистическому мировоззрению.

Чтобы домашние не увидели волнения, председатель сна-

чала пошёл в сарай разделять зайца, и здесь его осенила спасительная мысль: пойти завтра к бабке Куделихе, на чьей хате он увидел неопознанный объект, и, как коммунисту, борцу со всяким мракобесием, во всём разобраться.

На следующий день, едва рассвело, Иван Тимофеевич двинулся в путь. На подходе к хате Куделихи сердце всётаки без ведома на то председателя непослушно заколотилось. Иван Тимофеевич постучал в окно:

- Параска Мытрофановна, ты тут жива?! Я от совета прыйшов узнать, ты тут ны в чём ны нуждаешься?

- Тимохеич, цэ ты? Заходь! - и Куделиха, поснимав все засовы, открыла дверь.

- Ну як ты тут, Мытрофановна, як дила?

- Ой, Тимохеич, шо ж мини було! Затопыла я вчэра пичку, а дым увесь пишов у хату, я и ползла старистью ночью дымарь прошишкарить митлою, той, шо в синях стояла, и кит за мною увязався. Тикэ стала дило робыть, як гляну уныз, а там стоять чэрт, весь бильый, сзади горб и ручки розвив, собирайться пльгнуть, мэнэ схватить, старуху. Надругаться рышив, нычиста сыла! Мать знасылувать.

- Та вы шо, Мытрофановна! Ны можэ такого быть?! А вы его ны взналы?

- Ни! На его кит мий як пльгнэ, ну я й ны стала дожидаться колы вин моего кота зыйисть, а тоди за мэнэ прыймыться. Я тожэ як пльгну назад и покотылась с крыши. Та добрэ шо снит в кучу пид хатой росчишала и скидала. Так я в ту кучу и впала! А то можэ и пичинкы сыби б поотбывала.

- Ны дай Бог, Мытрофановна, оцэ старистью так стрыбать! Дай вам Бог здоровья! - посочувствовал глава.

- Так я в хату заскочила, пичку бильш ны топыла и всю ничь ны спала, ждала колы вин, нычиста сыла, за мной прыйдэ. А утром, оцэ ныдавню, тикэ розвзыднылось, дай думаю пиду подывлюсь на тэ мисто, дэ вин стояв. Глядь, ось чиясь шапка лыжить. Наверно, Тимохеич, вин ужэ когось зыйив!

- Ну нади ж, Мытрфановна! Цэ дило надивно розибрать навырху, в органах! Шо за сыла на нас идэ? Ты давай мини шапку для следствию и ныкому ны розскажуй, а то могут арыстувать. За розглашение государственной тайны! Ты ж сама знаишь, шо у нас цэ ныдовго...

- Та свят-свят, Тимохеич! Та упасы Божэ! Могыла!..

Иван Тимофеевич, попросившись с Куделихой, вышел на улицу. Было красивое морозное утро. Добрые снежинки неспешно опускались на землю. Чистый морозный воздух настойчиво обволакивал. Снег радостно хрустывал под ногами. Вздохнув полной грудью, Иван Тимофеевич подумал: “Красота! И никакой тебе нечистой силы!..”

С. Кревсун

Почтовые марки с казаками

26 сентября 2008 года в Москве произошло событие, которое, безусловно, займёт своё достойное место в современной истории российского казачества. В этот день впервые был представлен посвящённый казакам только что выпущенный блок почтовых марок.

До сих пор “казачьих” марок не было, хотя та же военная тематика в филателии достаточно развита. Их не было даже до революции, когда казаки были одним из оплотов российской государственности. Разве что в СССР была всё-таки выпущена одна марка, имеющая некоторое отношение к казакам - в серии о родах войск Великой Отечественной войны. На ней с подписью “Кавалеристы” изображены бойцы в казачьей форме (бурки и кубанки).

В торжественном акте погашения марок, состоявшемся в столичном “Президент-Отеле”, приняли участие представители исполнительной власти, учёные, писатели и журналисты, изучающие историю казачества, кадеты московского кадетского казачьего корпуса, представители общественных организаций, а также Донской реестровый атаман, “казачий генерал” В.П. Водолацкий. Непосредственно погашение блока провели заместитель главы Администрации Президента А. Беглов и заместитель министра связи В. Солдатов.

По информации организаторов мероприятия, блок “казачьих” марок был подготовлен и выпущен в свет по инициативе и стараниями казака Первого Донского казачьего округа, писателя, профессора Анатолия Степановича Михайлина.

18 марта исполняется 100 лет со дня рождения донского казака, замечательного поэта Николая Николаевича Туроверова (1899-1972). К его стихам возвращаться бесконечно - настолько они западают в душу. Знаменитое "Уходили мы из Крыма..." для многих в России стало толчком к осознанию истории и трагедии русской эмиграции.

В Ставрополе на Волге (нынешний Тольятти) решили рассказать о Туроверове и его творчестве наглядно, "оживить книгу". Путь от томика стихов в руках до ежегодного фестиваля "Туроверовские чтения" проделал его организатор, создатель Центра казачьей культуры "Ставрополь - город Святого Креста" кубанский казак

О. Д. Филь - и сцена фестиваля

О. Д. Филь. Композиция праздника: с кинохроникой времён Гражданской войны и эмиграции, высвеченными в глубине сцены фотографиями война и поэта - офицера Л.-Гв. Атаманского полка и французского легионера, его близких в Париже, в сопровождении текста от автора, чтением стихов и рассказом о судьбе поэта, с качественной звуко-

режиссёрской работой - несомненно, удалась.

В фестивалях, начиная с первого - в 2005 году - участвуют казачьи фольклорные ансамбли, оркестр народных инструментов, отдельные исполнители. В октябре 2007 года фестиваль "Туроверовские чтения" стал победителем конкурса грантов Президента РФ в области образования, культуры, искусства и общественной дипломатии.

На последнем фестивале в марте 2008 года выступил составитель книги стихов поэта "Двадцатый год - прощай Россия!" кандидат исторических наук, заведующий архивом библиотеки Российского фонда культуры Виктор Леонидов. В программе фестиваля была организована фотовыставка, на основе стихов и писем поэта прошла литературно-музыкальная постановка "Воспоминание".

В фестивале приняли участие делегации казаков из городов Поволжья и Урала, руководители национально культурных центров, общественных организаций, учащиеся школ Тольятти.

Остаётся заметить, что вместе с ростом интереса к творчеству лучшего казачьего поэта всё чаще поднимается вопрос и об исполнении его последнего желания - быть похороненным "где-нибудь поближе к Дону, к старому Черкасску". Сегодня его прах покоится на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа во Франции. По словам исследователя эмиграции К. Хохульникова, лучшее место для перезахоронения - в ограде храма Покрова Пресвятой Богородицы в Старочеркасске.

П. С. (К)

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

* * *
 Не выдаст моя кобылица,
 Не лопнет подпруга седла.
 Дымится в Задоньи, курится
 Седла февральская мгла.
 Встаёт за могилой могила,
 Темнеет калмыцкая твердь
 И где-то правее - Корнилов,
 В метелях идущий на смерть.
 Запомним, запомним до гроба
 Жестокую юность свою,
 Дымящийся гребень сугроба,
 Победу и гибель в бою,
 Тоску безысходного гона,
 Тревоги в морозных ночах,
 Да блеск тускловатый погона
 На хрупких, на детских плечах.
 Мы отдали всё, что имели,
 Тебе, восемнадцатый год,
 Твоей азиатской метели
 Степной - за Россию - поход.

* * *
 В эту ночь мы ушли от погони,
 Расседлали своих лошадей;
 Я лежал на шершавой попоне
 Среди спящих усталых людей.
 И запомнил и помню донные
 Наш последний российский ночлег,
 Эти звёзды приморской пустыни,
 Этот синий мерцающий снег.
 Стерегло нас последнее горе,
 После снежных татарских полей,
 Ледяное Понтийское море,
 Ледяная душа кораблей.

* * *
 Мы шли в сухой и пыльной мгле
 По раскалённой крымской глине.
 Бахчисарай, как хан в седле,
 Дремал в глубокой котловине.
 И в этот день в Чуфут-Кале,
 Сорвав бессмертники сухие,
 Я выцарапал на скале:
 Двадцатый год - прощай, Россия!

Уходили мы из Крыма
 Среди дыма и огня.
 Я с кормы всё время мимо
 В своего стрелял коня.
 А он плыл, изнемогая,
 За высокою кормой,
 Всё не веря, всё не зная,
 Что прощается со мной.
 Сколько раз одной могилой
 Ожидали мы в бою.
 Конь всё плыл, теряя силы,
 Веря в преданность мою.
 Мой денщик стрелял не мимо -
 Покраснела чуть вода...
 Уходящий берег Крыма
 Я запомнил навсегда.

Зная

Мне снилось казачье зная,
 Мне снилось - я стал молодым.
 Пылали пожары за нами,
 Клубился пепел и дым.
 Сгорала последняя крыша,
 И ветер веял вольней,
 Такой же - с времён Тохтамыша,
 А, может быть, даже древней.
 И зная средь чёрного дыма
 Сияло своею парчой,
 Единственной, неопалимой,
 Нетленной в огне купиной.
 Звенела новая слава,
 Еще неслышанный звон...
 И снилась мне переправа
 С конями, вплавь, через Дон.
 И воды прощальные Деза
 Несли по течению нас,
 Над нами на стяге иконы,
 Иконы - иконостас;
 И горький ветер усобиц,
 От гари став горячей,
 Лики всех Богородиц
 Качал на казачьей парче.

Благотворительным фондом "Вольное Дело"

при участии Библиотеки-фонда "Русское Зарубежье" издан уникальный фотоальбом "Казачи зарубежья". Издание объёмом около 300 страниц, содержащее порядка 600 фотографий, впервые в таком значительном объёме представляет читателю возможность увидеть лица тех, кто по всему миру пронёс честь и славу казачью, познакомиться с сохранёнными ими войсковыми реликвиями, узнать о тяжёлых и радостных страницах жизни изгнанников.

Куда ни заносила судьба казаков - они выживали в самых экстремальных ситуациях, приспосабливаясь к непривычным условиям. Трудолюбие и азарт помогали им отвечать на любой жизненный вызов. На всех континентах ими создавались общественные объединения, станицы и хутора, памятники и музеи, основывались храмы и кадетские корпуса, издаются книги, газеты и журналы.

В наши дни, когда десятки тысяч наших соотечественников не по своей вине оказались за проведёнными большевиками границами, мы нуждаемся в изучении не просто малоизвестных страниц истории собственного

создания эмигрантского казачьего издания 1930-х годов на территории современной России стал выпуск с конца 1991 года нашего журнала. Он не только унаследовал внешние атрибуты прежней "Станицы" - название, стиль оформления - но и основную направленность, ориентацию на думающего читателя, казачью интеллигенцию, на потомков казаков, частую проживающих вне исторических казачьих областей, на актуализацию исторических тем как уроков нынешнему движению.

Опыт нескольких поколений эмигрантов важен сегодня и для становления казачьих обществ в России (вне пределов исторических казачьих областей), и для общин на территории стран бывшего СССР. Особенно важен для России опыт по воспитанию детей, привития им традиционных духовных ценностей, любви к русской истории и литературе, самому русскому языку.

Альбом "Казачи зарубежья" в отдельных разделах представляет жизнь и деятельность казачьих общин в различных странах мира, казачьи музеи, кладбища, издания, культуру и образование, фотолетопись отдельных семей. Раздел иллюстраций предваряется текстовыми материалами и приложениями, рассказывающими об отдельных эпизодах жизни казачьего зарубежья (таких, например, как начало исхода, история казачьих хором, эпопея Кубанских Войсковых регалий, музей в Париже, Монреальская станица, колония на острове Тубабао, казаки во 2-й мировой войне и трагедия Лиенца, семья казака в Чили М.С. Краснова, переписка атамана В.Г. Науменко и др.).

Авторы-составители альбома - доктор исторических наук Т. Таболина и редактор "Станицы" Г. Кокунько.

"Казачи зарубежья"

Казачи в Париже

Издание осуществлено на средства и по инициативе учредителя Фонда "Вольное Дело" кубанского казака Олега Владимировича Дерипаски.

Большая часть тиража альбома после презентации (состоявшейся в октябре в Краснодаре, в только что отреставрированном зале усадьбы купцов Богарсуковых, где будут выставлены Кубанские войсковые регалии), была наряду с другими изданиями по истории края передана в дар муниципальным и учебным библиотекам края. Всего в течение 2008 года библиотеки Кубани получили свыше 22 тысяч томов различных наименований, в том числе и предоставленных зарубежными соотечественниками.

Книга уже вызвала интерес во всему зарубежью. Её презентации состоялись в целом ряде стран - от далёких островов Вануату до Америки.

Для нас особенно важно, что одним из наиболее успешных проектов восстановления эмигрантского казачьего издания 1930-х годов на территории современной России стал выпуск с конца 1991 года нашего журнала. Он не только унаследовал внешние атрибуты прежней "Станицы" - название, стиль

оформления - но и основную направленность, ориентацию на думающего читателя, казачью интеллигенцию, на потомков казаков, частую проживающих вне исторических казачьих областей, на актуализацию исторических тем как уроков нынешнему движению.

Как бы то ни было - спустя почти два десятилетия общения мы видим важные результаты взаимного узнавания. Из разных стран мира всё чаще приезжают в Россию наши соотечественники, некоторые из них успешно работают здесь. Появились возможности реализовывать совместные бизнес-проекты, программы помощи образованию, вместе восстанавливать памятники архитектуры, храмы.

Однако, при всём значительном росте общего интереса к Зарубежной России, у нас в стране в массовом сознании не сложилось ещё целостное понимание этого явления. Наблюдается, в частности, по-прежнему двойственное отношение к Белой эмиграции, к тем, кто по разным причинам оказался на Западе во время 2-й мировой войны. Применительно к казачьей эмиграции - в силу, прежде всего, её более активной роли в продолжении вооружённого противостояния большевицкому режиму - информированность ещё меньше, а оценки страдают ещё большими крайностями и предвзятостью.

Более продуктивным видится иной подход: сначала больше узнать - потом постараться понять!..

Г.К., Т.Т.

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции
Адрес для писем: Москва, 117335,
до востребования Стрелянову П.Н.
тел. 8-916-9114935

E-mail: stanitsa@rambler.ru;
архив номеров - www.gipanis.ru

Главный редактор -

Георгий Кокунько

Редактор -

Павел Стрелянов (Кулабухов)

Редколлегия :

Александр Азаренков

Юрий Аверьянов

Игорь Борисов, Андрей Серба,

Олег Мраморнов

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько